

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 2 (41)

2014

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор – **В.Л. Чепляев**
Зам. главного редактора – **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук; **О.А. Лиценбергер**, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; **Е.Ю. Сидорова**, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2014

№ 2 (41)
2014

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
F O R C I V I L S E R V I C E

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: ***V.L. Chepliaev***
Deputy editor-in-chief: ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial council:

L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Science (Philosophy)*;
V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics)*;
V.M. Dolgov, *Doctor of Science (History)*;
O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History)*;
A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy)*;
E.Yu. Sidorova, *Doctor of Science (Economics)*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law)*;
S.E. Channov, *Doctor of Science (Law)*;
T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2014

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V.V. Zotov, M.V. Kuznetsova
**Diagnostics of Attestation
Procedures for Professional
Fulfillment at Civil Service**

The main results of studies of diagnostic procedures for attestation for professional self-realization of heads and specialists of the state civil service are considered. The correlation between self-realization and attestation procedures is proved, factors of self-realization manifestations at civil service are studied, and the influence of self-realization on professional growth and development of professional competence is researched.

Key words and word-combinations: the correlation between self-realization and attestation procedures, criteria of professional self-realization, the state civil service.

Рассматриваются основные результаты исследования диагностики процедуры аттестации для профессиональной самореализации руководителей и специалистов на государственной гражданской службе. Доказывается взаимосвязь самореализации и процедуры аттестации, изучены факторы проявления самореализации на госслужбе, исследовано влияние самореализации на профессиональный рост и развитие профессиональной компетенции.

Ключевые слова и словосочетания: взаимосвязь самореализации и процедуры аттестации; критерии профессиональной самореализации, государственная гражданская служба.

УДК 342:35
ББК 67.401.02

В.В. Зотов, М.В. Кузнецова

ДИАГНОСТИКА ПРОЦЕДУРЫ АТТЕСТАЦИИ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти стало лейтмотивом всех крупных реформ государственной службы, осуществлявшихся за последние 20 лет. Достижение стабильности и обеспечение устойчивого развития современного российского общества непосредственно связаны с формированием эффективной деятельности государственной гражданской службы [1, с. 22]. В Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 15 августа 2001 г., отмечается, что одна из основных проблем в данной сфере – недостаточная эффективность деятельности органов государственной власти и их аппаратов. Сами процессы эффективной деятельности,

удовлетворяющие потребности общества и государства, проходят в сложных условиях.

В рамках очередного этапа реформы государственной службы в России одним из приоритетных направлений обозначена модернизация существующей системы мотивации профессиональной деятельности государственных служащих посредством внедрения новых принципов стимулирования и оценки деятельности, применения результативных методов отбора и подбора кадров, создания условий для должностного роста.

Проблема профессиональной оценки качества управления и эффективности деятельности государственного и муниципального служащего сегодня остается весьма актуальной и усложняется тем обстоятельством, что страна находится на стадии реформирования системы государственной службы.

Процедура аттестации государственному гражданскому служащему позволяет реализовать себя, проявить свои возможности и является одним из главных побудительных мотивов деятельности. «Аттестация гражданских и муниципальных служащих представляет собой механизм и технологию определения соответствия чиновника замещаемой должности гражданской службы на основе оценки его профессиональной служебной деятельности, является правовым средством расширения демократических начал в кадровой политике и управлении государственной службой, средством обеспечения формирования и реализации целенаправленной и предсказуемой кадровой политики в органах государственной власти» [2, с. 448].

В исследовании изучена взаимосвязь процедуры аттестации и профессиональной самореализации на государственной гражданской службе (ГГС) руководителей и специалистов (табл. 1).

Численность экспертной группы, в которую вошли работники аппаратов государственных органов власти г. Курска, составила 531 человек.

Таблица 1

Диагностика процедуры аттестации для самореализации на ГГС

Прохождение процедуры аттестации способствует осуществлению (проявлению) профессиональной самореализации на ГГС	Руководители, %	Специалисты, %
Да	81,6	79,3
Нет	8,4	14,4
Не знаю	1,2	6,25

Согласно проведенному анализу как молодые, так и руководители со стажем (81,6%) считают, что прохождение процедуры аттестации способствует осуществлению профессиональной самореализации на государственной гражданской службе: молодые руководители, со стажем работы до 5 лет, как у мужчин, так и у женщин-руководителей – 100%, со стажем до 10 лет – 84,3 и 90,5%, опытные руководители (стаж от 10 до 15 лет) 86,5 и 95,6% соответственно, мужчины-руководители (стаж от 15 лет) 23%, профессионалы со стажем рабо-

ты более 20 лет – 100%. Категорично не рассматривают аттестацию в качестве возможности проявления самореализации 5% респондентов. Из них 19,5% молодых руководителей, как мужчин (12,04%), так и женщин (7,5%) со стажем работы на ГГС до 10 лет. Ответ «не знаю» дали 1,2%, причем 3,6% мужчин – молодых руководителей со стажем работы на ГГС до 10 лет и 1,8% женщин-руководителей с тем же самым стажем.

Специалисты также дают высокий процентный показатель 79,3% на связь аттестации и самореализации на ГГС: молодые специалисты – мужчины 83,3%, женщины – 76,3, специалисты со стажем работы до 10 лет – 87,5 и 80%, опытные специалисты, со стажем работы от 10 до 15 лет – 100 и 66,6% соответственно, женщины со стажем работы свыше 15 лет – 87,5%. 14,4% специалистов отрицают возможность профессиональной самореализации через процедуру аттестации. Наибольший процент – 28,6% у молодых специалистов со стажем работы менее 5 лет. Затрудняются ответить на вопрос о взаимосвязи аттестации и самореализации 6,25% респондентов: 11,7% начинающих специалистов со стажем работы до 5 лет 6,4% – со стажем работы до 10 лет и наиболее опытные специалисты, со стажем работы от 10 до 15 лет – 16,7%.

Таким образом, поскольку во обеих группах преобладают положительные ответы относительно взаимосвязи самореализации и процедуры аттестации, возможно ставить вопрос о понятии и проявлении самореализации на госслужбе, о том, позволяет ли она влиять на профессиональный рост и развитие профессиональной компетенции. Последнее утверждение в первую очередь оценивается при прохождении аттестации на государственной гражданской службе (табл. 2).

Таблица 2

Критерии проявления самореализации на ГГС

Что Вы включаете в понятие самореализации на ГГС?	Руководители, %	Специалисты, %
Способность реализовать свои карьерные притязания	25	28,8
Умение (способность) выстроить отношения в коллективе и с высшим руководством с целью достижения успехов в профессиональной деятельности	9,1	11,5
Стремление к успешной профессиональной деятельности	13,1	17,7
Возможность занять достойное место в обществе	10,3	7,2
Самореализацию в управленческой сфере	13,1	9,1
Творческий характер труда и реализацию своих способностей	7,8	6,7
Умение вписаться в определенную социальную группу, «свою нишу»	8,4	6,3
Условия для достижения достатка, благополучия	8,2	10,7
Условия для достижения признания, успех	5	2

Наибольшее предпочтение как у руководителей, так и у специалистов вы-

зывает самореализация на государственной гражданской службе – способность реализовать свои карьерные притязания – 25 и 28,8%. Этот ответ выбрали 100% начинающих руководителей со стажем работы до 5 лет на ГГС, как мужчины, так и женщины. Опытные руководители самореализуются за счет карьерных притязаний 27,7 (мужчины) и 28,3% (женщины), опытные специалисты – 37,5 и 26,6% соответственно, руководители со стажем работы более 15 лет – 9,3% (21,6 и 24,2%), опытные специалисты – 15,3 %.

Ответ «Умение (способность) выстроить отношения в коллективе и с высшим руководством с целью достижения успехов в профессиональной деятельности» выбрали руководители – 9,1%, специалисты – 11,5%. Из них молодые руководители со стажем работы до 10 лет – 4,4% (13,6 и 5,6%), молодые специалисты – 6,2% (8,3 и 12,5%), более опытные специалисты со стажем работы от 10 до 15 лет – 3,4% (12,5 и 10%). Опытные руководители, имеющие стаж от 10 до 15 лет, – 2,8% (5,4 и 7,7%), среди специалистов с таким же опытом работы предпочли эту позицию только женщины-специалисты – 41,6%.

Стремление к успешной профессиональной деятельности как возможности самореализоваться на государственной гражданской службе предпочли 13,1% руководителей и 17,7% специалистов. Из них молодые руководители со стажем работы до 10 лет на государственной гражданской службе – 12 и 9,4%, молодые специалисты – 41,6 и 39,1%, опытные руководители-мужчины со стажем 10–15 лет – 18,9%, женщины – 13,2%. Специалисты-женщины (стаж 10–15 лет) – 20,8%.

Достойное место в обществе как показатель самореализации на государственной гражданской службе предпочли руководители – 10,3%, специалисты – 7,2%. Среди опытных руководителей мужчин предпочли этот ответ 77%, женщин – 13,6%. Их молодых специалистов со стажем до 5 лет выбрали эту позицию только мужчины – 8,3%, женщины со стажем от 10 до 15 лет – 42%.

Стремление реализовать себя в управленческой сфере свойственно руководителям – 13,1%, специалистам – 9,1% (опытные управленцы-мужчины – 17,7%, женщины – 35,3%; начинающие специалисты-мужчины со стажем до 5 лет – 11,1, женщины – 11,25%, женщины со стажем более 15 лет – 16,6%).

Творческий характер труда и реализация способностей на государственной гражданской службе важна руководителям – 7,8, специалистам – 6,7%. Из них руководители, чей стаж более 10 лет, составили 8,4%, более 15 лет – 8,1, женщины-руководители со стажем более 10 лет – 5,6, более 15 лет – 1,1%. В группе специалистов наибольший процент положительных ответов у молодых специалистов – 10%.

Умение вписаться в определенную социальную группу, «свою нишу», предпочли в качестве проявления самореализации руководители (8,4%) и специалисты (6,3%). У молодых руководителей-женщин, чей стаж работы на ГГС до 10 лет, этот ответ предпочли 11,3%, мужчины – 10,8. Приоритетное направление самореализации в основном предпочли женщины-специалисты до 30 лет – 7,5%, от 41 до 50 лет – 8,3, 51–60 лет – 12,5.

Достаток, благополучие как результат самореализации на ГГС отметили руководители – 8,2%, специалисты – 10,7. Руководители-мужчины со стажем

работы от 10 и более 15 лет предпочли этот выбор – 14,1%, женщины-руководители с таким же профессиональным опытом – 12,4. Специалисты ГГС: стаж работы до 10 лет – 17,35% (11,1 и 6,25%), от 10 и до 15 лет – 36,6% (25 и 11,6%), более 15 лет – 58,3% (50 и 8,3%), женщины-специалисты – 25%.

Добиться признания, успеха как фактора показателя самореализации хотели бы руководители – 5%, специалисты – 2%. Из них опытные, руководители – 7,5%, старше 60 лет – 50%. Женщины-руководители со стажем работы от 10 и более 15 лет – 6,7%. Специалисты-мужчины (опыт работы до 5 лет) – 2,7%, женщины с таким же опытом работы – 1,2%, те, у кого профессиональный стаж более 10 лет, – 3,3%.

Значимой детерминантой самореализации являются основные мотивы, которыми руководствуется государственный гражданский служащий в профессиональной сфере. На основании таких мотивов можно рассуждать о социальной зрелости личности, степени ее самореализации. Следует выделить два типа мотивации: внешнюю и внутреннюю. К внешней относятся ответы у руководителей – 34,4%, у специалистов – 36,1%, такие, как умение (способность) выстроить отношения в коллективе и с высшим руководством с целью достижения успехов в профессиональной деятельности; занять достойное место в обществе; вписаться в определенную социальную группу, «свою нишу»; добиться достатка, благополучия; признания, успеха. Таким образом, анализируя внешнюю мотивацию, влияющую на самореализацию государственного гражданского служащего, делаем вывод, что они придают особый смысл объективным условиям, объясняя свои профессиональные поступки, стандартное мышление и стереотипность при принятии решений.

К внутренней мотивации авторы относят ответы у руководителей – 55%, у специалистов – 62,3%: способность реализовать свои карьерные притязания; стремление к успешной профессиональной деятельности; желание реализовать себя в управленческой сфере; творческий характер труда и реализация своих способностей.

Основным показателем внутренней мотивации, по мнению авторов, является стремление к компетентности и мастерству. Чем в большей мере государственный гражданский служащий чувствует себя профессионально компетентным и эффективным, тем в большей степени у него выражена мотивация к данному виду самореализации.

Процедура аттестации является стимулом повышения профессиональной подготовленности служащих, мотивацией их дальнейшего карьерного роста и взаимосвязана с самореализацией личности на государственной гражданской службе.

Библиографический список

1. Барциц И.Н. О концептуальных направлениях развития системы государственной службы Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 22.
2. Черепанов В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учебник для студентов. М., 2012.

N.A. Baryshnaya
Tools of Improvement of Regional Migration and Ethno-Cultural Policy (case study of the Saratov region)

In the frameworks of a series of researches empirical and analytical works directed on identification of problems of ethno-cultural potential realization on the territory of the Saratov Region are analyzed. Based on their results, a number of conclusions are made that can identify opportunities to control ethno-political processes in the region.

Key words and word-combinations: ethnicity, ethno-cultural policy, migration, management, civil nation.

В рамках серии исследований анализируются эмпирические и аналитические работы, имеющие значение для выявления проблем реализации этнокультурного потенциала на территории Саратовской области. Опираясь на результаты собственных исследований, автор сделал ряд выводов, способных определить возможности управления этнополитическими процессами в регионе.

Ключевые слова и словосочетания: этничность, этнокультурная политика, миграция, управление, гражданская нация.

УДК 323.11(470.44)
ББК66.3(0)5(235.54)

Н.А. Барышная

**МЕХАНИЗМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
МИГРАЦИОННОЙ
И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹**

Принципиально важным для современной России, и Саратовской области в частности, является утверждение российской идентичности и целостности российской нации – российского народа на основе общего историко-культурного наследия, русскоязычного культурного комплекса, вобравшего в себя традиции и культурные достижения всех российских национальностей. В связи с этим Саратовская область благодаря своему приграничному положению выступает как форпост России.

Не менее важным является тезис о том, что российская идентичность формируется на основе представления об исторически существующем едином народе, который ныне представляет собой гражданскую нацию. Российская нация состоит из граждан, которым помимо общероссийских ценностей и об-

---

¹ Статья подготовлена на материалах исследований: «Депривационный анализ факторов этносоциальной напряженности» РГНФ № 12-33-01026-а (рук. д-р социол. наук К.С. Мокин); «Социальные факторы этнической нетерпимости» РФФИ № 10-06-00537-а (рук. академик РАН В.А. Тишков); «Социальные границы полиэтнической организации в современном городе: конструирование и трансформация» РГНФ № 10-03-00063-а (рук. д-р социол. наук К.С. Мокин).

щих характеристик свойственны региональные, этнокультурные и религиозные особенности. Различие и поддержка этих форм идентичности среди россиян не противоречат идее российского единства, а составляют ее неотъемлемую часть [1].

Проблематичность современного миграционного процесса для принимающего населения в том, что с помощью новых социальных практик адаптации они имеют тенденцию превратиться в устойчивую, преемственную и саморазвивающуюся теневою субкультуру. Это особенно важно в условиях чрезвычайной этнокультурной мозаичности мигрантских групп в Саратовской области, что логически предполагает формулирование (хотя бы в основных чертах) дифференцированных стратегий социально-политического управления конкретными группами мигрантов (безусловно, в условиях их правового равноправия) в зависимости от факторов, определяющих характер интеграционных процессов, ранжированных по важности. К этим факторам относятся следующие:

а) соотношение в миграционном потоке данной этнической группы временных трудовых мигрантов и мигрантов, ориентированных на оседлый образ жизни в Саратовской области;

б) антропологическая (фенотипическая) выделенность данной группы среди основной массы местных жителей, возникающие в связи с этим стереотипные ассоциации, задающие параметры внешнего давления местной среды (включая действия административных органов) на данную группу;

в) этнокультурные особенности групповой самоорганизации, которые можно использовать как дополнительный ресурс управления;

г) исторически сложившийся групповой опыт выживания в инокультурной среде, особенно городской (куда стремятся основные массы инокультурных мигрантов);

д) развитость и доступность для мигрантов сети формальных национально-культурных объединений.

Следует дифференцировать цели, задачи и инструменты регулирования разных потоков мигрантов, различающихся по этнической принадлежности и этнокультурной дистанции – русских (славян) / представителей этнических миграционных меньшинств; по гражданству, характеру миграции, правовому статусу – легально / незаконно находящихся и (или) работающих в городе.

Представляется, что в наименьшей степени нуждаются в адаптации и/или интеграции «русскоязычные» мигранты, хотя, разумеется, им необходима определенная информационно-правовая поддержка. Однако, учитывая ограниченность ресурсов, имеет смысл концентрировать усилия на более проблемных группах представителей мигрантских этнических меньшинств.

В большинстве случаев мигранты, ориентированные на постоянное или преимущественное проживание в городе, особенно имеющие законные основания для проживания, отдают себе отчет в необходимости если не интеграции, то, по крайней мере, адаптации к местной среде. Эта потребность резко возрастает среди семейных мигрантов, связывающих будущее детей с Саратовской областью.

В то же время для тех из приезжих, кто не имеет российского гражданства (трудоустроенных, временных мигрантов) и законных оснований для проживания в области, проблемы интеграции существенно возрастают именно из-за нелегаль-

ного статуса, ограничивающего их возможности обучения языку, профессионального роста, доступа к культурным и иным традиционным ценностям местной городской / поселенческой среды.

Самого пристального внимания заслуживают те этнические миграционные сообщества (меньшинства), которые не имеют российского гражданства и лишены законных оснований для пребывания и/или трудовой деятельности в Саратовской области. Лишенные доступных для других групп мигрантов каналов адаптации, они обречены на сегрегацию и «добровольную» изоляцию от местной среды, причем уровень их (само)сегрегации прямо пропорционален социокультурной дистанции между данным меньшинством и местными жителями.

Для целей этнополитического управления регионом чрезвычайно важен дифференцированный подход к разным группам мигрантов, к наиболее конфликтным мигрантам, в наибольшей степени нуждающимся в адаптации. На первых порах необходимо обеспечить доступ к информации об их правах, правовых последствиях их положения, возможностях найма, доступа к элементарной медицинской помощи. Необходима также жесткая политика пресечения противоправной деятельности их работодателей.

Иные проблемы возникают с представителями мигрантских меньшинств, которые приезжают для осуществления трудовой занятости, но либо имеют российское гражданство, либо имеют законные основания для пребывания в регионе: жители Саратовской области правомерно полагают, что эти мигранты должны соблюдать нравы и традиции местной среды, уважать их. Эти группы нуждаются в элементарном социальном и культурном ликбезе, а также в доступе к медицинскому обслуживанию, обучению детей, правам, гарантированным им действующим законодательством, равно как в информировании о своих правах, правовой поддержке, информационно-консультативных услугах о рынках труда, жилья.

Между тем возможности регулирования миграционных процессов на региональном уровне (региональным правительством) ограничены, с одной стороны, международными обязательствами России, законодательством Российской Федерации (в первую очередь Конституцией РФ, согласно которой миграционная политика является исключительной прерогативой федерального центра) и необходимостью соблюдения прав и свобод человека и гражданина. С другой стороны, мощным ограничителем возможностей регулирования миграционных процессов являются объективные факторы, особенно социально-экономические. В частности, достаточно низкий (по сравнению с центральными регионами России, такими, как Москва, Московская область и др.) социально-экономический потенциал Саратовской области, ее приграничное положение предопределяют характер транзитной миграции, при которой основные массы мигрантов следуют в западном направлении, практически не задерживаясь в регионе. Следует согласиться, что «ключи регулирования миграции... лежат в социально-экономической политике» [2, с. 13].

Другим важнейшим направлением миграционной политики и связанной с ней региональной этнополитики становится обеспечение интеграции мигрантов в жизнь городов / поселений области. Для регионального правительства

поддаться существующей в регионе мигрантофобии – значит потерять квалифицированную рабочую силу из стран СНГ, наиболее адаптированную к условиям России и составляющую основной контингент иммигрантов [3, с. 26]. Решающий поворот от конфронтации к сотрудничеству невозможен без конкретных и тщательно взвешенных шагов по адаптации и интеграции мигрантов в местную среду сообщества.

Этот процесс должен базироваться на следующих принципах:

I. Правовом регулировании миграционных процессов при обеспечении эффективности и должном правоприменении законодательства, регламентирующего права мигрантов и меньшинств [4, с. 270]. На федеральном уровне необходимо выработать и предложить компоненты формирования российских символов и ценностей, утверждения российского патриотизма и солидарности на основе формул «единства в многообразии» и «нации наций». Академическая наука также должна принимать непосредственное участие в разработке этих сложных и важных проблем.

II. Единой концепции миграционной политики и адаптации мигрантов в Саратовской области, рассматривающей Саратов (как основной транзитный миграционный пункт) и Саратовскую область (в основном как конечный пункт миграционных траекторий) в неразрывной связи. Отсутствие региональной миграционной концепции как рамочного документа, учитывающего эти особенности, серьезно осложняет деятельность местных властей (на уровне районов и поселений).

III. Транспарентности миграционной и этнонациональной политики в Саратовской области. Этот принцип начинает реализовываться в Саратовской области, однако имеются определенные недостатки в транспарентности взаимоотношений органов государственной власти с органами местного самоуправления и национально-культурными организациями. Это особенно ярко проявляется в периоды конфликтного противостояния (Ровное, Ивантеевка, Пугачев).

IV. Дифференцированного подхода к различным группам мигрантов при реализации миграционной политики и политики их адаптации и/или интеграции. Следует учитывать разные аккультурационные возможности разных групп мигрантов, обуславливающих их стратегии поведения в новой, инокультурной среде приема.

V. Субсидиарной ответственности органов государственной власти, местного самоуправления, с одной стороны, и организаций мигрантских меньшинств – с другой², что означает: община этнических мигрантов должна нести ответственность за своих членов при определенной автономии в своих действиях, в рамках действующих правовых норм.

По сути, сегодня действует внешне схожая схема взаимоотношений органов

---

² Имеется в виду ситуация, когда «сообщество более высокого порядка не должно вмешиваться во внутреннюю жизнь сообщества более низкого порядка, присваивая его функции; но ради общего блага поддержит его, если надо, поможет сообразовать его действия с другими составляющими общества» (Энциклика Папы Иоанна Павла II «Сотый год», цит. по: Государство. Антропоток: доклад Центра стратегических исследований Приволж. федер. округа. Н.Новгород; М., 2003. С. 174).

государственной власти, местного самоуправления с организациями мигрантских меньшинств: в проблемных ситуациях власти обращаются к этническим общинам для их разрешения. Однако эти взаимоотношения, как правило, неформализованны, спорадичны, нелегитимны и носят односторонний характер, так как чаще всего иницируются властями. Конструктивного сотрудничества с этническими мигрантскими сообществами (меньшинствами), тесно взаимосвязанного с принципом субсидиарной ответственности, нет.

VI. Недопущение образования мест компактного проживания иноэтничных мигрантов, которые, как показывает опыт Западной Европы, становятся своеобразной «социальной взрывчаткой» из-за практической автономии их существования [5, с. 20]. Формирование этнообщин не должно принимать формы компактного проживания представителей этих общин и их сегрегации от основного населения Саратова и Саратовской области.

Представляется целесообразным отстранение этнических общин от выполняемых ими сегодня социально-политических функций, которые непрерывно артикулируются органами региональной власти. По сути, необходимо перехватить информационно-консультационные и сервисные функции у этнических общин, развивать альтернативную официальную структуру трудовой миграции в виде сервисных институтов, работающих на официальной основе и обеспечивающих легитимность, информированность и безопасность мигрантов. Такие центры могут включать информационно-консультационные службы, услуги по трудоустройству, юридические услуги [6, с. 88]. В условиях отсутствия инфраструктуры, обеспечивающей легитимность миграции и легализацию статуса мигрантов, последние «вытесняются» в теневой сектор, что предопределяет особенности модели поведения мигрантов. Подавляющее большинство иммигрантов для трудоустройства в Саратовской области пользуются помощью соотечественников – 62% [7]; теневая роль этнических общин приобретает чрезмерное значение.

На наш взгляд, попытки регулирования латентных миграционных потоков невозможны в рамках исключительной компетенции органов государственной власти Саратовской области, поэтому требуется сотрудничество с органами государственной власти Российской Федерации (УФМС, УФСБ, МВД РФ).

Для создания организации эффективного управления процессом приспособления / адаптации мигрантов к социокультурной среде Саратовской области необходимы следующие меры:

- выделить в отдельный блок, требующий первоочередного внимания, законы и иные нормативные акты, направленные на регулирование именно временной трудовой миграции;
- выделить в структуре миграционной службы Саратовской области (УФМС России по Саратовской области) подразделение, ответственное за создание и ведение отдельной базы данных по временным (трудовым) мигрантам и, по возможности, местного населения, участвующего в их обслуживании; вести работу по улучшению документирования временных трудовых мигрантов;
- создать структуру, которая должна взять на себя инициативу в обустройстве жизни (и определенного контроля над ней), а также организации инфраструктуры обслуживания временных (трудовых) мигрантов, что обойдется де-

шевле, нежели решение проблем, порождаемых теневой миграционной субкультурой;

– в рамках организации контролируемой инфраструктуры наиболее эффективными и уместными кажутся различные курсы и тренинги языковой и культурно-поведенческой адаптации мигрантов, а также различные формы юридической и финансово-кредитной поддержки интеграционных ориентаций мигрантов;

– переориентировать национально-культурные объединения Саратовской области с деятельности преимущественно представительской (в разного рода общественных советах и ассоциациях) на работу, связанную с оказанием конкретной помощи мигрантам, на более тесное взаимодействие с саратовской миграционной службой с целью создания общего поля деятельности и зоны общей ответственности областной миграционной службы и саратовских (региональных) национально-культурных объединений;

– организовать центр специальной подготовки и переподготовки по навыкам межкультурного взаимодействия для представителей исполнительной власти, непосредственно контактирующих с теми или иными этническими группами мигрантов; центр также должен оценивать качество подготовки и быть уполномочен предоставлять по результатам тестирования специальный допуск к работе с мигрантами определенной этнической группы.

Таким образом, при всей сложности этнополитической ситуации необходимо исходить из того, что гражданское самосознание в России находится в стадии становления. Главной проблемой является не этнокультурное многообразие, а социальное расслоение, наличие большого числа людей, живущих за чертой бедности, отсутствие консолидированного среднего класса, большая разница в уровне жизни в разных регионах. Масштабы социального неравенства препятствуют формированию социальной основы для формирования гражданского общества и, соответственно, гражданского сознания. В то же время очевидно, что гражданское общество развивается и, учитывая достаточно высокие темпы этого развития, для упрочения гражданской солидарности от властей любого уровня требуется системность, последовательность и преемственность действий. Непоследовательные действия местных властей даже на местном уровне воспринимаются обществом как слабость государства.

Одним из главных усилий региональных властей должна быть ориентация на то, чтобы «топография» бедности не совпадала с этнической картой. Следует учесть, что этнокультурное своеобразие зачастую проявляется на селе, в малом городе, локальном социуме, и именно эти небольшие территории являются зоной социального неблагополучия. Следовательно, существуют объективные предпосылки для роста этнической напряженности.

Необходимо гораздо активнее использовать средства массовой информации для освещения позитивных явлений в жизни национально-культурных автономий и особенно вклада мигрантов в социально-экономическое развитие региона.

Декларируя важность укрепления гражданской нации, государству не следу-

ет пренебрегать поддержкой этнически ориентированных традиций и ценностей. Такое участие, чтобы избежать формализма, должно в первую очередь реализовываться на нижних этажах управления (поселенческий уровень). При этом остается безальтернативной роль государства как координатора в соблюдении принципа равенства разных групп на приобщение к культурным ценностям. Именно государственная власть может гарантировать, что разработка соответствующих региональных и местных программ этнокультурного развития будет ориентироваться на всех жителей конкретного региона или населенного пункта, а не на отдельные «народы» и «этнические группы». Успех политики утверждения российской гражданской идентичности в наибольшей степени зависит от того, насколько Россия сможет преодолеть распространение шовинизма, расизма, ксенофобии и этнонационализма – факторов, разрушающих идею российской нации.

Не менее важной, особенно в условиях достаточно регулярных конфликтов на межэтнической почве, видится целесообразность создания в структуре администраций городов региона подразделений, занимающихся этнополитикой. Это необходимо сделать даже в тех регионах и местностях, где, по формальным статистическим данным, проживает однородное в этнокультурном отношении население. В настоящее время обеспечение взаимодействия с органами власти религиозных общественных организаций, национально-культурных центров и общественных организаций входит обычно в основные направления деятельности департаментов культуры, региональных связей, информационной политики и общественных отношений, причем наряду с другими многочисленными направлениями их деятельности. В современных условиях этого недостаточно. Регионы и города становятся все более полиэтничными, и, кроме как с культурным аспектом, процессы общественного взаимодействия оказываются связанными со многими вопросами социального и даже политического характера. Решением возникающих проблем должны заниматься компетентные сотрудники на местах, в органах местного самоуправления.

Библиографический список

1. Тишков В.А. И русский и российский // Вестник российской нации. 2009. № 2(4). С. 85–98.
2. Сидович С.Г. Проблемы миграции и их влияние на вопросы безопасности // Миграция и внутренняя безопасность: аспекты взаимодействия. М., 2003.
3. Глебов И.Н. Роль органов государственного управления в регулировании миграционных процессов // Миграция и внутренняя безопасность: аспекты взаимодействия. М., 2003.
4. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В.А. Тишков. М., 2008.
5. Вестфаль В.Р. Миграция и внутренняя безопасность в концепции Европейского Союза // Миграция и внутренняя безопасность: аспекты взаимодействия. М., 2003.
6. Тюрюканова Е.В. Мигранты на неформальном рынке труда // Миграция и внутренняя безопасность: аспекты взаимодействия. М., 2003.
7. Мокин К.С. Миграционные процессы в Саратовской области: стратегии адаптации и сегрегации. Саратов, 2007.

E.L. Kolesova
Personnel Potential
of Local Government Bodies:
Status and Trends

Personnel potential of local government bodies is studied. Significant qualitative and quantitative parameters of the current personnel structure of local authorities are revealed. Recommendations on the use of complex personnel development technologies aimed at improving the efficiency and staff professional development are made.

Key words and word-combinations: personnel potential, personnel structure, local authorities.

Иследуется кадровый потенциал органов местного самоуправления. Выявляются важные количественные и качественные параметры современного кадрового состава органов местного самоуправления. Даются рекомендации по использованию комплексных технологий развития кадрового потенциала, направленных на повышение эффективности и профессионального развития кадров.

Ключевые слова и словосочетания: кадровый потенциал, кадровый состав, органы местного самоуправления.

УДК 342.55
ББК 67.400.7

Е.Л. Колесова

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

В условиях институциональных реформ государственного и муниципального управления вопросы, связанные с развитием кадрового потенциала, приобретают все большую актуальность и социальную значимость. Опыт последних лет реформирования местного самоуправления в Российской Федерации показывает, что недостаточный профессиональный уровень лиц, замещающих муниципальные должности и должности муниципальной службы, нехватка профессиональных знаний, навыков и умений и, как следствие, низкая эффективность принимаемых ими управленческих решений привели к снижению уровня авторитета местного самоуправления в глазах населения. Социальная эффективность реализуемой в настоящее время муниципальной реформы во многом зависит от качества формирования кадрового состава органов местного самоуправления, степени соответствия количественных и качественных его характеристик современным требованиям, от уровня профессиональной компетентности в сфере управления местным сообществом. Развитие системы муниципального управления предельно актуализирует проблему кадрового обеспечения на основе формирования единых концептуальных основ управления кадровым корпусом муниципальных служащих.

Процессы активного становления новой системы кадрового обеспечения органов местного самоуправления связывают с перио-

дом 1995–1998 гг. На основе реализации Федеральных законов от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и от 8 января 1998 г. № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» был ужесточен профессиональный отбор поступающих на муниципальную службу, внедрен ряд мер по упорядочению прохождения муниципальной службы, профессиональному образованию служащих, введен статистический мониторинг кадровых процессов в системе местного самоуправления. Результатом реализации данных мер стало достижение определенных позитивных результатов в профессиональной организации муниципальной службы и институциональном развитии местного самоуправления.

В 2000–2007 гг. повышается потребность в качественных изменениях принципов организации работы с кадрами органов местного самоуправления. С принятием Федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003 г.), «О муниципальной службе в Российской Федерации» (2007 г.), нормативных правовых актов по вопросам местного самоуправления и муниципальной службы создается нормативная правовая база профессиональной организации муниципального управления. Наряду с позитивными тенденциями, в последнее время отмечается и снижение по ряду показателей состояния кадрового состава органов местного самоуправления, снизились качество и эффективность их деятельности, актуализировались вопросы борьбы с коррупцией.

С начала преобразований в сфере местного самоуправления прошел определенный временной этап, который позволяет оценить качество произошедших изменений, их социальные последствия, а также выявить наиболее проблемные сегменты в развитии кадрового потенциала органов местного самоуправления. Комплексный анализ количественных и качественных параметров кадрового состава органов местного самоуправления, наиболее существенных тенденций его развития дает возможность более предметно определить потенциал и направления его совершенствования.

В настоящий момент в России сложилось ядро кадрового корпуса органов местного самоуправления. Уровень укомплектованности муниципальных должностей и должностей муниципальной службы в 2013 г. составлял 96%, за истекшие 5–7 лет заметно улучшилась укомплектованность органов местного самоуправления власти, укрепилась стабильность кадрового состава, сократилась текучесть. Однако важно учитывать и то обстоятельство, что новое пополнение кадрового состава идет главным образом за счет бывших военнослужащих и выпускников вузов, хотя в органах местного самоуправления остается еще немало работников, не отвечающих установленным профессионально-квалификационным требованиям.

Становление и развитие кадрового корпуса муниципальных служащих протекает в условиях неравновесности социальной среды. На динамику кадровых процессов оказывает влияние целая система факторов как объективного, так и субъективного характера, притом что инвариантность факторов, определяющих динамику кадровых процессов и степень их значимости, во мно-

гом зависит от региональных особенностей. За годы реформ замедлился рост численности муниципальных служащих Российской Федерации. Так, с 2009 г. обозначилась тенденция снижения численного состава муниципальной службы: 2009 г. – 364 903 человек; 2010 г. – 339 600 человек; декабрь 2011 г. – 325 181 человек, к концу 2011 г., численность муниципальных служащих по сравнению с 2009 г. сократилась на 39 722 человека. К концу июня 2012 г. численность составила 323 757 муниципальных служащих, на сентябрь 2013 г. – 330,7 тыс. человек [1–3].

Важным показателем «качества» кадров органов местного самоуправления являются возрастные характеристики. В настоящее время заметна тенденция некоторого старения кадрового корпуса органов местного самоуправления, что связано и со старением всего населения. По данным официальной статистики, численность муниципальных служащих в возрасте от 40–49 лет составляет 26,6%, от 50–59 лет – 26,3%, от 60 до 65 лет – 2,9%, старше 65 лет – 0,2%. Средний возраст муниципальных служащих – 42 года. Возрастной состав лиц, замещающих муниципальные должности, от 40–49 лет составляет 31,5%, от 50–59 лет – 47,5%, от 60 до 65 лет – 8,4%, старше 65 лет – 1,2%. Средний возраст этой категории – 50 лет. Весьма позитивно то, что происходит небольшой рост доли молодежи в возрасте до 30 лет в органах местного самоуправления. Но следует отметить определенный дисбаланс в использовании молодых – весьма невелик их удельный вес среди руководителей (1,4%) [1–3]. Анализ статистических данных в гендерном разрезе свидетельствует о том, что в органах местного самоуправления численность женщин в 4 раза больше, чем мужчин, но с повышением уровня должностей муниципальной службы их процент заметно уменьшается [1–3].

За последние годы наблюдаются устойчивая тенденция повышения образовательного уровня, заметен рост людей, получивших высшее профессиональное образование. По сравнению с предыдущим пятилетием изменения подверглась и содержательная направленность профессиональной подготовки кадров органов местного самоуправления. Относительно лиц, замещающих муниципальные должности, распределение выглядит следующим образом: по направлению «экономика и управление» – 22,2%, в нем «государственное и муниципальное управление» составляет 8,9% и «управление персоналом» – 0,9%; по направлению «образование и педагогика» – 19,5%; по направлению «гуманитарные и социальные науки» – 12,3% из где «юриспруденция» – 8,4%; по направлению «физико-математические и естественные науки» – 2,9%.

Вместе с тем наряду с ростом образовательного уровня муниципальных служащих сохраняется и высокий процент служащих, имеющих небольшой стаж работы. Очевидной остается проблема обеспечения соответствия полученного образования требованиям управленческой практики. Кроме того, актуализируется и потребность совершенствования структуры кадрового состава органов местного самоуправления с точки зрения формирования преемственности управленческой деятельности.

При анализе динамики развития кадрового состава органов местного самоуправления следует учитывать и ряд новых тенденций, особенно в формирова-

нии новых социальных источников кадрового рекрутирования в органы власти. На современном этапе значительно усилился приток предпринимателей в органы местного самоуправления, что может привести и к отрицательному эффекту без должного упреждающего воздействия, особенно с точки зрения коррупции – для некоторых представителей предпринимательства «хождение во власть» становится выгодным бизнесом.

Формирование кадрового корпуса в органах местного самоуправления на начальном этапе осуществлялось без достаточной концептуальной обеспеченности, структурные и организационно-функциональные пертурбации приводили зачастую к массовым, не всегда оправданным бессистемным изменениям в кадровом составе. Рациональное использование кадров является ключевым элементом ресурсного обеспечения реформирования местного самоуправления, повышения его эффективности.

Результаты социологического исследования высвечивают не только новую грань развития кадрового потенциала органов местного самоуправления, но и сохранение целого ряда проблем в развитии кадрового потенциала органов местного самоуправления [2]. Так, 33,3% респондентов дают низкую оценку кадровому потенциалу органов местного самоуправления. Обращает на себя внимание распределение ответов на вопрос, насколько эффективно в современных условиях местная власть занимается формированием кадрового потенциала своих муниципальных образований: 46,7% респондентов выбрали позицию «малоэффективно». В условиях непрекращающихся структурных реорганизаций аппарата органов власти сложно прогнозировать кадровую ситуацию, планировать обучение кадров, а также упреждающе воздействовать на возможные нежелательные, негативные кадровые процессы.

При ответе на вопрос, какие направления формирования кадрового потенциала должны быть в центре внимания местной власти, участники исследования выделили: создание условий для привлечения в местные органы власти высокопрофессиональных кадров (72,8%), регулирование занятости профессионально подготовленного населения (30,5%), обеспечение финансирования развития кадрового потенциала (28,9%), оптимизацию образовательной сферы в соответствии с потребностями региона, местного сообщества (28,4%), стимулирование предпринимателей на создание условий для профессионального развития работников (23,4%), устранение несоответствия кадрового потенциала потребностям регионального и местного рынков труда (22,1%). Особое значение, как это отмечают участники исследования, имеет направление, связанное с подготовкой, подбором и отбором кадров органов местного самоуправления (63,4%) [2].

Практика выявила сохраняющееся расхождение между требованиями реформирования местного самоуправления и развитием кадрового потенциала. Качество управления кадровыми процессами в органах местного самоуправления не в полной мере соответствует требованиям реформационных процессов; формирование кадрового корпуса происходит под влиянием как объективных, так и субъективных факторов, сохраняющихся элементов административно-бюрократических отношений и формирующихся под влиянием свободного рынка.

Для повышения эффективности кадровой политики, оптимизации принимаемых, а главное, исполняемых решений органов местного самоуправления необходимой представляется комплексная оценка состояния кадрового корпуса на основе системного подхода, с учетом как количественных, так и качественных показателей, исследование его потенциала. Научно обоснованный анализ кадровой ситуации требует использования методов системных мониторинговых исследований, социальной диагностики, позволяющих отслеживать кадровые процессы в динамике, своевременно выявлять как конструктивные, так деструктивные тенденции. Важным представляется создание единой информационно-аналитической базы, помогающей оперативно и эффективно принимать управленческие решения, расширяющей возможности прогнозирования и моделирования трендов развития кадровых процессов. Раскрывая особенности кадрового потенциала органов местного самоуправления, необходимо учитывать влияние факторов внешней социальной среды, тесную взаимосвязь между качеством управления кадровыми процессами и эффективностью деятельности органов местного самоуправления. В условиях динамических изменений социальной среды в практику управленческой деятельности органов местного самоуправления целесообразно включать инновационные комплексные технологии развития кадрового потенциала, направленные на повышение эффективности и профессиональное совершенствование кадров.

Библиографический список

1. О численности и оплате труда государственных гражданских и муниципальных служащих на региональном уровне в январе – сентябре 2013 года. URL: www.gks.ru
2. Состав кадров государственной гражданской и муниципальной службы: стат. бюлл. Июнь 2012 г. URL: www.gks.ru
3. Состав кадров государственной гражданской и муниципальной службы: стат. бюлл. по сост. на 1 окт. 2011 г. URL: www.gks.ru
4. Местное самоуправление в современной России: социологический взгляд на проблемы функционирования и развития: мат-лы социол. исслед. М., 2011.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.N. Sulimin
**The Risks of Russia's Joining
the Global Information
Community**

The necessity to revise the positive attitude towards the information community concept in Russia is considered. The author proves that the emergence of network power transforms the traditional view of the nature of postindustrial society as any political power seeks to be closed.

Key words and word-combinations: global information community, network totalitarianism, post-industrial era.

Рассматривается необходимость пересмотра позитивного видения концепции информационного общества в России. Доказывается, что появление сетевой власти видоизменяет традиционный взгляд на природу постиндустриального общества, так как любая власть стремится к закрытости.

Ключевые слова и словосочетания: глобальное информационное сообщество, сетевой тоталитаризм, постиндустриальная эпоха.

УДК 1:316
ББК 60.033

А.Н. Сулимин

РИСКИ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕСТВО

В настоящее время теория информационного общества достаточно популярна в социальных науках и рассматривается учеными сугубо с прогрессивистских позиций. Апологеты данной парадигмы Д. Белл, М. Кастельс, А. Тоффлер выделяли постиндустриальную стадию развития человеческого общества как тенденцию объединения мира на основе новых форм коммуникации. В политической науке информационное общество интерпретируется в контексте сетевого общества, в котором отношения между его участниками построены на основе горизонтальных связей и отсутствия единого центра власти. Сетевое общество воспроизводит модель партиципаторной демократии, которая позволяет сформировать более гибкие и прозрачные механизмы коммуникации между властью и обществом.

Однако не стоит воспринимать формирование сетевого общества только с прогресси-

вистских позиций. Во-первых, развитие информационных технологий значительно усилило взаимозависимость всех подсистем глобальной политической системы и привело к накоплению организационной сложности на всех уровнях человеческой деятельности. Черода твиттерных революций прошла по странам Ближнего Востока, а преступления в киберпространстве стали подрывать национальную безопасность государств и нарушать права и свободы граждан. Информатизация всех сфер человеческого общества привела к нарастанию неопределенности его будущего в целом.

Во-вторых, на смену традиционной власти, опирающейся на единый центр принятия решений, пришла неинституциональная сетевая власть. Символический капитал (П. Бурдье) становится главным атрибутом современной политической власти. Обладание информацией является реальным инструментом политического доминирования в глобальном информационном обществе. Отсюда формируется новый тип власти, гораздо менее доступный и скрытый от внешнего контроля, а в условиях транспарентности общественных отношений возникает проблема контроля над самой сетевой властью, находящейся за рамками каких-либо национальных институтов. Феномен манипулирования политическими процессами с помощью информационных сетей получил название нетократии [1]. По мнению И. Солонько, власть «сетевых кураторов» возрастает благодаря способности их адаптации в быстроизменяющемся мире [2, с. 204].

Сетевая власть несет в себе как экономическое начало, так и собственно политическое, поскольку информация концентрирует в себе все ресурсы власти, необходимые для ее превалирования в обществе. Информация создает «свободный рынок», подстегивая рост активов его субъектов, она же способствует их падению во время экономических кризисов. Политические технологии, манипулируя информацией, способны как повышать уровень легитимности власти, так и делегитимизировать ее устои. Поэтому, как никогда, становится актуальным тезис, что политика – это явление сознания, отсюда разное ее восприятие через манипуляцию информационными потоками.

Такое понимание сетевой власти не делает ее полностью абстрактным недетерминируемым феноменом, ввиду того что современные сетевые площадки привязаны к мощностям вычислительной техники и создаются конкретными государственными или негосударственными институтами. В этом смысле информация может быть использована в конкретных институциональных интересах.

Наиболее эффективной с точки зрения управления большими массами людей становится новая концепция государственного управления – электронное правительство (e-Government). По мнению ее создателей, данная информационная система позволяет сократить транзакционные издержки в результате взаимодействия общества и государства [3, с. 4–5]. Создание данной концепции и самой информационной системы отнюдь не является неким объективным феноменом, характеризующим тенденцию к открытости органов государственной власти. Так, согласно Плану действий по построению глобального информационного общества, принятому на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам глобального информационного общества в Женеве, в каждой стране мира создается электронное правительство, построенное по единым между-

народным стандартам на единой информационной и программной платформе [4]. Как предполагается, со временем электронные правительства всех стран сольются в единую систему и окончательно утратят свой смысл такие понятия, как «государственный суверенитет» и «национальная безопасность». Таким образом, негосударственный уровень принятия решений позволяет направить технологии сетевой власти в конкретное русло, не спрашивая, нужно ли государствам и народам такое будущее. По-видимому, данный тип принятия решений отражает узкокорпоративный сговор глобального управляющего класса, отсутствие каких-либо демократических процедур как на наднациональном, так и на национальном уровне.

В России еще в 1999 г. принята Концепция формирования информационного общества. В тексте Концепции утверждается, что процесс информатизации имеет глобальный характер и вхождение в информационное сообщество для нашей страны неизбежно [5]. Так ли это на самом деле? И кто определяет эту неизбежность? Однако далее по тексту документа видно, что главной целью внедряемого информационного общества является снижение роли государства как социально-политической реальности: «На начальном этапе создания социально значимых информационно-коммуникативных систем и комплексов (в сферах трудоустройства, образования, здравоохранения, социального обеспечения и других) государство берет на себя основные расходы, но в дальнейшем уходит с рынка. При этом предполагается, что значительные финансовые ресурсы будут поступать от населения в виде оплаты предоставляемых информационных и коммуникационных услуг...» [5]. Таким образом, в Концепции, по сути, провозглашается переход от государства к частной корпорации, когда ответственность и обязанность государства, а также конституционные права граждан превратятся в рынок платных услуг.

Главные принципы этой Концепции закреплены спустя 10 лет в Федеральном законе «Об общих принципах организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [6]. По этому Закону отношения граждан и государства были переведены исключительно в электронную форму на платной основе. Основными посредниками между государством и обществом стали коммерческие учреждения, многофункциональные центры (МФЦ), которые впоследствии должны занять место государства. Закон обязывает гражданина выбрать банк, который будет оказывать услуги через электронное банковское приложение. Данный Закон напрямую нарушает нормы Конституции РФ, в которой ничего не говорится о государственных платных услугах. Кроме того, попираются принципы социального государства, например право равного для всех доступа к социальным благам. По Закону государственная услуга может быть оказана *только в электронной форме*, однако не все граждане имеют доступ к Интернету. В результате, например, малочисленные коренные народы Севера из-за своего образа жизни вообще лишаются каких-либо социальных благ. Данный феномен, по мнению социологов, получил название цифрового неравенства [7].

В 2010 г. в рамках международных обязательств Россия утвердила государственную программу «Информационное общество (2011–2020)», согласно ко-

торой численность граждан, получающих государственные услуги в электронном виде, к 2020 г. должно достигнуть 70%, а финансирование данной программы составит около 500 млрд рублей ежегодно [8], что значительно превосходит финансирование многих социальных программ.

Проблемой интеграции в глобальное информационное сообщество является защита и использование персональной информации. В 2005 г. Россия ратифицировала Конвенцию Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» [9]. На базе этой конвенции в 2006 г. принят Федеральный закон «О персональных данных» [10], по которому операторы (государственные и негосударственные учреждения), предоставляющие услуги, имеют право хранить, распространять информацию о гражданине в течение 75 лет. Следовательно, персональные данные о каждом гражданине попадают в информационную сеть, где они не защищены. Поэтому сегодня существует рынок платных услуг, на котором можно купить персональную информацию практически о любом человеке.

Эффективным инструментом контроля над российским обществом со стороны наднациональных институтов является внедрение универсальной электронной карты (УЭК). С 2010 г. в Москве действует коммерческая организация ОАО «Универсальная электронная карта», обладающая правом решения о содержании, объеме и целях сбора персональных данных и информации, а также правом распоряжения ей [11].

Универсальная электронная карта будет содержать полные сведения о человеке: здоровье, семье, собственности, получаемых выплатах, налогах, совершенных сделках, передвижениях и т.д. Обладание данным устройством станет обязательным для каждого гражданина России, а значит, может быть обеспечен контроль как за обычными людьми, так и за представителями власти.

Помимо внедрения переносной электронной карты, содержащей всю информацию о ее пользователе, существует проект интеграции электронных устройств с человеческим организмом. Согласно материалам малоизвестной Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 г. должна быть выстроена постоянная связь каждого индивидуума с информационно-управляющими сетями: «Нанoeлектроника будет интегрироваться с биообъектами и обеспечивать непрерывный контроль за поддержанием их жизнеспособности, улучшением качества жизни и таким образом снижать расходы государства» [12]. Из этого следует, что за счет прямого доступа к сознанию человека процесс биороботизации, прописанный в этой Стратегии, позволит сетевой власти навязывать необходимые потребительские стандарты, именуемые «качеством жизни». Насколько могут быть демократичными такие технологии?

Юрист, почетный адвокат России О.А. Яковлева замечает, что в этой ситуации «люди рассматриваются в качестве элементов (узлов) компьютерной системы, каждый из которых однозначно обозначен своим уникальным в мире идентификационным номером (личным кодом)» [13, с. 176]. В результате выстраивается система, впервые примененная в фашистских концлагерях, что противоречит не только закону, но и нормам нравственности.

В Государственной Думе сегодня осознают угрозы, сопровождающие вступление России в информационное сообщество. 7 октября 2013 г. в Государствен-

ной Думе прошел круглый стол на тему: «Законодательное обеспечение защиты конституционных прав граждан от информационного и электронного рабства». Однако высказанные на нем опасения и замечания не смогли остановить реализацию концепции информационного общества в России, так как пока никто еще не отменял необходимость реализации наднациональных интересов на российском уровне политики.

Таким образом, виртуализация политического процесса, формирование сетевой формы взаимоотношений между его участниками может нести в себе определенные риски сетевого тоталитаризма. Данные угрозы возрастают в рамках трансформации традиционных форм коммуникации между властью и обществом исключительно в электронный вид. Передача тех или иных форм властной ответственности в сетевую структуру, формирующуюся по законам рынка, ведет к подмене государственного интереса корпоративным. Подобный властный феномен в отличие традиционных тоталитарных политических систем гораздо менее заметен и практически неподконтролен обществу, а также любому национальному государству. Возрастает не только угроза манипуляции общественным сознанием, вплоть до установления биохимического контроля над поведением человека, но и риск окончательной утраты реальных демократических процедур, гарантом которых является государство.

Учитывая российский опыт внедрения многих программ развития информационного общества, можно сделать вывод о необходимости критического пересмотра целого ряда их положений. Обострение противостояния России и Запада в результате событий на Украине показало, что России требуется не только своя платежная система, но и в целом развитие национальных информационных систем.

Библиографический список

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.
2. Солонько И.В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ. М., 2011.
3. Малитиков Е.М. Электронное правительство – цивилизационная неизбежность // Федер. газ. 2009. № 1.
4. Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии // Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12 дек. 2003 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/wsis_dec.pdf
5. Концепция формирования информационного общества в России: одобр. решением Гос. комиссии по информатизации при Гос. комитете РФ по связи и информатизации от 28 мая 1999 г. № 32. URL: <http://www.iis.ru/library/riss/>
6. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Рос. газ. 2010. 30 июля.
7. Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей в России // Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–164.
8. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 20 окт. 2010 г. № 1815-р // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobchestvo-site-dok.html>
9. О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: Федер. закон от 19 дек. 2005 г. № 160-ФЗ // Рос. газ. 2005. 22 дек.

10. О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля.
11. Об определении организации по предоставлению государственных и муниципальных услуг с использованием универсальной электронной карты: распоряжение Правительства РФ от 12 авг. 2010 г. № 1344-р // СЗ РФ. 2010. № 33. Ст. 4460.
12. Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года: приказ Министерства промышленности и энергетики РФ от 7 авг. 2007 г. № 311 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/91853/>
13. Яковлева О.А. Новые технологии и права человека. Рязань, 2012.

T.A. Bogorubova, L.V. Saenko
Modern Problems
of Modernization of the Legal
Regulation of Family Relations
in the Post-Soviet Space

Problems of family relations legal regulation are considered in the light of norms of family and demographic policy. Marriage is seen as the basis of creation of modern family. As a result of the comparative analysis of family codes of Belarus, Kazakhstan and Ukraine, author's definition of the legal concept of marriage and recommendations for its use in the updated family legislation of the Russian Federation are given.

Key words and word-combinations: family, marriage, family legislation, post-Soviet space.

Анализируются проблемы правового регулирования семейных отношений в ракурсе норм семейной и демографической политики. Брак рассматривается в качестве основания создания современной семьи. В результате сравнительного анализа семейных кодексов Беларуси, Казахстана и Украины дается авторское определение правового понятия брака и рекомендации его использования в обновленном семейном законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: семья, брак, семейное законодательство, постсоветское пространство.

УДК 347.61/.64
ББК 67.404.5

Т.А. Богорубова, Л.В. Саенко

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Модернизация общественных процессов в частноправовой сфере в настоящий момент обращает на себя особое внимание. Наглядным примером тому служит бурное обсуждение ученым сообществом коренных изменений гражданского законодательства Российской Федерации. В последние годы и в семейном праве активизировалась полемика о необходимости совершенствования нормативного регулирования семейных отношений.

С учетом складывающейся ситуации в мире укрепление авторитета и поддержка института семьи становится одним из важнейших социальных и правовых вопросов, который стоит на повестке дня многих государств. В связи с глобальными изменениями в обществе в семейных правоотношениях произошли значительные преобразо-

вания, что вызвало необходимость в их модернизации на новых началах и принципах.

Распад Советского Союза обусловил надобность формирования обновленной политической системы, как российского общества, так и общественного устройства других, ныне независимых стран на постсоветском пространстве. На наш взгляд, следует согласиться с авторами, которые считают, что эволюция политической системы общества противоречиво влияет на развитие институтов гражданского общества [1], центральным из которых всегда считалась семья.

Как представляется, именно определение новых приоритетов развития современного общества на постсоветском пространстве и повлекло необходимость переосмысления многих устоявшихся постулатов семейного права, а соответственно, и семейного законодательства. Это нашло свое отражение в переориентации основных направлений семейной политики, способах и целях правового регулирования семейных отношений, да и взгляды на способы и методы правового регулирования отношений в сфере семьи и брака существенно изменились на всем постсоветском пространстве.

В современной России во многом от государства зависит успешная реализация начатых реформ в социально-экономической сфере, приоритетных национальных проектов, имеющих прямое отношение к росту качества жизни населения в целом и семьи в частности. Отношение Российского государства к современным проблемам брака, семьи, семейным отношениям сформулированы в Конституции РФ, Семейном кодексе РФ (СК РФ), Основных направлениях государственной семейной политики [2] и в некоторых других документах. От реализации данных норм зависит дальнейшее состояние института семьи, который переживает сейчас далеко не самые лучшие времена.

Как отмечается авторами, «в настоящее время в Российской Федерации сложилась катастрофическая демографическая ситуация. К началу XXI в. Россия подошла в состоянии устойчивого процесса депопуляции, имея один из самых высоких в мире темпов естественной убыли населения. Для настоящего времени характерны: низкая рождаемость, массовое распространение семей с одним ребенком, ухудшение репродуктивного здоровья населения» [3, с. 77].

Мало какие способы, кроме информационно-статистических, могут наиболее полно и качественно помочь произвести оценку любого явления с точки зрения необходимости его совершенствования. Осмысление статистических показателей дает право делать соответствующие выводы о реальном положении вещей в любой сфере общественных отношений, а также формулировать предложения по их дальнейшей модернизации. Для более глубокого понимания процессов, происходящих в семейно-правовой сфере современного общества, выделим основные направления, которые, по нашему мнению, являются краеугольными в процессе правового регулирования семейных отношений и требуют совершенствования.

По данным официальной статистики, на протяжении вот уже двух десятков лет смертность в России превышает рождаемость, и только в последние годы ситуация постепенно начала выправляться. Тем не менее в 2011 г. смертность в России составила 1,9 млн человек (таблица), тогда как рождаемость на тот же год не смогла достичь даже отметки 1,8 млн [4].

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения России

Год	Всего, человек			На 1000 человек населения, %		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
1990	1988858	1655993	332865	13,4	11,2	2,2
1995	1363806	2203811	-840005	9,3	15,0	-5,7
2000	1266800	2225332	-958532	8,7	15,3	-6,6
2001	1311604	2254856	-943252	9,0	15,6	-6,6
2002	1396967	2332272	-935305	9,7	16,2	-6,5
2003	1477301	2365826	-888525	10,2	16,4	-6,2
2004	1502477	2295402	-792925	10,4	15,9	-5,5
2005	1457376	2303935	-846559	10,2	16,1	-5,9
2006	1479637	2166703	-687066	10,3	15,1	-4,8
2007	1610122	2080445	-470323	11,3	14,6	-3,3
2008	1713947	2075954	-362007	12,0	14,5	-2,5
2009	1761687	2010543	-248856	12,3	14,1	-1,8
2010	1788948	2028516	-239568	12,5	14,2	-1,7
2011	1796629	1925720	-129091	12,6	13,5	-0,9

Для решения перечисленных проблем 7 октября 2007 г. Указом Президента России утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [5], направленная на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране. Но демографические показатели находятся в прямой корреляционной зависимости от показателей брачности и разводимости, от общего числа семей, в том числе семей с детьми, и других показателей.

Статистические данные свидетельствуют о том, что одним из самых распространенных оснований создания современной семьи остается брак, зарегистрированный в установленном законом порядке. Так, более 60% вступающих в первый брак считают его государственную регистрацию обязательным элементом рождения новой семьи. Впрочем, с регистрации брака начинается только каждый второй брак, заключаемый впервые и только 1/5 часть вступающих в повторный брак считают регистрацию обязательной.

Во взаимозависимости с данными показателями находится и рост числа неполных семей. В 2011 г. каждый четвертый ребенок родился у женщины, не состоящей в зарегистрированном браке, тогда как в 2006 г., накануне введения новых мер поддержки семей с детьми, внебрачным был только каждый третий рожденный ребенок. За 11 лет (2001–2011) в России родилось 4 792 030 внебрачных детей (28,1% от общего числа рождений).

Анализируя статистические показатели, представленные в приложениях к проекту Концепции государственной семейной политики Российской Федерации, невольно приходишь к следующему выводу: институт брака испытывает сейчас такие глобальные трансформации, что закономерно возникает вопрос о том, есть ли у него вообще будущее. Речь идет не только, а вернее, не столько о разводах, распаде семей, ее зыбкости, недолговечности, сколько об утрате современным обществом сложившихся веками, исторически оправданных, устоявшихся традиционных этических, моральных основах семьи и брака, взаимоотношениях между людьми, желающими создать семью.

Например, соотношение показателей брачности и разводимости (количество браков и разводов) остается почти неизменным. Так, на 1000 браков в 2011 г. приходилось 509 разводов, в 2012 г. – 529. Волнует же общественность сейчас совсем другой вопрос: какими темпами будет далее реализовываться мировым сообществом девятый принцип Программы действий по регулированию народонаселения, утвержденной Каирской международной конференцией ООН по народонаселению и развитию 1994 г. ? Напомним, что данный принцип закрепил равноправие и равноценность разных типов половых союзов, включая однополые союзы [6].

Первой страной, в которой были легализованы однополые браки, стали Нидерланды. Закон, разрешающий однополые браки и усыновление детей такими семьями, действует там с апреля 2001 г. Французский Сенат 12 апреля 2013 г. принял закон, позволяющий однополым парам регистрировать брак и усыновлять детей. Французы поменяли в своем словаре значение понятия «брак», теперь он трактуется как «законный союз мужчины и женщины, а в некоторых правовых системах – двух людей одного пола» [7]. «Французы, судя по всему, сами не очень хорошо понимают, что с ними произошло и что будет дальше. Хотя заголовки «разорванная нация» стали уже привычными, ведь мнения «за» и «против» однополых браков распределились почти поровну» [8].

Исторически сложилось так, что институт брака в России имеет правовое начало. На протяжении всего исторического развития семьи и брака, их правового регулирования, не было упоминания о закреплении в качестве общепризнанных норм ни возможности однополого сожительства, ни тем более разрешения таким «родителям» воспитывать детей.

Не будем далеки от истины, если констатируем, что в России также производятся некоторые попытки легализации нетрадиционного восприятия брака. Однако Президентом РФ В.В. Путиным предельно четко высказана позиция по данному вопросу. Выступая на Валдайском форуме, он отметил, что еще одним серьезным вызовом российской идентичности являются события, происходящие в мире. В частности, здесь присутствуют и моральные аспекты. Мы наблюда-

даем сейчас, подчеркнул Президент, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации.

В.В. Путин указал на отрицание как нравственных начал, так и любой традиционной идентичности: национальной, культурной, религиозной или даже половой. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство. Что еще может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству [9, с. 3].

Таким образом, Президентом России намечены основные пути дальнейшего развития государственной политики в семейно-правовой сфере, четкие и конкретные приоритеты на будущее. Их и следует придерживаться при разработке общих положений семейного законодательства, имеющего пока декларативный характер. При отсутствии эффективности государственной пропаганды семьи, семейных ценностей, семейного уклада жизни, вряд ли можно достичь необходимых результатов правового регулирования семейных отношений, от которых напрямую зависят и результативность государственной семейной политики, и положение института семьи, и даже жизнь будущих поколений.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., в России семьи с несовершеннолетними детьми составляют 42,5% от общего числа семей. Если в 2002 г. каждая вторая российская семья имела несовершеннолетних детей, то в 2010 г. – только две из пяти семей. Общее число семей с несовершеннолетними детьми сократилось между переписями населения 2002 и 2010 гг. на 17,7%.

Растет число бездетных семей. В настоящее время уже каждая третья семья в России является бездетной. Согласно переписи населения 2010 г. число бездетных семей выросло на 7,4%. По-прежнему среднестатистической российской семьей является семья с двумя родителями, состоящими в браке и одним ребенком (67% семей против 68% в 2002 г.). В однодетных семьях проживает почти половина несовершеннолетних детей.

Судя по статистическим данным, основными тенденциями развития семьи с детьми на сегодняшний день являются:

- снижение среднего числа детей (в возрасте до 18 лет) в семье (среднее число рожденных женщинами детей уменьшилось в расчете на 1000 женщин с 1513 в 2002 г. до 1469 в 2010 г.);

- снижение количества полных семей (мама, папа, дети), то есть между переписями населения 2002 и 2010 г. число полных семей сократилось на 11,2%, а число неполных семей выросло на 3%. В сравнении с 1996 г. доля неполных семей увеличилась в 2,5 раза. Каждый третий ребенок проживает в неполной семье, 88% из них – это материнские семьи. Семья без отца становится нормой;

- значительное снижение количества многодетных (три и более детей) семей.

Отметим и тот факт, что как российские, так и зарубежные ученые выделяют основные начала, на которых основана государственная семейная политика. Так, на Украине ими являются:

- суверенитет и автономия семьи в принятии решений относительно своего развития;
- дифференцированный подход к предоставлению государством гарантий социальной защиты семьи;
- паритетное равновесие и партнерство между женщинами и мужчинами во всех сферах жизни;
- социальное партнерство семьи и государства;
- приоритетность интересов каждого ребенка независимо от того, в какой семье он воспитывается, и преемственность поколений [10].

Особый интерес вызывают предложения преобразований в сфере государственной семейной политики, содержащиеся в общественном проекте Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года [11], созданной рабочей группой № 1 Координационного совета при Президенте РФ по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы [12].

В соответствии с данной Концепцией государственная семейная политика – система целей, задач, принципов, приоритетов и мер, направленных на укрепление, развитие и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение и восстановление традиционных семейных ценностей, повышение социальной роли семьи в обществе и стратегии развития России.

Следовательно, основной задачей государства, ориентированного на семейное благополучие, является создание условий для выполнения семьей ее социальных функций, связанных с воспитанием детей, заботой о нетрудоспособных родителях. При таком подходе семья и государство становятся партнерами, взаимно разделяющими риски и ответственность за благополучие как отдельной семьи, так и государства в целом.

В качестве итога сформулируем некоторые предложения, которые, по нашему мнению, необходимо рассмотреть на законодательном уровне с целью совершенствования семейного законодательства России. Так, следует учесть, что в историческом развитии правового регулирования институтов брака и семьи в России не было прецедентов признания однополых сожительства. Это всегда оставалось аномалией. Поэтому требуется, на наш взгляд, обсудить вопрос о необходимости легального правового определения брака и семьи в семейном законодательстве России. В связи с этим стоит отметить, что российское семейное законодательство вообще не содержит понятия брака, в отличие, например, от семейного законодательства некоторых других независимых государств постсоветского пространства.

Например, законодатель Казахстана пошел по пути обозначения основных понятий в кодифицированном семейно-правовом акте. Статья 1 Раздела «Общие положения» Кодекса Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье [13] содержит дефиниции, в том числе семьи и брака (супружества).

В ст. 12 Кодекса о браке и семье Беларуси также есть дефиниция брака: «добровольный союз мужчины и женщины, который заключается в порядке, на

условиях и с соблюдением требований, определенных законом, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности» [14].

Законодатель Украины также включил в Семейный кодекс подобную статью-дефиницию (п. 1 ст. 21 СК Украины [15]).

Полагаем, что следовало бы учесть такой позитивный опыт правового регулирования семейных отношений. В связи с изложенным считаем, что необходимо включить данную дефиницию в текст ст. 10 Семейного кодекса РФ, изложив ее в следующей редакции: «Брак – это основанный на добровольных началах союз между мужчиной и женщиной с целью создания семьи, порождающий взаимные права и обязанности и зарегистрированный в установленном законом порядке». Либо следует дефиниции семьи и брака, вместе с другими, вынести в начало общей части СК РФ, в раздел «Общие положения».

Библиографический список

1. *Ахметова Д.И., Грандонян К.А.* Политическая система и гражданское общество в современной России // Правовая культура. 2013. № 2 (15).
2. Основные направления государственной семейной политики: Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 (с изм. и доп.) // СЗ. РФ. 1996. № 21. Ст. 2460.
3. *Богорубова Т.А., Пименова Е.Н.* Социально-правовая защита семей в России: современные проблемы и пути их решения // Правовая культура. 2011. № 2 (11). С. 77–81.
4. *Мочалов А.А., Аблеева А.М.* Статистический анализ смертности населения России. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/98/6206>
5. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 окт. 2007 г. № 1351 // СЗ. РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
6. Официальный текст доклада Международной конференции по народонаселению и развитию, Каир, 5–13 сентября 1994 г. Н.-Й., 1995.
7. *Иванова В.* Новое определение понятия «брак» появилось в новой редакции французского толкового словаря Le Petit Robert, Париж, 30 мая 2013 г. // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20130530/940368756>
8. *Косырев Д.* И большинство стало меньшинством. URL: <http://ria.ru/world/20130530/940368756>
9. 2013: Красные линии Владимира Путина // Рос. газ. 2013. № 216.
10. *Сімейне право України: підручник / Л.М. Баранова, В.І. Борисова, І.В. Жилінкова та ін.; за заг. ред. В.І. Борисової та І.В. Жилінкової.* Київ, 2006.
11. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект). Кн. 3, ч. 2: Российская семья в цифрах и фактах. М., 2013.
12. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
13. Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26 дек. 2001 г. № 518-IV (с изм. и доп.) // Казахстанская правда. 2012. 7 янв.
14. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-3 (с изм. и доп.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2004. № 195. 2/1097.
15. Семейный кодекс Украины от 10 янв. 2002 г. № 2947-III (с изм. и доп.) // Ведомости Верховной Рады. 2002. № 21/22.

V.V. Ganaga
**Marriage (Partnership)
as a Means of Budgetary Savings
in a Social State:
the German Experience**

Features of German social policy conditioned by the legal guarantees for the needy spouse are considered. The correlation between the opportunity to get social benefits and the family status of the beneficiary is revealed. The distribution of legal guarantees of marriage to a registered civil partnership is defined. The attitude of the state towards actual (non-registered) marital relationships, their criteria and legal consequences for social welfare is studied.

Key words and word-combinations: marriage, partnership, social state, Germany.

Рассматривается особенность германской социальной политики, определенная правовыми гарантиями брака для нуждающегося супруга. Раскрывается взаимосвязь возможности получения социального пособия и семейного статуса получателя пособия. Определяется распространение правовых гарантий брака на зарегистрированное гражданское партнерство. Исследуется отношение государства к фактическим (незарегистрированным) супружеским отношениям, их критерии и правовые последствия для целей социального обеспечения.

Ключевые слова и словосочетания: брак, партнерство, социальное государство, Германия.

УДК 347.61/.64(430)
ББК 67.404.5(4Гем)

В.В. Ганага

**БРАК (ПАРТНЕРСТВО)
КАК СРЕДСТВО ЭКОНОМИИ
БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ
В СОЦИАЛЬНОМ
ГОСУДАРСТВЕ:
ОПЫТ ГЕРМАНИИ**

В отечественной науке социологии [1, с. 6, 75] и семейного права [2, с. 11] ученые выделяют наиболее важные функции семьи, определяющие значимость данного института для общества и государства: материальное и духовное воспроизводство населения, социализацию личности, обеспечительную функцию, способствующую удовлетворению материальных потребностей в пище, одежде, жилище. В российском семейном праве закреплены обязанности по содержанию супругов, родителей и детей, других членов семьи, установлена обязанность родителей по воспитанию детей. Российские правоведы вторят социологам и анализируют обеспечительный потенциал семьи с позиций отечественного права. Немецкое семейное право в соотношении с правом социального обеспечения позволяет по-новому взглянуть на обеспечительную функцию семьи и выделить функцию экономии бюджетных средств. Проявляя интерес к социальному государству Германии, исследователи акцентируют внимание на социальных выплатах без учета традиционной стороны «немецкого чуда». Исследования семейного права Германии многочисленны или имеют узкую направленность по отдельным семейно-правовым институтам. Наиболее полно семейное право Германии рассмотрено в трудах А.И. Загоровского. Ученый обратился к брачно-семейному праву

Германии XIX – начала XX в., когда семья выполняла обеспечительную функцию, поскольку система социального страхования начала складываться только в конце XIX в. [3]. В современной Германии обеспечительный потенциал семьи служит гарантией системы социального государства, поскольку позволяет контролировать социальные расходы государства. В связи с этим исследовательский интерес представляет рассмотрение некоторых аспектов социального обеспечения Германии с учетом позиции такого действенного инструмента социальной политики, каким с древних времен неизменно служит брак.

В доказательство функции экономии среди многих составляющих взаимосвязей семьи в качестве примера следует рассмотреть создание дискриминационных групп получателей социальных пособий внутри семьи и отношения супругов по содержанию и их соотношению с возможностью получения социального пособия нуждающимся супругом (бывшим супругом).

Германия – страна с беспрецедентной системой социальной защиты населения, но даже она не избавлена от социальной проблемы безработицы и нужды. В 2013 г. в Германии зарегистрировано около трех миллионов безработных [4] при общей численности населения 80 млн человек. Право на получение пособия по безработице (ALG I) имеют лица, производившие отчисления в страховые фонды в определенный период, предшествующий увольнению. Срок выплаты пособия по безработице ALG I составляет от 6 до 24 месяцев. Реальная ситуация на рынке труда в Германии сложилась таким образом, что в условиях переориентации экономики безработные лица могут длительно искать подходящую работу. Когда истекает срок выплаты пособия по безработице ALG I и безработный не трудоустроен, он может претендовать на получение социального пособия для лиц, длительно ищущих работу (ALG II). Право на социальное пособие ALG II имеют также нуждающиеся трудоспособные лица, не имеющие трудового стажа и не производившие страховые отчисления с заработной платы. Социальное пособие ALG II включает в себя регулярные выплаты для обеспечения средств к жизни, а также единовременные выплаты для удовлетворения дополнительных нужд.

Максимальный размер регулярного социального пособия ALG II предусмотрен для главы семьи и составляет 364 евро в месяц. Трудоспособным безработным одиноким лицам социальное пособие также выплачивается в размере ставки главы семьи. Пособие супруги или партнера по совместной жизни составляет 328 евро в месяц (90% ставки главы семьи); 291 евро в месяц (80% ставки главы семьи) получают имеющие право на социальное пособие совершеннолетние трудоспособные дети главы семьи, которые не ведут собственного домохозяйства, так как проживают в домохозяйстве родителей [5].

Введение внутрисемейных категорий на законных основаниях предоставляет государству возможность уменьшать социальные выплаты совершеннолетним членам общества на основании включения их в домохозяйство другого лица. Несмотря на то что совершеннолетний трудоспособный ребенок главы семьи потенциально представляет собой главу новой семьи, пособие ему начисляется в процентном отношении ставки главы семьи, в домохозяйстве которого

он проживает. Сокращение социальных расходов достигается и путем уменьшения ставки социального пособия супруга главы семьи.

К регулярным выплатам нуждающимся лицам полагаются единовременные социальные выплаты, предназначенные для покрытия нерегулярных необходимых расходов. Единовременное пособие начисляется в денежном выражении эквивалентно стоимости подлежащего приобретению имущества. Например, телевизор полагается любому домохозяйству. Его приобретение оплачивает социальная служба (60 евро на одинокого или семью). Стоимость стиральной машины (300 евро), холодильника (150 евро), плиты для приготовления пищи (175–325 евро), утюга (15 евро) оплачивается как семьям, так и одиноким. Пособие на празднование Рождества составляет 68 евро для одиноких, для главы семьи и 34 евро на каждого последующего члена семьи [6]. Правом на единовременные социальные выплаты обладают не только нуждающиеся безработные, но и лица, имеющие работу, с низким трудовым доходом.

Дифференциация единовременных социальных пособий семейных и одиноких нуждающихся также указывает интерес государства при объединении членов общества в семьи. В то время, как нуждающимся лицам, состоящим в фактических отношениях без регистрации брака, выгодно не менять социальный статус с одинокого на семейный и получать социальные выплаты по максимальной ставке главы семьи. Функция экономии проявляется при назначении социальных пособий как в случаях, когда оба трудоспособных супруга нуждаются в социальной помощи, так и в случаях, когда один из супругов может претендовать на социальное пособие.

Социальная помощь в Германии предоставляется лицам, оказавшимся в тяжелом материальном положении, если самостоятельное содержание не представляется возможным, несмотря на прилагаемые усилия получить помощь из других источников. При назначении социального пособия (отказа в его предоставлении) социальная служба принимает во внимание все многообразие доходов, используемых как средства к существованию. Доходом являются все денежные поступления или поступления, имеющие стоимостное выражение и перспективу реализации: заработная плата, пособие по безработице, арендные платежи от сдачи в наем жилплощади и иного имущества, пенсия, алименты, проценты по вкладам, дивиденды с ценных бумаг, дебетовая задолженность и др. Кроме доходов в расчет при назначении социального пособия принимается имущество, которое получатель пособия может продать для собственного обеспечения.

Только после определения реальной возможности получения средств из иных источников, кроме государственного, социальная служба назначает социальное пособие в полном размере либо в размере разницы между доходом и размером социальной помощи или отказывает в выдаче пособия. В ситуациях, когда один из супругов может быть признан нуждающимся, функция экономии основывается на обеспечительном потенциале семьи. Так, при оценке доходов получателя социального пособия в расчет принимаются доходы и его супруга (партнера, сожителя). Количество источников доходов, учитываемых при принятии решения о назначении социального пособия, значительно возрастает от состоя-

ния в браке. Законодатель, с одной стороны, принимает во внимание семейный статус нуждающегося лица в целях рационального расходования бюджетных средств, а с другой – предоставляет человеку дополнительные возможности, возникающие из состояния брака.

Правовые гарантии социальной защиты человека выражены в сбалансированности германского законодательства. Требование Социального кодекса: перед назначением социального пособия приложить собственные усилия и получить средства к существованию, в том числе от супруга, – основано на закрепленной Германским Гражданским Уложением (ГГУ) взаимной обязанности супругов по содержанию семьи. Уложение устанавливает императивную обязанность по взаимному содержанию совместно проживающих супругов. Неработающий супруг, ведущий домашнее хозяйство, признается исполняющим обязанность по содержанию семьи. Супруг может требовать предоставления содержания при раздельном проживании супругов. Размер содержания зависит от условий жизни, доходов и имущественного положения обоих супругов. Содержание раздельно проживающего супруга увеличивается на сумму страховых взносов по старости и на случай снижения трудоспособности с момента принятия судом к производству дела о разводе супругов. Брак может быть расторгнут, если брачный союз фактически прекратил существование и супруги не намерены его восстановить. Брак считается фактически прекращенным при раздельном проживании супругов в течение года и обоюдном согласии расторгнуть брак или по заявлению одного супруга при раздельном проживании супругов в течение трех лет. Длительные сроки фактического прекращения брачных отношений, предшествующие судебному расторжению брака, позволяют нуждающемуся супругу получать содержание от другого супруга до расторжения брака, несмотря на фактическое прекращение брака и независимо от собственной трудоспособности. В исключительных случаях, в интересах общих несовершеннолетних детей или супруга, не желающего разводиться, брак не подлежит расторжению и соответственно супруг сохраняет право на содержание.

Германское Гражданское Уложение охраняет интересы бывшего супруга, если он не имеет трудовых или иных собственных доходов и имущества. В привилегированном положении находится бывший супруг, осуществляющий или осуществлявший уход за общим ребенком или его воспитание. Его содержание по общему правилу не может быть ограничено сроком. Суд может сделать исключение по причине непродолжительности брака, виновного поведения супруга (преднамеренно довел себя до состояния нуждаемости, совершил преступление против супруга или его близких, грубо нарушал свою обязанность вносить вклад в содержание семьи и др.)

Бывший супруг сохраняет право на содержание, если после развода ему не удастся найти соответствующую деятельность, приносящую доход. Под соответствующей понимается деятельность разведенного супруга, подходящая по образованию, способностям, возрасту, состоянию здоровья, а при длительности брака – по условиям жизни супругов. Трудоустроенный разведенный супруг вправе требовать от бывшего супруга содержания, если трудовая деятельность

не приносит достаточного дохода. Разведенный супруг вправе получать разницу между размером полного содержания и доходами от соответствующей деятельности. Разведенный супруг вправе требовать содержания на период получения образования, если он в ожидании заключения брака или в период брака не получил или прервал школьное обучение или профессиональное образование, а также требовать содержания на время повышения квалификации и переподготовки с целью восполнить недостатки образования, вызванные пребыванием в браке. После получения образования, повышения квалификации или переподготовки бывший супруг, если ему не удастся найти работу, также сохраняет право на содержание. Перечень оснований, установленных ГГУ для предоставления содержания разведенному супругу, не является исчерпывающим [7].

Следовательно, брак несет супругам весомые обеспечительные гарантии. Осуществляя нормативное регулирование в сфере брака, государство использует силы общества для предупреждения возникновения групп социального риска. Императивная обязанность содержания нуждающегося супруга (бывшего супруга) независимо от его трудоспособности уже на уровне семьи создает систему перераспределения материальных благ от экономически сильного субъекта к экономически слабому субъекту. Подобная «нагруженность» брака служит залогом финансовой стабильности государства, так как позволяет длительное время обеспечивать одного члена общества средствами другого члена общества. Нуждающийся бывший супруг на основании гарантий, возникающих из брака, может длительное время (от нескольких месяцев до нескольких лет) получать содержание от супруга, не прибегая к помощи государства.

Традиционно брак в Германии содержит гарантии обеспечения человека и используется как инструмент социальной политики. Императивная обязанность содержания супругов закреплялась в Прусском Уложении (1794), Австрийском Уложении (1811), Саксонском Уложении (1863), ГГУ в первоначальной редакции (1896). Развод по ГГУ был возможен только по причине виновного поведения супруга в браке или длительного душевного заболевания супруга. После развода душевнобольному супругу назначалось содержание за счет другого супруга. Невинному супругу назначалось содержание, если он не мог обеспечивать себя собственными доходами или заработком. Сроком содержание бывшего супруга не ограничивалось. Кроме того, обязанность содержания невинного супруга ложилась на наследника виновного супруга [8].

С развитием системы социального страхования в Германии брак по-прежнему предупреждает основные социальные риски безработицы и нужды и служит страхованию социального бюджета государства. Данное обстоятельство приобрело особую актуальность с 1990-х годов в связи с возрастанием роли ЕС, внедрением европейской экономической модели и переходом Германии от экономической политики стимулирования спроса к политике стимулирования предложения. Сокращение кейнсианских методов стимулирования экономики ведет к неизбежной экономии на социальных пособиях, которая может выражаться, например, в уменьшении пособия в связи с принадлежностью к опре-

деленной дискриминационной группе или в сокращении групп социального риска, претендующих на получение социального пособия.

Современная Германия принимает меры по распространению правовых гарантий брака на группы социального риска, которые в силу предпочтений длительное время не могли вступать в предлагаемый государством брак как союз мужчины и женщины. 16 февраля 2001 г. Германия принимает Закон о зарегистрированных гражданских партнерствах. Гражданское партнерство заключается между двумя лицами одного пола. Партнеры на момент заключения партнерства не должны состоять в другом браке или партнерстве и не должны являться близкими родственниками. Партнеры несут обязанность по взаимному содержанию в соответствии с уровнем доходов и устоявшимися условиями жизни партнеров. Эта обязанность сохраняется и при раздельном проживании партнеров. Закон устанавливает требования к расторжению партнерства аналогичные требованиям к расторжению брака и распространяет право на содержание разведенного супруга на нуждающегося партнера после расторжения партнерства [9].

Закон о зарегистрированных гражданских партнерствах производит социальный эффект. Согласно официальной переписи населения, по состоянию на 9 мая 2011 г. в стране насчитывалось около 34 тысяч зарегистрированных партнерств, что составляет треть от проживающих совместно однополых пар [10]. В то же время Германия испытывает сложности с достижением социального эффекта традиционного брака. Немец и немка в среднем вступают в брак в возрасте 30 лет, и в течение 12 лет с наступления совершеннолетия, когда умаляется право требовать содержания от родителей, до вступления в брак немец находится в группе социального риска. Но фактически люди вступают в устойчивые личные отношения. Государство последовательно предоставляет гражданам правовые гарантии, возникающие из состояния брака, и одновременно, создает условия для уменьшения государственных расходов. Легальность и легитимность брака бесспорна. Принятый в 2001 г. Закон о зарегистрированных гражданских партнерствах утвердил легальность и легитимность однополых отношений. Созданная нормативная база, регулирующая брак и партнерство, позволила осуществлять функцию экономии бюджетных средств применительно к незарегистрированным формам совместной жизни.

Социальный кодекс Германии в редакции от 8 июня 2006 г. закрепил признаки супружеского сообщества для целей социального обеспечения граждан: совместное проживание на общей жилплощади более одного года; наличие общего ребенка; взаимное материальное обеспечение и забота о проживающих с ними детях одного из партнеров или прочих близких родственниках; распоряжение имуществом или улаживание дел другого партнера [11, с. 86]. На основании одного из этих критериев союз мужчины и женщины признается фактическим сообществом и влечет обязанности по взаимной материальной поддержке. Для назначения социального пособия аналогично супружеским отношениям учитываются фактические отношения партнеров, не состоящих в зарегистрированном гражданском партнерстве. Обязанность доказывания фак-

тических супружеских отношений возлагается на социальную службу, ответственную за выплату социальных пособий.

Примечательно, что Россия имеет опыт постановки права на получение пособия в зависимости от обязанности содержания супругов и лиц, фактически состоящих в брачных отношениях. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР (1926) позволял суду устанавливать наличие брачных отношений по признакам ведения общего хозяйства, из личной переписки, взаимного признания друг друга супругами, совместного воспитания детей и другим. Правом на получение содержания от супруга пользовался нуждающийся нетрудоспособный супруг и нуждающийся трудоспособный супруг на период его безработицы. После расторжения брака содержание ограничивалось одним годом для нетрудоспособного нуждающегося супруга, шестью месяцами для трудоспособного нуждающегося супруга и не превышало соответствующего пособия социального страхования. Гарантии распространялись и на лиц, фактически состоящих в брачных отношениях [12].

Брак в Германии имеет колоссальное значение для социального обеспечения. Он несет обоюдную пользу человеку и государству. Брак предоставляет человеку большие возможности для получения средств к существованию, а государству – для эффективного выполнения социальной функции на фоне закономерной тенденции к экономии бюджетных средств. В семейных парах с обоими нуждающимися супругами (партнерами, сожителями) функция экономии бюджетных средств осуществляется путем законодательного формирования в семье дискриминационных групп получателей социального пособия. В семейных парах с одним супругом (партнером, сожителем), имеющим доход, второму супругу (партнеру, сожителю) может быть отказано в социальном пособии или его размер может быть уменьшен. В браках с одним нуждающимся супругом государственная экономия производна от обеспечительной функции брака, имеющей специфику в германском законодательстве. Длительные сроки, предшествующие расторжению брака, обязанность по социальному страхованию супруга, пролонгированное обеспечение бывшего супруга независимо от его трудоспособности, неограниченность оснований получения содержания бывшим супругом, содержание бывшего супруга в период его профессиональной интеграции позволяют предупреждать попадание нуждающегося супруга в группу социального риска, а государству – экономить на социальных выплатах нуждающемуся за несколько лет.

Государство, устанавливая обязанность содержания супругов, формирует брак как систему перераспределения материальных благ, которая срабатывает в случае нужды одного из супругов. Брак в Германии приобретает функцию экономии бюджетных средств с развитием социального страхования. Законодательное поддержание системы перераспределения на уровне брака уменьшает нагрузку на систему социального обеспечения. На современном этапе социальной политики функция экономии приводит к тому, что Германия стремится охватить браком как можно больше социальных групп. Распространяя гарантии социального обеспечения на зарегистрированные гражданские партнерства, фак-

тические брачные и партнерские отношения, государство реализует собственный интерес в сфере управления финансами и социальной политикой.

Таким образом, брак (партнерство) представляет собой мощный инструмент в системе социального государства Германии, позволяющий при помощи гармоничного нормативного регулирования осуществлять функцию экономии бюджетных средств и обеспечивать высокий уровень правовых гарантий достойной жизни человека.

Библиографический список

1. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979.
2. Семейное право: учебник / под ред. А.М. Нечаевой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
3. Фрагмент книги Загоровского А.И. «Курс семейного права» // Семейное и жилищное право. 2006. № 3.
4. Портал Euronews. URL: <http://ru.euronews.com/tag/unemployment/>
5. Социально-экономический портал ExRus. URL: <http://ru.exrus.eu/Новое-законоположение-Германии-о-выплате-социального-пособия-в-рамках—id4e58253e6ccc196e32000328>
6. Социальная помощь в Германии. URL: <http://germanyhelp.pisem.net/02.htm>
7. Гражданское уложение Германии. 2-е изд., доп. М., 2006.
8. Гражданское Уложение Германской Империи. СПб., 1898.
9. Act on Registered Life Partnerships (sections 1, 5, 12, 15, 16). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_lpartg/englisch_lpartg.html#p0020
10. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданские_партнерства_в_Германии
11. Лушников А.М. Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения: учеб. пособие. М., 2010.
12. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года. М., 1927.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

G.V. Vershitskaya
Legal Features
of Non-Governmental
Expert Activity

Issues of application of non-governmental expert institutions' forensic expertise results in different types of proceedings are considered. The content of the legal rules governing non-governmental expert institutions activities is analyzed. Ways to improve the rules of current legislation regarding non-governmental forensic expertise are proposed.

Key-words and word-combinations: forensic expert, non-governmental expert institution, expert competence.

Рассматриваются вопросы использования в различных видах судопроизводства результатов судебной экспертизы, выполненной в негосударственных экспертных учреждениях. Анализируется содержание правовых норм, регулирующих деятельность негосударственных экспертных учреждений. Вносятся предложения по совершенствованию норм действующего законодательства, касающихся негосударственной судебной экспертизы.

Ключевые слова и словосочетания: судебный эксперт, негосударственное экспертное учреждение, компетенция эксперта.

УДК 340.6
ББК 67.53

Г.В. Вершицкая

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последнее время в средствах массовой информации активно обсуждаются вопросы использования в различных видах судопроизводства результатов так называемой альтернативной экспертизы, которая, по мнению многих специалистов, могла бы проводиться на предварительном следствии по инициативе стороны защиты. Рассматриваются также проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Действующее федеральное законодательство регламентирует судебно-экспертную деятельность, осуществляемую государственными судебно-экспертными учреждениями, а также деятельность физических лиц, выполняющих судебные экспертизы по поручению следствия и суда. Деятельность негосударственных экспертных учреждений регламентируется учредительными документами этих организаций.

Принятый в 2001 г. Федеральный закон

«О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не решает всех проблем судебной экспертизы. Так, деятельности негосударственных судебных экспертов в нем посвящена всего одна статья 41. В данном Законе не определены права и обязанности, ответственность руководителей негосударственных экспертных учреждений, их взаимоотношения с судом, следователем, адвокатом, юридическими лицами и гражданами [1].

В государственных судебно-экспертных учреждениях обычно проводятся наиболее распространенные в следственной и судебной практике экспертизы по уголовным делам. К негосударственным экспертным учреждениям обычно обращаются:

а) если стороны, следователь или суд хотят назначить судебную экспертизу конкретному специалисту в данной области знания, не являющемуся государственным судебным экспертом;

б) если у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или других участников процесса имеются сомнения в беспристрастности и объективности экспертов государственного судебно-экспертного учреждения.

Использование в доказывании заключений негосударственных судебных экспертов способствует расширению сферы применения специальных знаний и усилению принципа состязательности во всех видах судопроизводства. Вместе с тем это приводит к возникновению ряда проблем, требующих своевременного решения.

Основная проблема касается вопросов правового регулирования негосударственной судебной экспертизы.

Статья 41 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» предусматривает возможность производства судебной экспертизы в негосударственных экспертных учреждениях: «В соответствии с нормами процессуального законодательства Российской Федерации судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными экспертами» [1].

Эта же норма распространяет на экспертную деятельность указанных лиц нормы ст. 2, 4, 6–8, 16 и 17, ч. 2 ст. 18, ст. 24 и 25 рассматриваемого Федерального закона.

Возможность функционирования негосударственных экспертных учреждений подразумевается в процессуальном законодательстве Российской Федерации, согласно которому судебная экспертиза может проводиться как в судебно-экспертном учреждении, так и конкретным экспертом или экспертами (ст. 79 ГПК РФ; ст. 82 АПК РФ; ст. 195 УПК РФ; ст. 26.4 КоАП РФ). Но ни один процессуальный кодекс РФ не содержит таких правовых понятий, как «негосударственный эксперт» и «негосударственное судебно-экспертное учреждение». В ст. 57 УПК РФ эксперт определяется, как «лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ для производства судебной экспертизы и дачи заключения» [2], но никаких профессиональных и квалификационных требований к эксперту не предъявляется. По-

этому следственные и судебные органы при назначении и производстве судебных экспертиз в качестве экспертов используют как сотрудников государственных экспертных учреждений, так и «негосударственных экспертов».

«Экспертным учреждением» согласно п. 60 ст. 5 УПК РФ является «государственное судебно-экспертное или иное учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы в порядке, установленном УПК РФ» [2]. Очевидно, что в данной норме содержится правовая неопределенность этого понятия, поскольку не ясно, что законодатель понимает под «иным учреждением»: либо это любое учреждение, либо это «иное судебно-экспертное учреждение». Эта правовая неопределенность приводит к тому, что понятия «негосударственный эксперт» и «негосударственные судебно-экспертные учреждения» стали само собой разумеющимися, в то время как в действующем законодательстве Российской Федерации такие правовые понятия отсутствуют.

Тем не менее не существующее в законодательстве понятие «негосударственное судебно-экспертное учреждение» использует в своем постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 Пленум Верховного Суда РФ, предлагая понимать под «иными экспертами... экспертов негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лиц, не работающих в судебно-экспертных учреждениях», а под «негосударственными судебно-экспертными учреждениями... некоммерческие организации, созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми уставами». Согласно действующему законодательству Верховный Суд РФ и его Пленум не уполномочены издавать нормы права. Остается также непонятным вольное толкование Пленумом Верховного Суда статей Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О некоммерческих организациях», которые не содержат норм, регламентирующих создание и деятельность «негосударственных судебно-экспертных учреждений». Кроме того, на наш взгляд, представляется юридически некорректным указание Пленума Верховного Суда РФ на то, что «некоммерческие организации... осуществляют судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами», поскольку в данном случае законодательные нормы приравниваются к нормам уставов некоммерческих организаций. В правовом государстве для целей правосудия не может существовать два вида судебно-экспертной деятельности, одна из которой осуществляется на основе федеральных законов, а другая – на основе уставов некоммерческих организаций.

Еще одним важным понятием судебно-экспертной деятельности является категория «компетенция», которая определяется квалификацией судебного эксперта. Уровень квалификации экспертов государственных судебно-экспертных учреждений гарантируется порядком назначения их на должность. Государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными

правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Определение уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Уровень профессиональной подготовки экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет в соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 13) [1].

Для иных лиц, привлекаемых следователем и судом в качестве судебных экспертов, не существует нормы об обязательной аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы того или иного вида. Проверка их компетенции оказывается достаточно сложной задачей, поскольку наличие диплома о высшем образовании или ученой степени не гарантирует знания экспертных методик и умения применять их на практике. Пленум Верховного Суда РФ в упомянутом уже постановлении, по существу, предлагает допускать к судебно-экспертной деятельности «лиц, обладающих специальными знаниями», компетенцию которых проверить невозможно, так как в действующем законодательстве не прописана обязанность этих лиц быть аттестованными на право самостоятельного производства судебных экспертиз. Получается, что статус эксперта таким лицам присваивается следователем, дознавателем или судом путем вынесения постановления (определения) о назначении судебной экспертизы.

Правовая неопределенность негосударственных экспертов и их компетенции приводит к нарушению принципов правосудия и положений ст. 18 Конституции РФ [3]. Допуск к производству судебных экспертиз по уголовным делам «лиц, обладающих специальными знаниями» с различным уровнем профессиональной подготовки, аттестованных и не аттестованных на право самостоятельного производства конкретного вида судебной экспертизы, лиц, необоснованно именуемых «экспертами», является не чем иным, как дискриминацией привлеченных к ответственности лиц (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых). Согласно Конституции РФ (ст. 19, 123), все они имеют равные права на то, чтобы экспертизу по их делам производили обладающие специальными знаниями, прошедшие подготовку по конкретной экспертной специальности аттестованные лица, имеющие свидетельство на право самостоятельного производства судебной экспертизы конкретного вида.

Наконец, представляется необходимым остановиться на способах контроля и надзора за негосударственными экспертами. Одним из способов контроля в России является лицензирование. Статья 17 Федерального закона от 8 августа 2001 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности» содержит перечень видов деятельности, для осуществления которых требуется лицензия. Судебно-экспертная деятельность в этом перечне отсутствует и, следовательно, не подлежит лицензированию. Исключением является лишь судебно-медицинская экспертиза, так как она относится к медицинской деятельности, подлежащей в соответствии с п. 96 ст. 17 указанного Федерального закона лицензированию.

В целях осуществления контроля и надзора за негосударственными экспер-

тами неоднократно предпринимались безуспешные попытки создания государственного реестра экспертов. В настоящее время существует реестр экспертов, прошедших добровольную сертификацию при Министерстве юстиции России. Эксперты МВД, ФСБ, негосударственные и штатные эксперты Минюста России в этот реестр не включены.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» на негосударственного эксперта распространяются обязанности (ст. 16) и права (ст. 17) государственного эксперта, основания отвода от участия в производстве судебной экспертизы (ч. 2 ст. 18), а также особенности присутствия участников процесса при производстве судебной экспертизы (ст. 24) и требования к форме и содержанию заключения эксперта (ст. 25).

Привлечение к производству судебной экспертизы негосударственных экспертных учреждений или лиц, не являющихся государственными экспертами, требует неукоснительного соблюдения правовых норм действующего законодательства в части регламентации порядка назначения и производства судебной экспертизы. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ суду или следователю до назначения экспертизы необходимо запросить сведения о компетенции и квалификации эксперта, который будет проводить данную экспертизу. Решения следователя, дознавателя или суда о поручении производства экспертизы лицу, не работающему в государственном экспертном учреждении, могут быть обжалованы участниками уголовного процесса.

Независимо от того, проводится судебная экспертиза государственным или негосударственным экспертом, ее результаты оформляются в виде заключения. Во избежание возможных трудностей при оценке заключений негосударственных экспертов следователю или суду целесообразно не только разъяснять им при назначении экспертизы положения ст. 57 УПК РФ, но и знакомить с требованиями ст. 204 УПК РФ, чтобы заключение можно было использовать для формирования устойчивой доказательственной базы.

Таким образом, полноценное использование результатов судебно-экспертной деятельности для целей правосудия требует всесторонней проработки норм действующего законодательства, а именно:

- необходимо законодательно регламентировать правовой механизм присвоения статуса (квалификации) «эксперт» специалисту (лицу, обладающему специальными знаниями) независимо от того, является ли он сотрудником государственного или негосударственного экспертного учреждения;
- законодательно следует урегулировать правовой механизм образования негосударственных экспертных учреждений;
- требуется создать реестр экспертов, получивших свой статус (квалификацию) на единой правовой основе;
- важно создать экспертно-квалификационные комиссии для прохождения аттестации специалистов, присвоении им квалификации «судебный эксперт» по конкретным экспертным специальностям и выдаче им свидетельств о праве самостоятельного производства конкретного вида судебной экспертизы.

Библиографический список

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. М., 2001.
2. Уголовно-процессуальный Кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Конституция Российской Федерации. М., 2010.

M.S. Malkevich
Implementation of the Principle
of Equality of Parental Rights
for the Child Maintenance

The application of the child maintenance right is studied. The author proposes to discuss the question of the right to child maintenance and features of the right application in conditions of the actual inequality of rights. The author's viewpoint on determining whether the maintenance payer should be allowed to monitor the expenditure of such funds is presented.

Key words and word-combinations: parent, child, maintenance, cost control, the maximum amount of maintenance.

Исследуется правоприменительная практика по вопросу содержания детей. Предлагается к обсуждению вопрос о праве на содержание и особенностях реализации права в условиях фактического неравенства прав. Представлена авторская точка зрения об определении возможности плательщика алиментов контролировать расходование таких средств.

Ключевые слова и словосочетания: родитель, ребенок, содержание, контроль расходов, предельная сумма содержания.

УДК 347.61/.64
ББК67.404.5

М.С. Малькевич

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА
РАВЕНСТВА
РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ
НА СОДЕРЖАНИЕ РЕБЕНКА

Проблема реализации принципа равенства родителей возникает и при осуществлении правомочия по содержанию несовершеннолетнего. Здесь термины «содержание» и «алименты» используются как синонимы, поскольку автор не разделяет точку зрения, согласно которой семейно-правовые обязанности членов семьи имеют различное значение и содержание в зависимости от применения того или иного термина. Иное мнение высказывает А.Н. Левушкин [1, с. 17–21]. Правомочие родителя одновременно предполагает и право и обязанность субъекта. Содержание ребенка – одна из самых разработанных тем диссертационных исследований, но на протяжении длительного времени она остается по-прежнему актуальной. В основном научному обсуждению подвергался вопрос об обязанности родителя уплачивать алиментное содержание [2–4]. Предлагаемые авторами дефиниции содержат акцент на обязанности плательщика, тогда как получатель алиментного содержания пред-

ставляется как субъект наделенный полномочиями. Так, О.А. Макеева пишет: «Алиментное обязательство – это правоотношение, в силу которого один член семьи (должник – плательщик алиментов) обязан совершить в пользу другого члена семьи (кредитора – получателя алиментов, имеющего право требовать алименты в силу возраста, нетрудоспособности и (или) нуждаемости) определенные действия по предоставлению средств на содержание (алиментов) в установленном законом или соглашением сторон фиксированном размере, как то: уплатить деньги, передать иное имущество либо предоставить алименты иным способом, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности» [5].

М.В. Антокольская предлагает следующее определение: «...Алиментное обязательство – это правоотношение, возникающее на основании предусмотренных в законе юридических фактов, в силу которых одни члены семьи обязаны предоставлять содержание другим ее членам, а последние вправе требовать этого содержания» [6].

Однако это правоотношение не является односторонним. Напротив, на получателе алиментного содержания, если речь идет о родительском правоотношении, также лежит ряд обязанностей. Продиктован этот вывод именно принципом равенства родительских правоотношений, который не может содержать лишь обязанности одной из сторон либо только права. Впервые указанное правомочие исследуется с точки зрения равенства прав родителей на выплату и получение содержания, где плательщик также наделен правами в отношении получателя, основанными на указанном принципе.

Остается неисследованным *право* родителя на содержание ребенка, поскольку обязанность по содержанию не вызывает, по нашему мнению, нареканий. Тем не менее именно реализация права и, главным образом, равенства прав недостаточно обеспечена действующим законодательством.

«Алиментная обязанность матери в отношении рожденного ею ребенка возникает в силу факта кровного родства с ним, зарегистрированного в книгах записи актов гражданского состояния. Алиментная обязанность отца возникает в отношении ребенка, рожденного матерью, состоящей с ним в браке, а также ребенка, относительно которого отцовство было установлено в добровольном либо судебном порядке» [7, с. 228]. Верно указывает Е.М. Ворожейкин, что субъектами правоотношения по содержанию является ребенок и каждый из родителей (но не оба они вместе, одновременно), следовательно, такие правоотношения можно характеризовать как относительные [8, с. 191].

Как отмечается в социологических исследованиях, в родительском правоотношении потенциально «слабой» стороной, вопреки общественному мнению, также является и отец. Статистические данные свидетельствуют, что мать ребенка зачастую все же получает на него содержание (47% разведенных матерей, 5% не состоящих в браке, 8% состоящих в фактических брачных отношениях и только 2% находящихся в браке), тогда как отец при оставлении ребенка с ним не получает содержание совсем [9, с. 110–120]. Это позволяет констатировать, что мать ребенка воспринимает свое положение только как возможного получателя содержания, но объективно отсутствует представление о своей роли как плательщика алиментов.

Длительная борьба женщин за равноправие с мужчинами привела к тому, что женщины в семейных правоотношениях, в целом не выступая противниками равенства прав, нарушают права мужчин [10]. Это отчетливо прослеживается и в родительских правоотношениях, когда наблюдается некая доминанта прав матери над правами отца. Ситуация обостряется, и свидетельствует об этом создание в последнее время общественных организаций по защите прав отцов. Это несколько непривычно, поскольку существует стереотип, что нарушаются права матери, однако, как оказалось, отцу в родительском правоотношении также приходится отстаивать возможность реализации своих прав и обязанностей. Одной из наиболее активных является общественная организация «Отцы России», которая осуществляет деятельность по пропаганде усиления роли отца в воспитании ребенка, призывает ограничить права женщин. Деятельность организации отличается призывами к нарушению установленных законом прав женщин (матерей) [11].

Особенности сложившейся практики судов заключаются в единообразном подходе к определению возможности одного из родителей принимать решения по направлению расходов на ребенка. Так, при получении алиментных выплат родитель, с которым проживает ребенок, не отчитывается о тратах и не согласует со вторым родителем необходимость тех или иных выплат за счет алиментного содержания. При этом второй родитель не может повлиять на сложившуюся ситуацию, а требования, предъявляемые в судебном порядке, не удовлетворяются.

Примером подобной ситуации может служить решение мирового судьи Кировского района г. Казани. Истец обратился в суд за определением порядка выплаты алиментов. Одним из требований истца было требование о перераспределении выплаты алиментного содержания, назначенного ранее, путем перечисления 50% этой суммы второму родителю для содержания ребенка, а 50% путем перечисления на именной счет несовершеннолетнего ребенка. К исковому заявлению была приложена справка о доходах истца, согласно которой ответчица (мать ребенка) получила на содержание ребенка 196 429 рублей, то есть в среднем в месяц 24 554 рубля. Дело рассматривалось в 2011 г., и указанная сумма являлась высокой для алиментного содержания. Однако основой искового заявления стал не размер алиментных выплат, а направления расходов, которые избрал ответчик.

В заявлении истец указывал, что не обнаружил у ребенка за последние несколько месяцев новой одежды или игрушек, при этом ребенок не посещает образовательное учреждение ввиду своего возраста (3 года) и матери не приходится расходовать средства на его образование. Кроме того, ребенок не страдает каким-либо врожденным или хроническим заболеванием, что еще раз подтверждает отсутствие необходимости расходования всех выплаченных средств. Ответчик не смог объяснить, куда именно были потрачены алименты, и не подтвердил произведенные расходы необходимыми документами.

Суд пришел к выводу о том, что родитель, с которым проживает ребенок, сам определяет необходимость и размер этих трат, на основании чего в иске отказал (определение мирового суда г. Казани (участок № 3) от 5 июня 2011 г. по делу № 2-3-325/11).

Безусловно, трудно согласится с подобным обоснованием и выводами, к которым пришел суд, тем более что и ст. 60 Семейного кодекса РФ позволяет родителю требовать в судебном порядке о перечислении не более пятидесяти процентов сумм алиментов, подлежащих выплате, на счета, открытые на имя несовершеннолетних детей в банках. Алиментное содержание достаточно для выдвижения подобного требования, другими словами, 50% суммы значительно превышает установленный законом МРОТ, из которого и производится расчет алиментов [12–14].

Заметим, что подобная практика не является новеллой. Так, в «Очерках советского семейного права» В.И. Бошко, вышедших в свет в 1952 г., представлен следующий пример: Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР определила выдавать матери ребенка не полную сумму алиментного содержания (1200 рублей, сумма значительная для алиментов), а только 400 рублей. Остальную часть алиментов вносить в сберегательную кассу на имя ребенка. В своем протесте прокурор квалифицировал это решение как противозаконное и принципиально неверное, поскольку в постановлении ЦИК И СНК СССР от 27 июня 1936 г. содержится вполне определенное указание на удержание из дохода плательщика именно определенной доли на несовершеннолетнего ребенка, но нет указания на возможность распределения этих средств [15, с. 264]. В связи с этим автор солидарен с мнением В.И. Бошко, который пишет, что следует учесть, что закон устанавливает лишь размер алиментов на ребенка и вовсе не дает матери права жить за счет алиментов.

В литературе высказывается мнение о возможном определении предельной суммы содержания, выплачиваемого на несовершеннолетнего. Так, Ю.А. Королев справедливо отмечает, что родитель, получая крупные суммы алиментного содержания на ребенка, нередко сам проживает за счет этих сумм. Такие доходы нельзя признать трудовыми и, скорее, следует отнести к неосновательному обогащению родителя, в связи с этим установление предельной суммы автор считает целесообразным [16, с. 131]. Напротив, другие полагают, что ребенок должен получать алименты, которые имел бы, проживая с двумя родителями [17, с. 92].

Данная проблема представляется разрешимой, но в несколько иной плоскости. Придерживаясь правила о необходимости сохранения ребенку наиболее приближенных условий содержания, полагаем, что применение принципа равенства родительских прав при распределении денежных средств никоим образом не позволит умаления прав одного из родителей. Однако же применение этого принципа требует глубокой нормотворческой деятельности, поскольку современные семейно-правовые нормы не отвечают такому принципу. Действительно, лишение второго родителя возможности прямого участия в распределении расходов создает препятствия в реализации им принципа равенства родительских прав, который является определяющим в родительском правоотношении. Исподволь родитель, с которым проживает ребенок, может пользоваться содержанием, выплачиваемым на последнего, порой расходуя средства неразумно, расточительно. Да и сама постановка вопроса о невозможности требовать отчета о произведенных доходах унижительно для обеих сторон, тем

более что второй родитель поставлен в ситуацию субъекта, *не обладающего законным на то правомочием*. Современный подход правоприменителя отличается категоричностью и склонностью к превышению полномочий одного родителя по сравнению с другим. Такая практика, по нашему мнению, порочна, а изменения в регулировании родительских правоотношений по поводу содержания ребенка давно назрели и требуют самого серьезного внимания.

Заметим, что подобная ситуация характерна, например, и для США. Только в десяти штатах семейное законодательство содержит нормы, позволяющие родителю – плательщику алиментов требовать предоставления отчета о расходах [18].

Для реализации принципа равенства прав родителей по содержанию ребенка следует определить возможность плательщика алиментов контролировать расходование таких средств. Необходимо дополнить п. 2 ст. 80 Семейного кодекса РФ следующим положением: «Родитель, получающий алиментное содержание на ребенка, обязан предоставлять отчет о произведенных им расходах на ребенка плательщику алиментов не реже одного раза за календарный год». Таким образом, указанная норма представляется в следующей формулировке: «*В случае если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке.*

Родитель, получающий алиментное содержание на ребенка, обязан предоставлять отчет о произведенных им расходах на ребенка плательщику алиментов не реже одного раза за календарный год».

Библиографический список

1. *Левушкин А.Н.* К вопросу об алиментах и последствиях невыполнения алиментных обязательств // Исполнительное право. 2011. № 2.
2. *Костюченко Е.Ю.* Алиментные обязательства родителей и детей по законодательству России и Германии: сравнительно-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
3. *Рустамова Ю.А.* Правовое регулирование алиментных отношений в Российской Федерации и проблемы их совершенствования: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
4. *Косенко Е.В.* Актуальные проблемы алиментного содержания детей // Сб. науч. работ по результатам работы круглого стола «Проблемы частного права в период реформирования законодательства». Саратов, 25 апреля 2013 г. Саратов, 2013.
5. *Давыдова (Макеева) О.А.* Правовое регулирование алиментных отношений в семейном праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.
6. *Антокольская, М. В.* Алиментные обязательства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1988.
7. *Ворожейкин Е.М.* Регулирование отношений по содержанию детей при признании и установлении отцовства // Советская юстиция. 1969. № 5. С. 16.
8. *Ворожейкин Е.М.* Семейные правоотношения в СССР. М., 1972.
9. *Гурко Т.А.* Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // Социологические исследования. 2008. № 9.
10. *Воронина О.А.* Феминизма социологические концепции // Современная западная социология: словарь. М., 1990.
11. URL: [http:// www.mentales.ru/html](http://www.mentales.ru/html)
12. О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: Федер. закон от 24 июня 2008 г. № 91-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 26. Ст. 3010.

13. О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: Федер. закон от 1 июня 2011 г. № 106-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3246.
14. О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: Федер. закон от 2 дек. 2013 г. № 336-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 49 (ч. I). Ст. 6337.
15. *Бошко В.И.* Очерки советского семейного права / Переработка и дополнение В.А. Рясенцева. Киев. 1952.
16. *Королев Ю.А.* Семья, государство, общество. М., 1971.
17. *Масевич М.Г.* Основания возникновения алиментных обязательств // Правовые вопросы семьи и воспитания детей / отв. ред. В.С. Тадевосян. М., 1968.
18. U.S. Department of Health and Human Services, Administration on Children, Youth and Families. URL: [http:// www.acf.hhs.gov/programs/html](http://www.acf.hhs.gov/programs/html)

I.R. Yagudin
The Phenomenon of Citizenship
in Vectors Measuring Individual
Rights and Freedoms

Key aspects in understanding the phenomenon of citizenship are analyzed. The citizenship is considered as a stable legal connection between an individual and the state, consisting in the aggregate of mutual rights and obligations. The phenomenon of citizenship is a complex of ethical, social and philosophical norms and principles, such as patriotism, obedience to the law, the ability to be a subject of civilization and other socially significant processes.

Key words and word-combinations: citizenship, individual, social status, status category.

Анализируются основные аспекты в понимании феномена гражданства. Гражданство рассматривается как устойчивая правовая связь человека и государства, заключающаяся в совокупности взаимных прав и обязанностей. Феномен гражданства представляет собой комплекс морально-этических и социально-философских норм и принципов, таких, как патриотизм, законопослушность, способность быть субъектом цивилизационных и иных социально значимых процессов.

Ключевые слова и словосочетания: гражданство, личность, социальный статус, статусная категория.

УДК 342.7
ББК 67.400.3

И.Р. Ягудин

ФЕНОМЕН ГРАЖДАНСТВА
В ВЕКТОРАХ ИЗМЕРЕНИЯ
ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Развитие и утверждение основ правового государства, отвечающие актуальным высоким социально-экономическим и политическим стандартам, невозможны без установления принципов гражданского общества, базирующегося, на реальном соблюдении прав и свобод личности, а также теории гражданства, включающей в себя целый комплекс политических, социальных и гражданских прав, присущих современному индивиду.

В настоящее время в мировом философском и научном сообществе ведутся интенсивные дискуссии по поводу основных проблем концепции гражданства [1]. Существенно возросший в XX–XXI вв. интерес к данному феномену связан с пониманием человека, его естественных прав и свобод как основополагающей ценности передового общества. Однако дальнейшее укрепление приоритетной позиции принципа гражданства невозможно без понимания его сущности,

концептуальной основы, выявления механизмов его возникновения и развития. В связи с этим становится актуальным осмысление гражданства как понятия и исторически обусловленного феномена. Социально-философский анализ гражданства позволяет выявить закономерный характер его появления и развития, различные аспекты в его понимании, а также некоторые факторы, обусловившие его генезис. Для осуществления подобного анализа прежде всего необходимо определить основные характеристики, присущие феномену гражданства в аспекте понятийных смыслов и в отношении соответствующей проблематики, сформулированные в философии и различных смежных отраслях социально-гуманитарного знания: философии права и политики, социологии. Конструктивным также представляется определение понятийно-категориального ряда, сопутствующего термину «гражданство» [2, с. 256].

Анализ проблематики гражданства приводит к закономерному выводу о поливариантности используемых определений и трактовок, а также об отсутствии четко выраженного общего теоретико-методологического подхода к изучению данного феномена. До возникновения идеи гражданства взаимодействие личности и государства понималось как исполнение ряда обязанностей и зависимостей. Значение идеи гражданства состоит в том, что она привнесла новые контексты соотношения личности и власти, личности и общества.

На разных этапах культурно-исторического развития понятие «гражданство» приобретало различные смысловые оттенки, в зависимости от уровня самосознания людей и степени осознания ими собственных прав и обязанностей по отношению к обществу или государству. При этом гражданство является не только и не просто правовым феноменом, но и социальным, поскольку сочетает в себе как политико-правовые, так и социально-философские, нравственные смыслы. Весьма распространенная ранее упрощенная трактовка феномена гражданства, в собирательном значении понимаемого как простая совокупность граждан, в настоящее время утратила свою актуальность. Ограниченность политико-правовой точки зрения, в которой гражданство – устойчивая правовая связь индивида с государством, заключающаяся в комплексе взаимных прав и обязанностей, принадлежность данного индивида к определенному организованному в единство социуму и подчинение власти соответствующего государства независимо от местонахождения индивида, состоит в односторонности такого понимания. Это связано с тем, что в данном определении не показаны возможности реализации свобод и прав человека. Политико-правовое понимание гражданства, по сути, не может устроить самого гражданина, поскольку человек проявляется в обществе не только как правовой или политический субъект, но в большей мере в качестве субъекта межличностных отношений, творца социокультурной реальности, экономического деятеля [3, с. 13]. Более того, само по себе юридическое толкование гражданства является ограниченным даже в контексте политико-правовых отношений. Например, когда гражданин находится в качестве иностранца на территории другой страны, то в этот момент он подчинен ее юрисдикции, несмотря на то, что согласно обозначенному определению, он в то же время подчинен суверенной власти государства собственной гражданской принадлежностью независимо от своего факти-

ческого местонахождения. К государственно организованному обществу относятся не только граждане данной страны, но и иные категории лиц, например, апатриды и иностранцы, проживающие в определенное время на ее территории и составляющие население. Подобные недостатки в определении сущности феномена гражданства свидетельствуют не только о юридических неточностях или разночтениях, сколько о недостаточном теоретико-методологическом обосновании концепции гражданства, что позволяет утверждать необходимость его философского анализа.

Понимаемое в социально-философском и моральном смысле, гражданство целесообразно трактовать в качестве и совокупности политических и экономических прав, свобод и обязанностей индивида по отношению к обществу и государству, и комплекса морально-этических и психологических принципов: ответственности, патриотизма, добровольного содействия в общем деле, общественной активности, добропорядочности и законопослушности. В данном случае акцент смещается не на взаимные права и обязанности человека и государства, а на права, свободы и обязательства гражданина по отношению к обществу и государству. В свою очередь, за государством закрепляются обязанности наделения гражданина правами, его защита и покровительство как в пределах данной страны, так и за границей. Иногда в литературе в переносном смысле употребляется словосочетание «получение права гражданства»; при этом имеется в виду получение человеком определенной устойчивости в идентификации. В данном случае подмечается одна из основных социальных характеристик гражданства, понимаемого как форма приобретения определенной устойчивости, надежности, значимости, стабильности и защищенности.

Социально-философский анализ гражданства предполагает также трактовку данного феномена как в определенной степени привилегированного статуса личности. Гражданство, понимаемое как статусная категория, предполагает конкретные условия наделения личности статусными характеристиками, в которых закрепляются особые права, свободы и обязанности данного лица и которые находятся в тесной связи с целями того или иного социально-политического сообщества [4, с. 512]. Указанные характеристики определяют, для кого нужна реализация данных прав и свобод как целей развития личности и общества, а также с помощью чего и кого они могут быть достигнуты. Кроме того, что статус гражданства определен законом, люди, являясь представителями социально-политического сообщества или государства, уже обладают определенными правами, участвуют в жизнедеятельности своего сообщества, выполняют моральные обязательства по отношению друг другу, связаны экономическими, политическими, культурными и иными отношениями.

В связи с этим наблюдается неточность в отношении разграничения понятий «гражданство в государстве» и «представительство в обществе» или «членство в общине», которые ценны сами по себе, их можно трактовать в качестве и предоставленного статуса, и практически занимаемого положения в обществе. Представительство в обществе может рассматриваться как условие для

приобретения гражданства. Феномен «членства в общине» – исторически более ранняя форма, чем «гражданство в государстве», а сам феномен гражданства тесно взаимосвязан с возникновением определенного типа государства и наделен более существенными, конкретными смыслами, обуславливающими неразрывную связь индивида как единичного с обществом и государством как целым. Таким государством может быть назван античный полис, объединяющий прежде всего свободных людей и дающий им статус и права гражданства [5, с. 167]. Древнеримский политик и философ Цицерон видел в законе и правовом равенстве индивидов основные принципы гражданства и гражданского общества: «...Закон есть связующее звено гражданского общества, а право, установленное законом, одинаково для всех...» [6, с. 49]. Государство (фактически аналогичное понятию общества) философ считал единством индивидов, поддерживаемым общностью интересов и права и возникшим из извечной потребности людей к совместному существованию. Таким образом, идеи гражданства, гражданского статуса и равенства индивидов перед законом являются выдающимися достижениями античной цивилизации.

Некоторые исследователи выделяют негативный аспект гражданства, понимаемого как иерархическая специфическая особенность социального статуса, связанный с тем, что отношения гражданства выступают отношениями социального неравенства [7, с. 236]. В данном случае принцип гражданства и социального неравенства – взаимообуславливающие, сосуществующие процессы. Появление государства и классового расслоения общества закономерно привело к осознанию его членами своих прав, свобод и обязанностей, составляющих суть принципа гражданства.

Гражданство в значении социального статуса, содержит в себе определенные философско-правовые смыслы. Сегодня степень участия человека в управлении делами организованного в государство сообщества является существенным атрибутом и смыслом социального статуса гражданина этого государства [8, с. 101]. Социально-нравственный аспект заключается в уровне осознания личностью ответственности за принятие решений, влияющих на дальнейшее развитие государства. Наличие статуса гражданина предполагает, что индивид добровольно принимает на себя определенные обязательства перед государством и является активным субъектом цивилизационных процессов, происходящих в рамках данного социума, а государство стоит на страже его прав и свобод. Следовательно, свобода как одна из сущностных характеристик человека всегда предопределена социальными и культурно-историческими условиями и выступает как свобода конкретного гражданина государства со всеми историческими возможностями и ограниченностями.

Гражданин – личность, наделенная статусом гражданства, относится к постоянному населению конкретной страны, обладает всей совокупностью признанных в государстве прав, свобод и обязанностей, находится под его защитой. В социокультурном и философском аспектах гражданин – это лицо социально активное, находящееся в нравственно-духовных отношениях с обществом и государством, имеющее устойчивые жизненные цели и ценностные

ориентиры. По сути самой идеи гражданства гражданином может считаться только тот человек, который способен в критические для своего сообщества или государства моменты стать активным субъектом исторически и социально значимых процессов, или, следуя терминологии Л.Н. Гумилева, пассионарной личностью. Только свободный человек может стать носителем пассионарности. Иными словами, государство допускает и порождает гражданина с его свободой и правами в большей степени не для него, а для самого себя, с целью усиления возможностей субъекта социального, общественно-полезного действия. Именно пассионарии расширяют территории государства, защищают его от врагов или трудятся на благо общества и власти [9, с. 45–49]. При этом пассионарии руководствуются моральными принципами долга и патриотизма, добровольно соглашаясь поступиться частью своих прав и свобод во имя общего правого дела.

Будучи субъектами цивилизационных, политических и экономических процессов, граждане принимают активное участие в выборах представителей в органы власти. Молчаливое согласие и отсутствие выраженного протеста по поводу действий того или иного органа или представителя государственной власти также может пониматься как пассивная форма участия народа в делах страны. При этом в разных странах в голосовании могут принимать участие либо только часть граждан (например, лица мужского пола, кроме военнослужащих, в местных выборах Саудовской Аравии), либо не только граждане данного государства, но и иные категории лиц, проживающих постоянно в пределах этой страны (иностранные граждане, постоянно проживающие в России, могут избирать или быть избранными в органы местного самоуправления). Подобные разнообразные трактовки возможности допуска граждан к участию в деятельности и управлении государством, разные уровни такого допуска для различных категорий населения, а также людей с двойным гражданством на практике приводят к конфликтам принятых в разных государствах норм о гражданстве. По сути, у граждан одного и того же государства обязанности перед государством и обществом могут быть одинаковыми, а права и свободы – находиться под охраной не только данного государства, но и другой государственной системы. Таким образом, статус гражданства является достаточно противоречивым, поскольку утверждает не только равенство, но и неравенство людей.

Помимо негативного аспекта гражданства – статусной характеристики, предполагающей социальное неравенство, существует и позитивный аспект понятий «гражданство» и «гражданин». Человек, наделенный статусом гражданина, мог стать почетным членом общины или общества, организованного в государство, что предполагало повышение статусной роли в социуме и свидетельствовало о признании индивида в качестве значимого субъекта социокультурных процессов. Исторически сложилось так, что по смыслу термин «гражданин» перекликается с понятием «горожанин», то есть житель определенного города, обладающий правом участия в его жизни, а также иными правами и свободами, принятыми в этом городе, и выполняющий конкретные обязанности. Для выражения статусных привилегий гражданина использует-

ся дефиниция «именитый гражданин», или, более современное, «почетный гражданин города (страны)».

Таким образом, гражданство может пониматься как социально одобряемая и культивируемая в обществе ценность; наделение лица почетным гражданством символизирует особую связь личности с тем или иным обществом, страной или административно-государственным образованием и причисление человека к категории «непростых» граждан, имеющих привилегии, особые права и свободы [10, с. 782]. Такие привилегии – общественная награда, почетное звание, присваиваемое пассионарным гражданам в целях поощрения полезной для города или страны личной деятельности, способствующей их дальнейшему улучшению и росту благосостояния, а также закрепления признания выдающихся заслуг перед городом или государством. Особенно активно наделение подобными привилегиями для мобилизации пассионарности использовалось государством в советское время, что послужило одной из причин многих достижений того периода.

Сегодня присвоение подобного звания само по себе не гарантирует наделение какими-либо преимуществами по сравнению с другими гражданами. Однако ценностно-символический и духовно-моральный смысл возможности получения подобного статуса трудно переоценить: подобная вероятность и, собственно, присвоение звания может способствовать стремлению личности осуществлять свою деятельность, руководясь не только эгоистичной выгодой, но и общественным благом, соображениями коллективной безопасности и всеобщего благополучия. Таким образом, понятие «почетный гражданин города (страны)» содержит в себе не только разъединяющие смыслы (такие, как деление общества на привилегированных и непривилегированных), но и некую объединяющую константу, способствующую распространению ценностей патриотизма и духовного объединения людей.

Целесообразно выделить три основных аспекта в понимании феномена гражданства. Прежде всего гражданство – устойчивая правовая связь человека и государства, заключающаяся в совокупности взаимных прав и обязанностей. Кроме того, гражданство может пониматься как статусная категория, обозначающая наличие защиты со стороны государства, социальных прав и свобод личности и закрепляющая сложившееся в соответствии с различным содержанием пассионарного начала социальное неравенство в обществе. Наконец, данный феномен представляет собой комплекс морально-этических и социально-философских норм и принципов, таких, как патриотизм, законопослушность, способность быть субъектом цивилизационных и иных социально значимых процессов.

Историческим прообразом феномена гражданства выступает членство в общине. Гражданство связано с генезисом государства, а также с расслоением в обществе – появлением классового неравенства. Развитию гражданства способствовали следующие аспекты социума: наличие свободы выбора, осознание личностью своих прав, свобод и обязательств по отношению к государству и обществу, формирование института частной собственности, а также ощущение себя как полноправного члена сообщества, от которого в определенной степени

зависит его дальнейшая судьба. Современное гражданство выступает достаточно противоречивым феноменом, в контексте которого утверждаются и защищаются права и свободы глобализирующегося общества.

Библиографический список

1. *Апресян Р.Г., Гусейнов А.А.* Демократия и гражданство // Вопросы философии. 1996. № 7. С. 45–46.
2. *Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
3. *Грешинова А.В.* Статус гражданства в современном обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2003.
4. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2005.
5. *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество. М., 2011.
6. *Малахов В.С.* Гражданство как объект социальной и политической теории: критическое введение // Капустин Б.К. Гражданство и гражданское общество. М., 2010.
7. *Маршалл Т.Х.* Гражданство и социальный класс // Избранные очерки по социологии / под ред. Л. Гирко. М., 2006.
8. *Полухин О.Н.* Идея, опыт и идеал гражданственности: философский проект. М., 2003.
9. *Салмениemi С.* Теория гражданского общества и постсоциализм // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения: сб. ст. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2009.
10. *Цицерон М.Т.* О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях: Речи. Письма / сост. Е. Ляпустина. М., 1999.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

N.N. Korostyleva
Professional Development
of Civil Servants:
the Results of Sociological
Monitoring

The professional development of civil servants is studied in terms of sociological monitoring. Sociological measurements over a period of more than ten years of research at the Civil Service and Personnel Policy Chair of the Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration are presented.

Key words and word-combinations: professional development, sociological monitoring, civil service.

Исследуется профессиональное развитие государственных служащих с позиций социологического мониторинга. Социологические замеры представлены более чем за десять лет исследований кафедрой государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональное развитие, социологический мониторинг, государственная гражданская служба.

УДК 342:35:316.34/.35
ББК 67.401.02+60.54

Н.Н. Коростылева

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Процесс реформирования государственной службы в Российской Федерации подтверждает, что в настоящее время существенно возрастает роль субъективного фактора управления – государственных служащих. В связи с этим одним из самых важных вопросов развития государственной службы является удовлетворение ее социальной потребности в профессионально подготовленных кадрах. Государственная служба Российской Федерации представляет собой сложную систему, включающую как правовые и организационные институты и отношения, так и совокупности людей, специально подготовленных и профессионально занятых в обеспечении исполнения полномочий государственных органов. Эти составляющие взаимосвязаны, взаимодополняют и

обогащают друг друга. В условиях становления новой российской государственности и институтов гражданского общества необходима обновленная система профессионального развития государственных гражданских служащих, в большей мере соответствующих осуществляемым организационно-правовым реформам, которая бы основывалась на применении новейших форм, методов и технологий. Государственная служба остро нуждается в комплексном формировании данной системы.

Для комплексной оценки профессионального развития государственных служащих в рамках проводившегося более десяти лет социологического мониторинга кадровых процессов на государственной службе и в государственном управлении выделены следующие показатели:

- уровень профессионализма государственных гражданских служащих;
- уровень восприятия профессионализма со стороны населения;
- уровень знаний, умений и навыков;
- уровень востребованности этих знаний на государственной гражданской службе;
- соотношение профессионального развития с должностным;
- уровень востребованности дополнительного профессионального образования и форм обучения;
- зависимость профессионального развития от системы мотивации государственных служащих.

К.О. Магомедов совершенно справедливо утверждает: «Мониторинг развивает информационные ресурсы управленческой деятельности, дополняя их аналитической информацией, и структурирует информационную систему организации. Он основан на использовании квалифицированных, опирающихся на данные специальных социологических исследований и анализе статистических материалов выводов, на выявлении характера, природы и направленности новых явлений, которые позволяют принимать упреждающие меры...» [1].

В оценке значимости государственной службы важным является восприятие в общественном мнении данного института как сервисного, оказывающего помощь населению в процессе получения государственных услуг.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о значительном числе респондентов, которые достаточно часто обращаются в органы власти, причем с течением времени частота обращений почти не меняется: 20,7% (2013 г.) [2]^{*} и 18,2% (2001 г.) [3]^{**}. Крайне устойчивая тенденция наблюдается в позиции нечастого обращения граждан в государственные органы. Иногда за помощью обращаются независимо от времени 33,1%. Без государственной службы обходится только 16% населения (табл. 1)

---

^{*} Социологический опрос проведен в 19 субъектах РФ всех федеральных округов, в том числе: республиках – Дагестан, Кабардино-Балкария, Саха (Якутия), Удмуртия, в Алтайском, Краснодарском, Приморском краях; областях – Брянской, Волгоградской, Воронежской, Липецкой, Московской, Орловской, Псковской, Самарской, Саратовской, Челябинской, городах – Москва, Санкт-Петербург. Всего опрошено 1204 респондента.

^{**} Социологический опрос проводился в 8 центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти, а также в 15 субъектах РФ. Всего опрошенных – 1183 человека.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Приходилось ли Вам лично обращаться
в органы государственной власти и управления?», %**

Варианты ответов	2013 г.	2001 г.
Достаточно часто	20,7	18,2
Иногда	33,1	33,1
Очень редко	28,6	32,2
Не приходилось	16,0	16,5

Ключевым аспектом восприятия государственной службы населением является мнение граждан относительно работы государственной службы (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какое мнение сложилось у Вас о работе государственных служащих?», %**

Варианты ответов	2013 г.	2001 г.
Положительное	11,8	8,1
Скорее положительное, чем отрицательное	38,3	32,0
Скорее отрицательное, чем положительное	27,7	28,9
Отрицательное	7,3	10,8
Затруднились ответить	14,9	20,2

Сравнительный анализ показывает, что респонденты «скорее положительно, чем отрицательно» относятся в целом к работе государственных служащих. В 2001 г. таких насчитывалось 32%, тогда как в 2013 г. их было больше – 38,3%. При этом много респондентов, которые «скорее отрицательно, чем положительно» смотрят на работу государственных органов. В 2001 г. таких было 28,9% и на процент меньше – в 2013 г. (27,7%).

Государственная служба выступает важнейшим социально-правовым институтом, и без профессионально работающих в ее рамках государственных служащих она не сможет качественно и в полном объеме представлять интересы граждан. Какие же профессиональные и личностные качества необходимы, по мнению респондентов государственным служащим? Интересным представляется сравнительный анализ результатов, полученных в 2001 и в 2013 гг. (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«В какой степени, по Вашему мнению,
государственным служащим присущи следующие качества?», %**

Качества	Степень выраженности					
	низкая		средняя		высокая	
	2013 г.	2001 г.	2013 г.	2001 г.	2013 г.	2001 г.
Доброжелательность	28,3	16,1	57,4	57,5	14,3	26,4

Окончание табл. 3

Качества	Степень выраженности					
	низкая		средняя		высокая	
	2013 г.	2001 г.	2013 г.	2001 г.	2013 г.	2001 г.
Законопослушность	22,0	18,7	55,3	54,5	22,7	26,8
Ответственность	28,6	18,4	50,3	54,2	21,1	27,4
Справедливость	39,8	9,1	46,3	47,8	13,9	43,1
Бескорыстие	44,3	8,5	42,7	44,2	13,0	47,3
Честность	34,7	–	51,2	–	14,1	–
Принципиальность	27,8	21,1	47,0	51,2	25,2	27,7
Патриотизм	41,2	–	45,2	–	13,6	–

Следует отметить устойчивость мнений респондентов относительно проявления профессиональных, личностных качеств государственных служащих. Как в 2001 г., так и спустя 12 лет степень выраженности качеств «средняя». Однако наметилась тревожная тенденция относительно «низкой» степени выраженности позитивных качеств у государственных служащих в 2013 г. В 2001 г. этот показатель был ниже по всем качествам. Наметившаяся тенденция, скорее всего, есть отражение в сознании людей образа государственного служащего как не слишком принципиального, законопослушного, ответственного, бескорыстного – в связи с антикоррупционной политикой.

С точки зрения характеристики государственной службы как сервисного института важен анализ мотивов поступления на государственную гражданскую службу, являющихся основой профессионального развития государственных служащих. В связи с этим представляет интерес оценка изменения мотивационной сферы при поступлении на государственную гражданскую службу в общественном мнении, влияние данных изменений на эффективность профессиональной деятельности. Результаты мониторинга свидетельствуют о серьезных изменениях в восприятии гражданами мотивов поступления на госслужбу (табл. 4).

Таблица 4

**Сравнительный анализ мотивов поступления
на государственную гражданскую службу (по оценкам граждан), %**

Чем, на Ваш взгляд, в первую очередь руководствуются граждане, поступающие на государственную гражданскую службу?	2013 г.	2012 г.	2006 г.	2001 г.
Желанием принести пользу обществу и государству	17,7	24,7	30,5	31,2
Стремлением занять престижное место в обществе	53,5	36,1	25,7	9,2
Стремлением обеспечить перспективы своего служебного роста	27,0	31,0	25,1	35,5

Чем, на Ваш взгляд, в первую очередь руководствуются граждане, поступающие на государственную гражданскую службу?	2013 г.	2012 г.	2006 г.	2001 г.
Желанием приобрести широкие связи с людьми, которые могут быть полезными в жизни	40,8	26,1	21,1	9,2
Стремлением повысить свое материальное благополучие	52,1	25,0	14,7	11,9
Стремлением полностью реализовать свои профессиональные качества	11,3	23,0	28,8	35,5
Гарантией постоянной работы, стабильного положения	35,5	55,5	55,7	42,2
Стремлением заработать высокую пенсию	23,6	18,3	16,3	8,1
Отсутствием другого выбора	4,1	6,6	7,6	7,1

Так, если в 2001 и 2006 гг. превалировала позиция «желание принести пользу обществу и государству» (31,2 и 30,5% соответственно), то в настоящее время этот процент снизился: 2012 г. – 24,7%, 2013 г. – 17,7%. Сейчас население не выделяет этот мотив как основной, что свидетельствует о некоем разочаровании респондентов в отношении государственных служащих. Позиция «стремление занять престижное место в обществе» резко взлетела вверх (данную точку зрения в 2013 г. разделяют 53,3%; в 2012 г. – 36,1%, в 2006 г. – 25,3%, а в 2001 г. – всего 9,2%). Более чем за 10 лет социальный статус государственного служащего в восприятии граждан существенно возрос. Об этом свидетельствуют и изменения в оценках такого мотива, как «желание приобрести широкие связи с людьми, которые могут быть полезными в жизни» (в 2001 г. данную позицию разделяли лишь 9,2% респондентов, в 2013 г. – 40,8%).

Позиция «стремление повысить свое материальное благополучие» также возросла (2001 г. – 11,9%, 2013 г. – 52,1%). При этом такой мотив, как «стремление полностью реализовать свои профессиональные качества», по оценке граждан, стал менее популярным. В 2001 г. 35,5% респондентов считали, что на государственную службу идут действительно желающие профессионально реализоваться, в 2006 г. таких насчитывалось 28,8%, в 2012 г. – 23%, а в 2013 г. – только 11,3%.

Таким образом, восприятие государственной гражданской службы в глазах населения с течением лет существенно изменялось. В настоящее время респонденты ассоциируют государственную гражданскую службу скорее с меркантилизмом, стремлением государственных служащих «устроиться поудобнее», с ориентированием их только на материальное обогащение. При этом профессиональное развитие государственных служащих остается, можно сказать, «за

кадром». Показательной в этом отношении является и оценка гражданами уровня профессионализма государственных служащих [2, 4].

Таблица 5

Оценка уровня профессионализма государственных служащих в России, %

Ответы на вопрос: «Как бы Вы оценили уровень профессионализма государственных служащих в России?»	2013 г.	2012 г.
Высокий	5,2	11,1
Скорее высокий, чем низкий	30,7	45,3
Скорее низкий, чем высокий	38,7	29,3
Низкий	11,5	8,4
Затруднились ответить	13,9	5,9

Наблюдается тревожная тенденция, связанная с недостаточно высокой оценкой в общественном мнении уровня профессионализма государственных служащих (табл. 5). Если его высокий уровень отмечали в 2012 г. 11,1% респондентов, то в 2013-м – только 5,2%. Позиция «скорее высокий, чем низкий» тоже снизилась, данную позицию в 2012 г. разделяли 45,3% опрошенных, а в 2013 г. – 30,7%. «Скорее низкий, чем высокий» выбрали в 2012 г. 29,3%, а в 2013 г. – уже 38,7%. Появилось много тех, кто не смог оценить уровень профессионализма государственных служащих. В 2013 г. их доля возросла до 13,9% против 5,9% в 2012 г.

Несколько выше оказался уровень профессионализма государственных гражданских служащих в экспертных оценках (табл. 6). Эксперты отдали больше голосов за позицию «высокий профессионализм» – 8% по сравнению с 5,2% представителей населения. Утверждение «скорее высокий, чем низкий» у экспертов набрало 50%, тогда как у населения всего 30,7% [5].

Таблица 6

Оценка уровня профессионализма российских государственных служащих, данная населением и экспертами, %

Ответы на вопрос: «Как бы Вы оценили уровень профессионализма государственных служащих в России 2013 г.?»	Население	Эксперты
Высокий	5,2	8,0
Скорее высокий, чем низкий	30,7	50,0
Скорее низкий, чем высокий	38,7	30,0
Низкий	11,5	4,4
Затруднились ответить	13,9	7,6

С учетом изложенного требуются системные изменения в практике формирования кадров государственных органов, а также поднятие авторитета этого вида профессиональной деятельности. Несмотря на определенные различия в восприятии причин недостаточного профессионализма служащих населением и экспертами (табл. 7), у тех и других почти совпало убеждение в том, что

низкий профессионализм государственных служащих кроется в «недостатках работы по формированию кадрового состава государственных органов». Данную позицию разделили 35,9% экспертов и 33,6% населения. Можно сделать следующий вывод: совокупность выделенных причин способствует сохранению устойчивой тенденции своего рода «воспроизводства» непрофессионализма в профессиональной среде государственных служащих.

Таблица 7

Причины низкого профессионализма в оценках населения и экспертов, %

Ответы на вопрос: «В чем, по Вашему мнению, могут заключаться причины низкого профессионализма у части государственных служащих в России?»	Население	Эксперты
Недостатки в работе по формированию профессионального кадрового состава государственных органов	33,5	35,9
Привлечение кадров на государственную службу по знакомству, родству	62,2	45,2
Невостребованность в государственных органах честных и принципиальных государственных служащих	27,4	27,0
Низкое качество профессиональной подготовки выпускников вузов по профильным для государственной службы специальностям	27,1	35,9
Низкий уровень профессионализма руководителей государственных органов	24,0	50,0
Низкий уровень нравственности и духовности государственных служащих	29,2	24,2
Иное	5,4	17,3

В среде государственных гражданских служащих осознается крайняя необходимость реализации системных мер, направленных на повышение профессионализма и обеспечение непрерывного профессионального развития (табл. 8) [3, 6].

Таблица 8

Оценка экспертами актуальности мер по повышению профессионализма российских государственных служащих, %

Ответы на вопрос: «Насколько, на Ваш взгляд, необходимы в настоящее время меры по повышению профессионализма государственных служащих?»	2013 г.	2001 г.
Крайне необходимы	63,3	46,7
Необходимость ограничена	28,3	47,8
Необходимость отсутствует	1,2	–
Затруднились ответить	7,2	5,5

Относительно того, как повысить профессионализм, государственные служащие единодушны во мнении, что его следует повышать через все формы дополнительного профессионального образования. Востребованность форм обучения изменилась за более чем десятилетие. Если раньше эксперты считали важным

проходить обучение в специализированных учебных заведениях (2001 г. – 75,6%), то теперь считают так только 40% опрошенных, тогда как стажировка за рубежом стала казаться более приоритетной. За нее высказались в 2013 г. 36% экспертов против 27,8% в 2001 г. Повысился интерес и к обучению без отрыва от работы (30,4 против 20%) и к самообразованию (34,8 против 22,2%). Все это указывает на то, что наиболее результативны сегодня формы обучения, сочетающие в себе не только теоретическую подготовку, но и практические знания и умения, которые необходимы государственным служащим в их повседневной работе.

Государственные служащие постоянно нуждаются в определенном багаже знаний, умений и навыков в различных областях своей профессиональной деятельности. Экспертные опросы в 2006 и 2013 г. [5, 6] выявили наиболее востребованные области знаний у государственных служащих (табл. 9).

Таблица 9

Наиболее востребованные области знаний государственных служащих, по экспертным оценкам, %

Ответы на вопрос: «Дефицит каких специалистов, по Вашему мнению, особо остро ощущается сегодня в органах государственной гражданской службы РФ?»	2013 г.	2006 г.
Управленцев	46,4	47,9
Экономистов	18,5	26,9
Юристов	23,0	28,6
Инженерно-технического персонала	27,0	11,8
Специалистов по информационным сетям и компьютерным технологиям	16,5	13,4
Специалистов по управлению персоналом	24,2	31,9
Психологов и социологов	23,4	25,2
Вспомогательного персонала	13,3	5,9
Специалистов по взаимодействию с негосударственными организациями	14,5	–
Специалистов по управлению современными информационными процессами	23,8	–
Других	6,9	–

По прошествии времени на государственной службе по-прежнему не хватает специалистов-управленцев (47,9% – в 2006 г. и 46,4% – в 2013 г.). При этом следует отметить, что в стране много непрофильных вузов, готовящих специалистов-управленцев, но, несмотря на данный факт ощущается дефицит не просто обладателей дипломов, а реальных управленцев-профессионалов. Кроме того, по мнению экспертов, государственным гражданским служащим год от года не хватает знаний в области государственного и муниципального управления (36,7% в 2006 г. и 37,4% в 2013 г.), в области экономики и юриспруденции. Потребность в знаниях велика. Так, в 2006 г. она составляла 34,2% (экономические знания) и 40,8% (юридические знания) и в 2013 г. – 21,5 и 38,6% соответственно.

Отмечается экспертами и нехватка социологических знаний на государственной службе (3,3% в 2006 г. и 15,4% в 2013 г.). Потребность в анализе происходящих изменений, связанных с реформированием государственной службы, с активностью введения антикоррупционной политики, инновационных технологий, значительна. Увеличилась и потребность в знаниях, связанных с разрешением конфликтов и искусством делового общения. С увеличением и усложнением электронного документооборота, с введением электронных услуг возросла потребность в специалистах по управлению современными информационными процессами.

Экспертами отмечается отсутствие прямой связи между полученными в вузе знаниями и востребованностью этих знаний в практике государственного управления. Об этом свидетельствуют ответы экспертов на вопрос: «Как Вы считаете, насколько полно профессиональные знания, навыки и умения, полученные молодыми специалистами в учебных заведениях, отвечают современным требованиям государственной службы?». За полное соответствие высказались только 1,8% опрошенных, за вариант «не отвечают» намного больше (8,4%). Примерно одинаковое число респондентов считают, что полученные знания «скорее отвечают, чем не отвечают» потребностям практик (43%) и «скорее не отвечают, чем отвечают» (40,2%) [5].

Результаты мониторинговых исследований свидетельствуют о достаточно противоречивых процессах развития государственной гражданской службы. Основой институционального развития государственной гражданской службы является создание эффективной системы профессионального развития, нацеленной на формирование императивов профессиональной деятельности служащих, способствующих переходу на новое качество службы – служение обществу, сервисный характер функционирования государственной гражданской службы как социального института, соответствующего социальным потребностям и новым принципам государственного управления. Первоочередной научной разработки требуют вопросы, связанные с концептуальным и методическим обеспечением управления процессом профессионального развития служащих на основе комплексной диагностики кадровых процессов, степени адаптации персонала к новым условиям, соответствия системы дополнительного профессионального образования служащих реальным социальным требованиям.

Библиографический список

1. Магомедов К.О. Социология государственной службы. М., 2010.
2. Проблемы функционирования органов государственной власти и управления в Российской Федерации: мат-лы социол. исслед., июль – август 2013 г. М., 2013.
3. Оценка состояния теоретических основ государственной кадровой политики и формирование кадрового корпуса государственных служащих в федеральных органах исполнительной власти: мат-лы социол. исслед., май 2001 г. М., 2001.
4. Социально-профессиональные проблемы государственной гражданской службы Российской Федерации: мат-лы социол. исслед., май – июнь 2012 г. М., 2012.
5. Проблемы профессионального развития и кадровых процессов в государственной службе: результаты эксперт. опроса, май – июнь 2013 г. М., 2013.
6. Актуальные проблемы государственной гражданской службы Российской Федерации: результаты эксперт. опроса, март 2006 г. М., 2006.

V.I. Maly, A.V. Guseva
The Influence of the University Environment on an Innovative System in the Region (the Development of the “Triple Helix” Theory in the Case of the Saratov Region)

The theory of the “Triple Helix”, which is an innovative collaboration of three driving forces of innovation activity – businesses, public authorities and universities (university community) is analyzed. By the example of the Saratov Region the processes in a particular region: the consequences in the innovative development of the economy and problems in various spheres of interaction between enterprises, government agencies and universities are examined.

Key words and word-combinations: university, innovation, rating, research cluster, national debt, bankruptcy.

Анализируется теория «Тройной спирали», заключающаяся в инновационном взаимодействии трех движущих сил инновационной активности: предприятий, органов государственной власти и университетов (вузовского сообщества). На примере Саратовской области рассматриваются процессы в конкретном регионе: последствия для инновационного развития экономики и проблемы в различных областях взаимодействия предприятий, государственных органов и университетов.

Ключевые слова и словосочетания: университет, инновации, рейтинг, исследования, кластер, государственный долг, банкротство.

УДК 330(470.44)
ББК 65.011(235.54)

В.И. Малый, А.В. Гусева

**ВЛИЯНИЕ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЫ
НА ИННОВАЦИОННУЮ
СИСТЕМУ РЕГИОНА
(РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ
«ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ»
НА ПРИМЕРЕ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

На современном этапе экономического реформирования роль вузов, университетского сообщества и их влияния на процессы, происходящие в государстве и гражданском обществе, бесспорно, велика. Вузы, особенно в провинции, превратились в полноценного игрока на общественно-политическом поле, во главе подавляющего большинства учреждений высшего образования стоят общественно значимые личности, представители ведущих парламентских партий. Университетская среда оказывает значительное влияние на происходящие в регионах общественно-политические и социальные процессы и призвана способствовать (но на практике не всегда способствует) инновационному развитию территорий (вспомним «Силиконовую долину» в США или подмосковный Зеленоград).

Влияние университетской среды на инновационную деятельность в обществе отражено в теории «Тройной спирали» (Triple Helix), созданной в Англии и Голландии в начале XXI в. профессором университета Ньюкастла Генри Ицковицем и профессором амстердамского университета Лойетом Лейдесдорфом. Динамическая конструкция Тройной спирали символизирует союз между властью, бизнесом и университетом, которые

являются ключевыми элементами инновационной системы любой страны, крупного региона, и способствуют ее развитию. Модель Тройной спирали показывает включение во взаимодействие определенных институтов на каждом этапе создания инновационного продукта. На начальном этапе генерации инновационных знаний взаимодействуют власть и университет, затем в ходе трансфера технологий университет сотрудничает с бизнесом, а на рынок результат выводится совместно властью и бизнесом. В результате наблюдается динамичное единство инновационной системы, в которой каждый элемент дополняет друг друга, находится в единстве и взаимозависимости.

Роль университета в модели Тройной спирали неоспорима. Именно университеты (шире – все вузовское сообщество), ведущие исследования и разработки, становятся в такой ситуации важнейшим ресурсом для наукоемкого производства [1]. В подобных условиях образование не может оцениваться как просто приятный, дополнительный придаток к сфере экономики. На первое место выходит проблема капитализации образования, мобилизации всех имеющихся образовательных ресурсов и направления их в экономику.

Саратовская область занимает территорию 101,2 тыс. км и является одной из крупнейших в Приволжском федеральном округе. В области насчитывается на 01.01.2012 г. 2508,8 тыс. жителей, в том числе 1876,3 тыс. человек (74,8%) городского и 632,5 тыс. человек (25,2%) сельского населения. За период с 2000 г. численность населения области снизилась на 7,5% (на 01.01.2000 г. в области проживало 2710,7 тыс. человек). Главной причиной снижения численности населения является естественная убыль, помноженная на закрытие больниц и фельдшерских акушерских пунктов в провинциальных городах и сельской местности [2, с. 36, 58].

В целом область небогатая, среднемесячная номинальная заработная плата работников составляла на 01.10.2012 г. 18,4 тыс. рублей или примерно 71% от среднероссийского уровня [3]. Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения составляла на 01.10.2012 г. 5,6 тыс. рублей [4]. Численность населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, – 457,9 тыс. человек, или 18,2% от численности всего населения области. Мониторинг негативной социальной обстановки приводит к снижению позиций региона в различных рейтингах. Например, ООН включила Саратов в список вымирающих городов мира. В данном рейтинге 28 самых быстро вымирающих городов планеты: 11 городов являются российскими, самым вымирающим в Российской Федерации признается Нижний Новгород, который потеряет к 2025 г. 11,8% своего населения по сравнению с 1990 г., на втором месте – Саратов, в котором население уменьшится на 11,5%, с 901 тыс. человек в 1990 г. до 797 тыс. человек в 2025 г. (в 2012 г. – 822 тыс. человек). Кроме уже названных городов в список вошли Пермь, Самара, Уфа, Воронеж, Волгоград, Челябинск, Омск, Новосибирск [5]. Следовательно, одной из приоритетных задач областной власти должна быть, на наш взгляд, борьба с бедностью и демографическими проблемами, а также поддержка образованных слоев населения, в том числе учителей, преподавателей высшего и среднего профессионального образования.

Несмотря на социальные проблемы и бедность, Саратовская область – реги-

он с богатым образовательным потенциалом, а Саратов по праву называют образовательной столицей Приволжского федерального округа. В области работают 7 государственных самостоятельных высших учебных заведений, 5 из которых имеют филиалы на территории области, а также 19 филиалов российских (г. Москва) университетов. Среди государственных вузов преобладает университетский, наиболее инновационный на сегодняшний день сектор. Ведущими вузами являются Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, Саратовская государственная юридическая академия. По данным рейтингового агентства «Эксперт РА» за 2013 г., в первую сотню лучших высших учебных заведений страны входят три ведущих вуза Саратова: СГУ (63-е место), СГМУ (80-е место), СГТУ (97-е место) [6].

Всего в 2011/12 учебном году в Саратовской области насчитывалось 110,6 тыс. студентов высших учебных заведений, в том числе почти 52 тыс. обучались на очной форме обучения. Ежегодно в вузы области поступает на учебу около 20 тыс. студентов, в том числе 11 тыс. – на дневную форму обучения [7, с. 5].

Саратов известен и как один из крупнейших научных центров России. Он обладает значительными возможностями для научной деятельности. Здесь расположены 6 институтов Российской академии наук, 21 НИИ, 19 проектных институтов, а также научно-технические подразделения имеются на предприятиях области. Накопленный научный потенциал используется для решения наукоемких задач, проведения фундаментальных и прикладных исследований. Промышленность Саратовской области занимает ведущие позиции в экономике Приволжского федерального округа. В мощном промышленном комплексе отрасли представлено все многообразие отраслей, в том числе химическое производство, производство нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий, стекольная, пищевая промышленность, производство табака. В области в настоящее время высокими темпами формируется металлургический кластер: в городе Балакове осуществляется строительство сортового завода компании «Северсталь». Кроме того, регион является энергетическим донором страны: более одной трети в структуре промышленного производства занимает производство и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды. Региональные предприятия энергетики обеспечивают электричеством потребителей Поволжья, Центральной России, Урала и Северного Кавказа [8].

В октябре 2012 г. НИУ «Высшая школа экономики» обнародовала результаты исследования инновационности российских регионов под научной редакцией первого проректора университета Леонида Гохберга. Эксперты учитывали четыре группы факторов: научно-технический потенциал, качество инновационной политики властей, социально-экономические условия для инноваций и местную инновационную деятельность – всего 36 индикаторов. Согласно данному исследованию, Саратовская область получила рейтинг инновационного развития 0,348, заняв 47-е место. При этом сдвиг за 2 года – с 2010 по 2012 г. – составил 9 позиций в худшую сторону. По результатам исследования, в первой

пятерке после Москвы и Санкт-Петербурга: Нижегородская область, Пермский край, Чувашская Республика. В тройке худших регионов: Чеченская Республика, Ненецкий автономный округ, Республика Калмыкия [9]. В другом рейтинге, Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ), который официально принят региональным Правительством, Саратовская область занимает 15-е место и входит в группу областей с «высокой инновационной активностью» наряду с такими регионами, как Республика Татарстан, Московская, Нижегородская Томская, Самарская области [10]. На наш взгляд, первый рейтинг более объективен и точнее показывает истинное положение дел с инновациями в области.

В целом в области имеются все необходимые условия для развития научно-технической и инновационной деятельности, обеспечивающей выпуск конкурентоспособной продукции. К ним относятся достаточно высокий научно-технический потенциал региона, наличие высококвалифицированных научных и инженерных кадров. Однако изначально в новейшее время условия для инновационной деятельности в области были неблагоприятными. Например, численность работников, выполняющих научные исследования и разработки, снизилась с 2000 по 2008 г. (годы экономического подъема в Российской Федерации) почти на 44%. По затратам на технологические инновации Саратовская область в 2008 г. отставала от Татарстана в 5,8 раза, от Самарской области в 3,6 раза, от Пермского края в 2,9 раза. Показатель удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, имел неустойчивую динамику и находился на уровне ниже среднероссийского [11]. В настоящее время благодаря проводимой федеральной политике и действиям областной власти ситуация несколько выравнивается.

Вместе с тем имеются тревожные тенденции, которые позволяют говорить об устойчивом кризисе региональной науки (табл. 1) [12, с 121–130].

Таблица 1

Численность работников, выполняющих научные исследования и разработки в Саратовской области, человек

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2012 в % к 2008
Работники основной научной деятельности	5414	5099	4982	4828	4653	85,9
Из них: доктора наук	183	182	190	198	215	117,5
кандидаты наук	538	541	544	565	567	105,4
Специалисты, занятые НИР	3349	3242	3116	3038	2934	87,6
Из них: доктора наук	182	182	190	198	193	106,0
кандидаты наук	532	537	539	560	564	106,0

Из данных таблицы можно сделать вывод, что численность научных кадров и специалистов, выполняющих научные исследования и разработки, в области постоянно снижается, что обусловлено в целом слабой заинтересованностью государства и негосударственных заказчиков в результатах научных исследований, а также непрестижностью профессии ученого, оттоком молодых кадров из науки.

Показатели инновационной деятельности саратовских предприятий представлены в таб. 2 [12, с. 121–130].

Таблица 2

**Показатели инновационной деятельности предприятий
Саратовской области**

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2012 в % к 2008
Количество крупных и средних организаций, осуществляющих инновационную деятельность, шт	55	52	50	51	57	107,5
Доля инновационных организаций в экономике, %	7,0	7,3	6,4	7,0	7,8	111,4
Доля инновационной продукции в общем объеме продукции, %	10,1	17,6	14,2	13,8	9,1	90,1
Количество созданных в области передовых технологий, шт.	20	13	17	16	21	105,0
Количество используемых передовых технологий, шт.	5392	5612	5911	4359	4630	85,8

По числу создаваемых передовых производственных технологий Саратовская область заняла в 2012 г. пятое место среди субъектов Приволжского федерального округа, после Нижегородской области, Республики Татарстан, Ульяновской и Пензенской областей (в 2011 г. у области было третье место, после Нижегородской и Самарской областей, на одном уровне с Республикой Татарстан).

В целях стимулирования инновационной деятельности постановлением Правительства Саратовской области от 14 октября 2009 г. № 502-П принята научно-техническая программа «Развитие высоких технологий в Саратовской области на 2010–2014 годы» [13]. Основными результатами реализации Программы должны стать: рост научно-технического уровня промышленного производства; решение важных социально-экономических задач области, например увеличение числа организаций, осуществляющих инновационную деятельность, в 1,5-2 раза, увеличение объема инновационных товаров, работ, услуг в 3 раза; создание четырех кластеров по прорывным направлениям развития науки и техники: нано-, био-, лазерным и IT-технологиям; создание до 3000 высокооплачиваемых рабочих мест [13].

По результатам инновационной деятельности в Саратовской области можно сделать вывод о том, что схема Тройной спирали в классическом понимании здесь не работает, нельзя говорить о полноценном функционировании инновационной системы. Согласно схеме, Университет должен быть Драйвером, Двигателем инновационного процесса, Бизнес (Предприятия) – Заказчиком инноваций, Власть – Вспомогательным инструментом, способствующим нормальному осуществлению инновационных процессов [14]. На практике же получается наоборот: Власть является главным инструментом, влияющим и на Университеты, и на Предприятия, и от того, насколько эффективна Власть, насколько сильно это влияние, можно говорить о том, что условия способствуют инновациям или, напротив, являются антиинновационными. Доминирова-

ние Власти в Тройной спирали региона мешает полноценному Драйву, Броуновскому движению новаторов, творческой составляющей при осуществлении изобретений и инновационных разработок.

Связь «Власть – Университеты» следует, на наш взгляд, оценить как сильную. Этому способствует внутривластная составляющая, партийность ректорского корпуса, использование административного ресурса на выборах, возможность мобилизовать студенчество для решения политических задач и т.д. Связь «Университеты – Бизнес» оценивается как средняя. Совместные разработки университетов и предприятий есть, но их, с одной стороны, недостаточно, нет заказов со стороны бизнеса, а с другой стороны, промышленный потенциал области во многом разрушен, остались технологические фрагменты некогда славной саратовской «оборонки» и машиностроения, нет в наличии самих субъектов, предприятий-заказчиков, что способствует оттоку молодых кадров, «утечке мозгов» в другие регионы. Связи «Власть – Бизнес» (и, как следствие, взаимодействия между ними при выводе результатов инновационной деятельности на рынок) практически не существует, все значимые предприятия либо являются негосударственными (частными), либо входят в государственные и негосударственные крупные корпорации: ОАО «СПЗ» – в объединение «Европейская подшипниковая корпорация»; Балаковская АЭС – в концерн «Росатом»; ОАО «НПП «Контакт» и ОАО «Алмаз» – в ГК «Ростехнологии»; Саратовская ГЭС – в ОАО «РусГидро»; Приволжская железная дорога – в ОАО «РЖД»; ООО «Саратоворгсинтез» – в ОАО «ЛУКОЙЛ»; Саратовский НПЗ – в нефтяную компанию «Роснефть» и т.д., список можно продолжать. Управление ими осуществляется из федерального центра, и оплата налогов происходит по месту нахождения головной компании, то есть Власть на предприятия повлиять никак не может, подведомственных, подконтрольных предприятий у региональной администрации нет [15, с. 32]. Ко всему прочему долг Саратовской области перед кредиторами настолько значителен, что речь идет о том, что Власть с трудом выполняет тот бюджетный минимум социальных обязательств, который необходимо выполнять, а денежных средств на развитие бизнеса, помощь предприятиям, госзаказ просто не хватает (государственный долг Саратовской области составляет около 40 млрд рублей плюс 3 млрд рублей – ежегодное обслуживание долга (проценты по кредитам) при доходной части региональной казны в размере 64 млрд и расходной – 72,4 млрд рублей, при этом большую часть заимствований составляют банковские кредиты. Как следует из бюджетных прогнозов на 2014–2015 гг., размер задолженности будет только расти, 1 января 2016 г., по прогнозам финансового блока правительства области, он вырастет до 48,44 млрд рублей) [16]. Если принять тотальное безденежье региона и в целом неблагоприятные условия для ведения бизнеса за основу, то ключевые параметры Саратовской области с точки зрения инновационного развития выглядят совсем не привлекательно.

Наконец, среднесрочная экономическая Программа развития области до 2015 г., принятая в июне 2012 г., направлена на реализацию ресурсно-инвестиционного сценария, который определен в качестве целевого. По мнению министра экономического развития области Владимира Пожарова, «этот сценарий

предусматривает наиболее полное вовлечение в хозяйственный оборот и рациональное использование имеющихся ресурсов, расширение уже действующих производств [17]. После долгого обсуждения экономической Программы ее разработчики (экономический и промышленный блок Правительства области) пришли к выводу: вероятность успешной реализации инновационной модели развития региона невысока, поэтому для Саратовской области выбрали ресурсно-инвестиционный сценарий, основанный на экстенсивном развитии за счет уже имеющихся ресурсов [18]. Значит, в настоящее время даже в программные документы развития области заранее закладываются сценарии, неблагоприятные для осуществления инноваций.

Следующие данные показывают динамику производства высокотехнологичной продукции в Саратовской области:

1) производство металлорежущих станков: 1991 г. – более 1500, 2007 г. – 35, 2008 г. – 21, 2009 г. – 13, 2010 г. – 4 штуки, 2011 г. – ни одного станка;

2) производство троллейбусов: 1991 г. – более 3000, 2008 г. – 344, 2009 г. – 420, 2010 г. – 214, 2011 г. – 260 штук;

3) производство насосов центробежных: 2008 г. – 2600, 2009 г. – 1602, 2010 г. – 1829, 2011 г. – 1051 штук [19, с. 65].

По состоянию станкостроения в области комментарии излишни, оно практически на нуле, а увеличение производства троллейбусов (в 2012 г. было выпущено уже 400 единиц) связано с выполнением контракта на поставки машин в троллейбусные парки г. Москвы.

Тревожной является и тенденция «утечки мозгов». Лучшие студенты, «креативщики», стремятся покинуть Саратов и уехать в другие регионы России и за границу в поисках лучшей доли. Согласно данным центра региональных социологических исследований СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 8% саратовских студентов хотят уехать за рубеж. Наибольшее желание покинуть Родину продемонстрировали студенты Саратовского государственного технического университета – из них к этому склонны 16%. Основная мотивация для таких студентов – стремление реализовать себя в профессии и пользоваться лучшей научной инфраструктурой; 65% опрошенных также указали, что могут променять Саратов на зарубежный город, чтобы решить проблему жилья [20].

Подводя итог, следует отметить: инновационная деятельность в Саратовской области, вопреки названным негативным факторам, развивается, что определяется наличием большого количества образовательных структур, университетов и других высших учебных заведений, которые создают определенный инновационный задел одним только своим функционированием (эффект присутствия). Однако негативный фон образуется во многом благодаря не последовательным и финансово не подкрепленным действиям региональной власти, отсутствием конкурентоспособных предприятий, работающих на современной технологической основе, банкротством многих производств, ликвидация которых недопустима (Саратовский авиационный завод, Завод тяжелых зуборезных станков, Радиоприборный завод, завод «Молот» в Петровске, завод «Прицеп» в Балашове и т.д.). Например, Саратовский завод тяжелых зуборезных станков когда-то выпускал около 45 современных моделей станков, кото-

рые были оснащены системами ЧПУ фирмы Siemens (Германия) с использованием FM-технологии со свободно проектируемым интерфейсом. Теперь же эти компетенции могут быть просто утрачены регионом, да и российским машиностроением в целом [21]. Подобная ситуация требует пересмотра всей инновационной и промышленной политики в Саратовской области, ее корректировки в сторону создания благоприятных условий для появления новых технологий, раскрытия творческого потенциала инновационно настроенных сотрудников вузов, промышленных предприятий, венчурного бизнеса, формирования полноценной инновационной системы на уровне региона.

Библиографический список

1. *Ицкович Г.* Тройная спираль: университеты – предприятия – государство: Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск, 2010.
2. Статистический ежегодник Саратовской области: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы статистики по Саратовской области. Саратов, 2012. Т. 1.
3. Моя зарплата в России. URL: <http://www.mojazaplata.ru>
4. О величине прожиточного минимума на душу населения за III квартал 2012 года: Постановление Правительства Саратовской области от 24 окт. 2012 г. № 637-П. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/saratov/428257/#ixzz2tJlmmC4N>
5. Рейтинг вымирающих городов мира возглавили представители Украины. URL: <http://vz.ru/news/2012/10/23/603938.html>
6. Ежегодный рейтинг вузов России, 2013 год. URL: http://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_rus_2013
7. Учреждения высшего профессионального образования Саратовской области на начало 2011/2012 учебного года: стат. бюл. № 343(1727)06 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2011.
8. Промышленность Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru/region/economics/prom1.php>
9. Саратовская область на 47-м месте в рейтинге инновационного развития субъектов РФ. URL: <http://delovoysaratov.ru/press-center/news/2012/11/06/5074.html>
10. Рейтинг инновационной активности регионов НАИРИТ-2012. URL: http://elport.ru/news/geyting_innovatsionnoy_aktivnosti_regionov
11. Областная инновационная научно-техническая программа «Развитие высоких технологий в Саратовской области на 2010–2014 годы» и задачи региональной инновационной политики: аналит. док. URL: <http://profkomanda.edinros.ru/file /5041>
12. Статистический ежегодник Саратовской области: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы статистики по Саратовской области. Саратов, 2012. Т. 2.
13. Программа развития высоких технологий в Саратовской области на 2010–2014 годы. URL: <http://protown.ru/russia/obl/articles/7351.html>
14. Участие ТУСУРа в формировании Тройной спирали. URL: <http://www.tusur.ru/ru/innovation/triplehelix>
15. *Малый В.И., Гусев В.В.* Инновационность развития региона: взаимодействие государства, предприятий и университетов (на примере Саратовской области) // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 1.
16. Саратовской области подали прощение. В Счетной палате РФ говорят о возможном списании долгов регионам. URL: <http://www.kommersant.ru/doc /2130568>
17. ВВП Саратовской области к 2016 г. вырастет в 1,5 раза – до более 665 млрд руб. URL: <http://volga.ria.ru/economy/20120627/82095054.html>

18. Программа до 2015 года. URL: http://www.nvsaratov.ru/nvrubr/?ELEMENT_ID =10705
19. Гусев В.В. Инвестиционный климат и деятельность органов власти по привлечению реальных инвестиций: социальный аспект (на примере Саратовской области) // Власть. 2011. № 11.
20. Бойко В. Исход. URL: http://sarvzglyad.ru/?news_id=4310
21. Кравцова Е. Зубодробительная история. Уникальный завод может прекратить свое существование. URL: <http://www.om-saratov.ru/article/detail.php?ID=26699>

G.A. Rozevatom
Flexibilization of Labor Market
as a Basis of the Emergence
of Nonstandard Employment

The process of labor market flexibilization as a basis for the emergence of nonstandard employment is analyzed. The transformations that have taken place recently in the social reality are considered. Certain ways to change the parameters of employment as a response to external influence are studied.

Key words and word-combinations: labor market, flexibilization, nonstandard employment.

Анализируется процесс флексibilизации рынка труда и занятости в качестве основы появления нестандартной занятости. Рассматриваются изменения, произошедшие за последнее время в социальной реальности. Исследуются конкретные способы изменения параметров занятости в ответ на действие внешних факторов.

Ключевые слова и словосочетания: рынок труда, флексibilизация, нестандартная занятость.

УДК 331
ББК 65.24

Г.А. Розеватов

ФЛЕКСИБИЛИЗАЦИЯ
РЫНКА ТРУДА
КАК ОСНОВА ПОЯВЛЕНИЯ
НЕСТАНДАРТНОЙ
ЗАНЯТОСТИ

Процесс появления новых, нестандартных видов занятости в западной литературе получил название «флексibilизация». Подобные тенденции, обозначившиеся первоначально в развитых экономиках Запада, указывают на повышение экономической приспособляемости рынка труда, выражающиеся в общем снижении трудовых издержек со стороны предпринимателей, смягчении трудового законодательства в пользу предпринимателей, стимулировании создания рабочих мест с неполным рабочим днем и почасовой оплатой труда. Сюда же можно отнести (уже как негативный фактор для совокупной рабочей силы) снижение роли и влияния профсоюзов как партнеров бизнеса и государства в осуществлении социально-экономической политики и уменьшение количества их членов.

В наиболее общем виде гибкость рынков труда и рабочей силы означает их способность адаптироваться к изменениям, то есть гибкость систем заработной платы и допол-

нительных выплат, условий найма, форм и методов организации труда, продолжительности рабочего времени. Гибкость рынка труда позволяет обществу на макроэкономическом уровне снизить остроту проблемы незанятости, а конкретному предприятию манипулировать объемом используемой рабочей силы, не создавая социальной напряженности из-за увольнений работников при изменении потребностей производства. Развитие этих форм занятости позволяет все большей части населения получать некоторый доход, поддерживать уровень своей квалификации и трудоспособности.

В литературе неоднозначно трактуется взаимосвязь понятий «гибкость (флексibilизация) рынка труда» и «гибкость системы занятости» [1]. Рассуждая о «гибкости рынка труда» следует иметь в виду в первую очередь предприятие (как работодателя), где механизмы его адаптации (его собственников и управленцев) к внешним факторам производства и выступают как основные характеристики гибкости рынка труда. Целью адаптации выступают снижение издержек производства и повышение конкурентоспособности предприятия как методы обеспечения интересов работодателя.

Однако очевидно, что потребность во флексibilизации рынка труда возникает и у работников. В последние десятилетия это в значительной мере связано с массовым приходом на рынок труда женщин, студентов, пенсионеров. Им нередко требуются периоды незанятости, связанные с уходом за детьми, обучением, лечением, иными индивидуальными запросами, удаленный характер производственной деятельности, которые делают менее стабильной и стандартной их трудовую карьеру. Изменение содержания труда через его интеллектуализацию, творческую составляющую также говорит о возрастании специфики и роли человеческого и социального капиталов в производственных процессах: наемный работник все чаще выступает реальным субъектом управления производственным процессом. Отсюда и «формулу» нестандартности (гибкости) занятости можно определить как «способность организационных форм занятости, методов организации производства и труда обеспечивать меняющийся спрос работодателя на труд с минимальными для него издержками, а также изменяющееся предложение труда со стороны работников» [2]. Понимаемые таким образом гибкость рынка труда и занятости в своем взаимодействии должны способствовать нахождению определенного баланса в обеспечении интересов работодателей и работников.

Однако гибкость рынка труда связана с гибкостью не только занятости, но и заработной платы. Для современных систем оплаты труда характерным является снижение доли базисной части заработка при одновременном увеличении его переменного компонента, зависящего от итогов труда работника, предприятия в целом. Для детального анализа систем гибкости занятости необходимо учитывать и такие понятия, как гибкость рабочей силы, рабочего места, институтов рынка и т.д. [3].

Следовательно, под целостной системой занятости понимается определенная совокупность взаимосвязанных функциональных и институциональных характеристик занятости, которые обеспечивают приспособление занятости к текущим и долговременным колебаниям спроса и предложения труда. Изучение

российской литературы по данным вопросам позволяет выделить две основные модели гибкости систем занятости: защитную (возникающую, как правило, в ситуации кризиса) и трансформационную [4].

Кризисная модель гибкости занятости, как отмечает Е.Я. Варшавская, «обеспечивает относительно быструю количественную подстройку параметров занятости к изменениям рыночной конъюнктуры и достижение тем самым равновесия на макроэкономическом уровне. Но ее оборотной стороной является замедленная реструктуризация занятости, недофинансирование в человеческий капитал, низкий уровень производительности труда, увеличивающиеся риски взаимного оппортунистического поведения работников и работодателей. Трансформационная модель же гибкости занятости базируется на увеличении отдачи от используемых ресурсов труда, что предполагает повышение индивидуальной и коллективной производительности, перераспределение между работниками производственных функций и экономической ответственности за результаты деятельности» [2].

Основная целевая функция кризисной (защитной) модели гибкости занятости со всей очевидностью проявляется в кризисах российской экономики последних десятилетий. С этой точки зрения российский рынок труда не соответствует представлениям о традиционной кризисной модели рынка труда, способной приспосабливаться к внешним шоковым воздействиям за счет динамичного изменения уровня занятости (и следовательно, уровня безработицы) при относительно негибкой цене на труд. Но такая модель глубоко укоренена в российской институциональной действительности, что придавало ей особую устойчивость, позволившую пережить не только затяжной трансформационный спад, но и сопоставимый по продолжительности период восстановительного роста.

Адаптация занятости в этих условиях носит преимущественно количественный характер, осуществляясь, главным образом, в результате изменения численности работающих и продолжительности рабочего времени. Такая модель, утверждаясь чаще всего в максимумах кризиса, предполагает некоторую либерализацию трудового законодательства, позволяющую минимизировать ограничения на увольнение и перемещение работников, понизить барьеры для роста мобильности работников, ограниченную государственную поддержку безработных, стимулирование поиска рабочих мест.

В целом складывающаяся ситуация, обеспечивая преодоление кризиса на макроуровне, приводит, по мнению ряда исследователей, к уменьшению совокупного дохода семей этих работников и существенному сокращению налогооблагаемой базы [5]. Есть все основания констатировать переход от привычной российской модели занятости к трансформационной. Трансформационная модель гибкости занятости своей целью ставит достижение адаптивной эффективности, то есть обеспечение результативного использования ресурсов путем корректировки целей деятельности всех экономических субъектов производства и достигнутых между ними соглашений. Такая модель предполагает устойчивый рост масштабов использования различных механизмов гибкости занятости (относительно независимо от фазы экономического цикла). Адаптация занятости

здесь осуществляется в результате изменения ее качественных параметров (организации труда, внутрипроизводственных отношений и пр.), сбалансированного использования оперативных и долгосрочных механизмов гибкости занятости, нацеленных на удовлетворение интересов как работодателей, так и работников. Правовое сопровождение подобной модели предполагает определенную дифференциацию трудового законодательства, расширяющую возможности для использования разнообразных механизмов гибкости занятости; государственную поддержку безработных, меры по повышению конкурентоспособности безработных (через активные программы содействия занятости) и работников (развитие внутрифирменного обучения) [3].

Но протекание кризиса показало и те факторы, которые тормозили трансформацию гибкости рынка труда и занятости. Сюда с полным основанием относят ряд действий административного порядка, предпринятые территориальными органами власти, для которых гибкость заработной платы (реально – ее задержки) представлялась меньшим злом, чем увольнения и рост безработицы. Так, стремясь не допустить социальной напряженности в ситуации резкого роста безработицы, губернаторы многих регионов (и администрация моногородов) активно использовали административный ресурс для минимизации увольнений работников предприятий, тем более что вынужденное увольнение по существующему трудовому законодательству по-прежнему сопряжено с высокими финансовыми издержками [2].

Отсюда и основной путь борьбы менеджмента предприятия с внешними негативными обстоятельствами был связан прежде всего со снижением заработной платы и уменьшением продолжительности рабочего времени, массовым использованием нестандартных форм занятости. Все это свидетельствует о том, что становление новой модели адаптации рынка труда, в том числе и гибкости систем занятости, – это весьма длительный процесс, который наиболее активно будет проходить в крупных городах, где имеется диверсифицированный рынок труда, крупные и более доходные, модернизированные предприятия.

Как показывает практика последних лет, формы трудоустройства персонала, основанные на применении нестандартных организационно-правовых условий занятости работников, можно рассматривать как с точки зрения нестандартности трудового договора, его отклонении от принятых стандартов, так и более расширенно – с позиций нестандартности совокупности фактических условий занятости.

Ряд форм гибкой занятости тяготеет к сочетанию друг с другом – одно отклонение от стандарта, как правило, ведет к другим. Однако данные отклонения могут быть количественными или качественными. Количественная гибкость предполагает адаптацию занятости посредством регулирования численности работающих и продолжительности времени работы, качественная гибкость означает способность фирмы вносить изменения в характер использования находящихся в ее распоряжении работников, в содержание их трудовой деятельности в соответствии с меняющимися условиями производства [6].

Варшавской Е.Я. рассматриваются «механизмы гибкости занятости» как кон-

кретные способы изменения параметров занятости (объема и структуры спроса и предложения труда) в ответ на действие внешних факторов (технико-технологических, экономических, социальных и пр.) [2]. Эти механизмы различаются по оперативности своего действия. К числу наиболее оперативных механизмов гибкости, позволяющих фирмам быстро адаптироваться к колебаниям рыночной конъюнктуры, относятся увольнение по соглашению сторон, работа по договорам на выполнение определенного объема работ, заемный труд, неоформленная занятость, сверхурочная работа, отпуск по инициативе администрации, перевод на неполную рабочую неделю (день), перемещение и совмещение. Долговременными механизмами гибкости занятости являются увольнение по инициативе администрации, работа по срочному трудовому договору (особенно если договор заключен на достаточно длительный временной период, например на 3–5 лет), добровольная работа по графикам неполного рабочего времени, гибкий рабочий график. В этом случае работодателям требуется значительно больше временных и / или финансовых затрат для того, чтобы изменить основные параметры занятости.

Применение большинства компромиссных механизмов гибкости занятости зачастую не находится в прямой зависимости от конъюнктуры рынка. В то же время решение задачи по переходу к трансформационной модели занятости, как представляется, невозможно без осуществления комплекса мер структурного макроэкономического характера, направленных на снижение риска и неопределенности ведения бизнеса, создание благоприятного инвестиционного климата, укрепление социального партнерства. К их числу относятся полноценная защита прав собственности, устранение чрезмерных административных барьеров для ведения бизнеса, последовательная борьба с коррупцией, договор о социально приемлемой заработной плате работников [3].

Итак, флексибилизация (гибкость) рынка труда определяется изменениями структуры современной экономики в глобальном масштабе. Рост сферы услуг, борьба за снижение издержек, появление множественных форм нестандартной занятости – все это в целом привело к развитию такого сектора труда, который, с одной стороны, наиболее конкурентоспособен в современных условиях хозяйствования, но, с другой стороны, напрямую связан со снижением социальной защищенности работника.

Позволяя в определенной мере оптимизировать производственные процессы, как и уменьшить уровень безработицы в условиях кризиса, процесс утверждения гибкой занятости на Западе сопровождается ожесточенной борьбой профсоюзов за сохранение ряда социальных гарантий, развитием системы государственной поддержки программ государственной переподготовки. В России же схожие изменения на рынке труда происходили одновременно с коллапсом советской системы социальной защиты (в том числе и системы профессиональных союзов) и резким падением уровня жизни большинства населения [7]. В связи с этим в нашей стране постепенное смягчение последствий трансформационного кризиса 1990-х годов, обеспечение государственной защиты социальных прав трудящихся и расширение программ адаптации населения к новым социально-экономическим услови-

ям должны стать приоритетными как при проведении политики в области рынка труда и занятости, так и в сфере социально-экономических отношений в целом.

Библиографический список

1. *Гришин И.* Стимулирование и динамизация занятости: рецепт flexsecurity // *Мировая экономика и международные отношения.* 2012. № 4.
2. *Варшавская Е.Я.* Гибкость занятости: зарубежный опыт и российская практика. Кемерово, 2009.
3. *Ромашов А.В.* Флексибилизация: российский и зарубежный опыт // *Россия в XXI веке: историческое наследие и перспективы развития.* Магнитогорск, 2002.
4. *Нанавян А.М.* Структура занятости населения: динамика и тенденции развития // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2012. № 17.
5. *Верховин В.И.* Основные механизмы и практика реализации политики занятости в социальных государствах // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 18.* 2008. № 2.
6. *Цыкало М.П.* Трансформация российского рынка труда в условиях экономического кризиса // *Социально-экономические проблемы формирования трудовых отношений: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф.* Омск, 2011.
7. *Бреев Б.* О качестве занятости труда // *Общество и экономика.* 2011. № 7–8.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

N.G. Yushkova
**The Prospects of Regional
Planning**

The newest domestic experience of forming organizational and legal support for processes of regional development is systematized. The conclusion is made on the possibility of elaborating some interaction principles of strategic and spatial planning adapted to the requirements of the modern imperative. It is proved that the influence of regional imperatives makes their development principles evolve.

Key words and word-combinations: public administration, regional system, strategic planning, modeling.

Систематизируется новейший отечественный опыт формирования организационно-правового обеспечения процессов регионального развития. Делается вывод о возможности выработки адаптированных к требованиям современного императива принципов взаимодействия стратегического и территориального планирования. Доказывается, что влияние императивов на региональные системы вызывает эволюционирование принципов их развития.

Ключевые слова и словосочетания: государственное управление, региональная система, стратегическое планирование, моделирование.

УДК 338.26/.27
ББК 65.054.1

Н.Г. Юшкова

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Одним из принципиально важных направлений осуществления современных социально-экономических реформ в нашей стране является следование ориентирам государственной политики, закрепленным в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (далее, Концепция-2020) [1]. Положения Концепции-2020 можно рассматривать и как фундаментальные основы формирования инновационных принципов российской экономики, и одновременно как логическое развитие правил устойчивого пространственного развития, сформулированных на Европейской конференции министров регионального планирования в Ганновере в 2000 г. Концепция-2020 объединила в себе стратегические и тактические новации, подготовленные предшествующими ей законодательными и нормативно-правовыми документами. Наиболее ценным достижением этого этапа стало обоснование необходимости перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического раз-

вития, устанавливающему параметры развития регионов синхронизировано в качестве социально-экономических и территориально-пространственных систем.

С этого времени инновационные и пространственные векторы развития социально-экономических систем становятся не просто очевидным фактом, но и императивом, закрепляемым и раскрываемым в программных положениях, документах Президента и Правительства РФ. Требования к последовательности и неуклонности его принятия и восприятия субъектами экономической деятельности повсеместно в регионах РФ не подлежат сомнению. Несмотря на это, в понимании и артикуляции экономическими сферами и агентами заданных императивов отмечаются не только индивидуальные проявления, но и откровенные противоречия. Такая ситуация подтверждается современной практикой работы органов государственной власти и управления. Особенно выделяется региональный уровень принятия управленческих решений. Именно здесь сформированы максимальные предпосылки для адекватного воспроизведения императивных посылов, но и существует целый комплекс объективных проблем, ограничивающих возможности регионов в данном вопросе.

Таким образом, требования к социально-экономическим системам регионального уровня воспринимать концептуальные, законодательные и нормативные инициативы государственной власти последних лет представлены в работе как актуальная научная проблема. Для ее решения формирующийся императив был изучен на предмет обоснования его положений, способов организации системы, возможностей модификации и т.д. Наполнение положений императива основывалось на комплексном анализе открытых источников информации, из которых были взяты, обобщены, сгруппированы и классифицированы документы, раскрывающие инновационные положения государственной политики, имеющие разные виды и находящиеся в различных стадиях прохождения установленных процедур (утвержденные, согласованные, проектные). Анализ основных положений этих документов позволил установить особенности и закономерности структурирования системы организационно-правового обеспечения процессов социально-экономического развития регионов России, наличие внутри нее структурно-функциональных блоков: «государственного управления», «регионального развития», «науки и образования», взаимодействие которых определяется общностью целеполагания для субъектов РФ [2].

Дальнейшее исследование касалось выявления закономерностей формирования системы регионального планирования как «поля взаимодействия» стратегического и территориального планирования, определяемых влиянием императивов государственного управления.

Подобный способ раскрытия проблемы обоснован тем, что для экономики субъектов РФ сосуществование и взаимодействие данных двух видов регионального планирования в свете современных тенденций государственной региональной политики является приоритетным условием функционирования и развития социально-экономических систем. Учитывая то, что проблема касается развития социально-экономических систем в изменяющихся условиях, в их региональном срезе, за основу был взят Указ «Об основных положениях региональной политики ...» 1996 г. [3]. В нем впервые были обозначены и закрепле-

ны понятия, раскрывающие новое содержание этих процессов: «регион», «региональная политика», «программы регионального развития», «территориальное развитие», – сформулирована проблема зависимости форм и методов реализации региональной экономической политики от специфики учета территориальных факторов в развитии субъектов РФ, а также подчеркнута значимость прогнозирования и программирования. Именно перечисленные новеллы задали логику появившихся впоследствии документов и концептуальных разработок [4–5].

Указание на прогнозирование и программирование, понимаемые как формы государственного планирования, можно объяснить совпадением времени разработки указа с началом правоприменительной практики Федерального закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации», принятого в 1995 г. [6]. Необходимость его появления была вызвана разрушением действовавшей в России до 1990-х годов системы долгосрочного планирования, что стало следствием радикальных социально-экономических реформ, и актуализацией системных подходов в разработке прогнозно-программных решений.

Характерным для данного Закона стало выделение прогнозирования в качестве приоритета национальной политики, особой функции планирования, системы научных обоснований направления социально-экономического развития России в условиях изменения способов хозяйствования. Признание за рассматриваемой сферой роли основного функционального звена в цепочке принятия органами законодательной и исполнительной власти стратегических решений повлекло за собой разделение управленческих решений на федеральные и региональные. Тем самым были определены назначение, дифференциация, структурная организация стратегических документов различных периодов действия или стадий планирования (долгосрочного, среднесрочного, краткосрочного). Это позволило точно распределять их роли в социально-экономической политике, а также формы документальных соответствий каждой стадии: концепции социально-экономического развития Российской Федерации как системы представлений о стратегических целях и приоритетах социально-экономической политики государства, важнейших направлений и средств реализации указанных целей; программы социально-экономического развития России – комплексной системы целевых ориентиров социально-экономического развития страны и планируемых государством эффективных путей и средств достижения указанных ориентиров, а также федеральных целевых программ.

Проявление в государственной политике инновационных аспектов как совокупности целей инновационной стратегии и механизмов ее реализации повлекло за собой разработку проекта федерального закона «Об инновационной деятельности...» (1999 г.) [7]. В нем активно развиваются положения ранее принятых законодательных документов, дополняется заданная номенклатура документов стратегического планирования, качественно выделяя федеральный уровень. Условием последовательности и иерархичности разработки государственных прогнозов социально-экономического развития становится новый принцип: от ориентиров государственного управления регионами – к фиксации приоритетных объектов на территории. Основываясь на обозначен-

ном иерархическом принципе разработки решений по планированию, устанавливается логическая связь между этапами планирования (долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным), а в ее развитие предложена системная основа прогнозно-программно-аналитических разработок, гарантирующая адресность государственной инновационной политики.

Начиная с этого времени и на протяжении последующего десятилетия проблема развития региональных социально-экономических систем и их планирования становится крайне актуальной и в современной практике, и в теории государственного управления. Абсолютным новшеством государственной политики стало выявление регулирующих приоритетов, закрепленных в Указе Президента РФ «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации». Необходимость его появления объяснялась, в первую очередь, снижением эффективности действия федерального закона 1995 г., заложившего правовые основы стратегического планирования, и несформированностью полноценной и адекватной новым условиям системы нормативно-правовых актов, определяющей способы увязки управленческих решений федерального и регионального уровней. К этому времени также уже были видны результаты практической реализации положений Концепции-2020. Несмотря на четкость и конкретность сформулированных в ней установок, большинство субъектов РФ не определились со способами достижения поставленных целей, с содержанием прогнозов и программ их социально-экономического развития. Как следствие, разработка положений по планированию не оформилась в систематическую практику, не приняла характера технологии стратегического менеджмента и слабо согласовалась с нормативной и методической базами.

Изучение отечественного опыта разработки планов развития регионов того периода показало несовершенство методологических принципов регионального планирования и, особенно важно, выявило отсутствие научного обоснования учета пространственного фактора в процессах развития региональных социально-экономических систем, что неизбежно отразилось на видах, структуре и содержании планов. Исключением явился проект федерального закона «Об основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации» [4], который все это время оставался одним из немногих документов [9], обозначавшим новые направления развития принципов долгосрочного планирования, интегрирующие социально-экономические и пространственные компоненты.

Данные противоречия в Указе 2009 г. разрешаются совокупностью основных направлений, способов и средств достижения стратегических целей устойчивого развития страны и обеспечения ее национальной безопасности, определяющих системные связи федерального и регионального уровней планирования. Предложена система документов (концепций, доктрин, стратегий, программ, проектов (планов)), разрабатываемых как на федеральном, так и на региональном уровне. Прогрессивность положений Указа заключается прежде всего в том, что четко обозначена устойчивая связь компонентов стратегического планирования федерального уровня (концепций и программ) и уровня субъекта Федерации (программ социально-экономического развития субъекта), получи-

ли развитие ранее утвержденные требования к документам регионального уровня, показаны принципиальные направления их «встраивания» в общую систему планирования.

Проектом федерального закона о стратегическом планировании 2009 г. [10], в развитие правовых положений Указа 2009 г. не только усиливается наметившаяся взаимосвязь уровней принятия управленческих решений по планированию развития территорий, но и активно внедряется территориальное планирование в систему стратегического планирования, при этом наделяются новым смыслом и содержанием разрабатываемые документы. Так, документы территориального планирования Российской Федерации и ее субъектов согласно версии проекта закона являются пространственными проекциями стратегий социально-экономического развития регионов и отдельных территорий. Важным концептуальным достижением проекта закона 2009 г. стало выявление основного объекта стратегического планирования: впервые дефиниция «социально-экономическое развитие» (СЭР) стала смысловым ключом в построении его логических и правовых конструкций. Впервые в этом проектом документе основной понятийный аппарат, все установочные позиции базируются на данном понятии. Благодаря его закреплению в документе, функциональные зависимости таких положений, как приоритеты социально-экономической политики, ее цели, задачи, и результаты, рассматриваются и оцениваются через сущность и динамику процессов СЭР.

Принцип корреспондирования и синхронизации положений планов развития, как в их уровневой дифференциации (Российской Федерации и ее субъектов), так и в компонентных проявлениях (стратегической и территориально-пространственной), раскрывается впоследствии и в проекте федерального закона 2012 г. «О государственном стратегическом планировании» [11]. Благодаря выявлению такого принципа система государственного управления в целом получает новый эволюционный вектор в заданной территориальной принадлежности процессов развития регионов, позволяющей целенаправленно и предметно решать задачи повышения качества жизни населения, с достижением планируемых показателей региональной экономики.

Принципиальное значение этого законодательного предложения заключается в том, что оно заложило основы взаимодействия «непространственных» и «пространственных» показателей разрабатываемых объектов.

Формирование новых принципов структурной организации системы регионального планирования в императивах государственной политики не ограничивалось последовательно проводимой законотворческой деятельностью, а сопровождалось разработкой крупных концептуальных работ, освещающих следование требованиям инновационного развития российских регионов. Так, наработанные в течение десятилетия, начиная с 1995 г., положения государственной региональной политики способствовали появлению в 2005 г. Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации [12] (далее КССЭРРРФ).

Необходимость ее возникновения объяснялась выраженной зависимостью целей и направленности политики развития регионов напрямую от проводимой государством социально-экономической политики, обусловленностью и закономерностями изменения концепции государственного управления регионами.

Среди особенностей КССЭРРРФ выделяются ее ведущие признаки, дополненные и развитые позднее в Концепции-2020. К разряду инновационных управленческих решений, обозначенных в ней, отнесится новое прочтение государственной региональной политики. Оно понимается как условие обеспечения сбалансированного социально-экономического развития регионов за счет рационального использования их ресурсного потенциала, сокращения уровня межрегиональной дифференциации в их социально-экономическом состоянии и качестве жизни, не ограничивающие вместе с тем возможностей регионам принимать самостоятельную концепцию развития.

В Концепции-2020 подтверждается значимость пространственных аспектов и факторов планирования при определении долгосрочных целевых параметров развития социально-экономических систем регионов, заявленная еще в Концепции 2005 г., и детализируется посредством определения способов их раскрытия. Они рассматриваются на предмет обоснованности перспективного формирования территориальной структуры инновационной системы, основу которой образуют не только регионы с официальным статусом субъектов Федерации, но и региональные структуры всех иерархических уровней, вовлеченные в систему активных социально-экономических связей страны.

Невозможность достижения целей инновационного развития без формирования национальной инновационной системы (НИС) и ее регионального аналога (РИС) не требует новых доказательств [12]. В новой концепции поляризованного регионального развития, неотъемлемой от формирования территориальных центров роста как ключевых элементов РИС, их объективными предпосылками является не просто параллельное рассмотрение и измерение региональной системы с социально-экономических и с пространственных позиций. Инфраструктурные приоритеты развития региональных систем в совокупности закладывают основу новой теоретической модели пространственной организации региона, конструирование и функционирование которой напрямую зависят от территориально-пространственных факторов.

Таким образом, изменение принципов социально-экономического развития регионов, отражаемое в государственной региональной политике, влечет за собой трансформацию ее задач, затрагивающих и социально-экономический, и пространственный контекст. Соответственно, трансформируются существующие методы и формы реализации региональной политики: региональное планирование наделяется новыми характеристиками и адекватным отражением во вновь сформированных и утверждаемых документах планирования, как, например, генеральная схема пространственного развития Российской Федерации, согласно концепциям 2005 [9] и 2008 гг. [1].

Формирующийся императив фактически обосновывает требования к уточнению понятия «региональная политика», включив пространственные компоненты развития [2]. И уже с учетом последнего предлагается специально разработанный (адаптированный к императиву) расширенный комплекс средств их реализации, формализуемый в нормативных правовых актах, программах и иных документах, обеспечивающих региональное развитие.

В отечественной экономической науке до настоящего времени методологи-

ческой базы исследований по проблемам адаптации региональных систем не сформировано, в лучшем случае рассматриваются их отдельные аспекты [13]. Даже формальное увеличение работ, связанных с высокой актуальностью проблемы, и их многообразие не покрывает имеющиеся потребности, особенно для совершенствования методологии регионального планирования.

Необходимость полноты описания адаптационных процессов потребовала проведения анализа теоретических работ по проблеме адаптации региональных систем. Среди них выделены реализующие системный подход к развитию регионов [13]. Именно с точки зрения оценки адаптации региональных систем изучались положения Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации [12], которая в дополнение к предположениям КССЭРРРФ и Концепции-2020 расширила системные представления о развитии субъектов РФ и федеральных округов.

В реальной практике регионы восприняли эти послы по-разному. Одни, понимая обязательность реагирования на новые требования, фиксировали их в документации, тем самым опережая другие регионы, в которых разработка документов регионального планирования продолжилась с использованием стандартных, инерционных подходов.

Для того чтобы в региональных системах социально-экономическое развитие получило адекватное им и определенное выражение в пространственном аспекте, существуют объективные, в том числе и законодательные, предпосылки. Для этих целей был принят в 2004 г. Градостроительный кодекс в статусе федерального закона. Но несмотря на это, ни у органов государственного управления, ни у разработчиков документов системного решения поставленных проблем не сложилось: социально-экономические и территориальные планы не согласовались. Еще более сложным стал вопрос о способах и формах закрепления подобных проявлений в соответствующих документах. В содержании документов территориального планирования, на первый взгляд, отражены новые (императивные) требования. Но в целом констатируется формальное следование шаблонам разработки документов, кардинально не затрагивающее их сущность.

Анализ современной практики разработки таких документов [14] показывает, что акценты на выявлении принципов инновационной экономики (например, планируемое размещение объектов инновационной инфраструктуры) воспринимаются даже при благоприятных условиях в искаженном виде. Понимание синхронизации таких управленческих решений на уровне Федерации и региона практически не зафиксированы и, следовательно, не отражены в предполагаемых документальных формах. Это не позволяет реализовать на практике инфраструктурные объекты как перспективную форму раскрытия экономического потенциала регионов. При этом синхронизация мероприятий по региональному планированию в социально-экономическом и территориально-пространственном аспектах не столько необходимость, сколько неизбежность.

Таким образом, очевидно признание ведущей роли адаптации положений императива к предмету региональной экономики, означающее неизбежную реструктуризацию задач развития региональных систем и системы регионального планирования.

Их постановка в новом ключе требует скорейшего решения. Предположительно, появятся законы и подзаконные акты, дающие возможность прогнозировать и предотвращать проблемы, обосновывать эффективные способы их решения, тем самым предопределяя принципы функционирования региональных систем. Кардинально изменится содержание процесса разработки и реализации решений регионального планирования и их выводных положений. Приобретение регионами в перспективе инновационных качеств развития предполагает его адекватное отражение в пространственной конфигурации региона посредством выявления и описания новых типов объектов регионального развития, фиксируемых должным образом в документах планирования.

Дальнейшее исследование проблемы и его результаты позволяют прогнозировать направления перспективных научных разработок [2, 13, 14]. При определении функционально-пространственных «узлов» (элементов) инновационной инфраструктуры акцент будет сделан в основном на образование региональных модулей РИС, предназначение которых заключается в максимальном аккумулировании ресурсов и замещении отдельных территориально закрепленных «точек роста» многофункциональными инновационными процессами в их экономическом и пространственном выражении. В качестве наиболее перспективного способа предлагается активизация отдельных ключевых звеньев опорных элементов региона («точек роста») – инновационных университетов, «системообразующее» значение которых обосновано принципами их пространственной локализации. С помощью такого концептуального подхода к конструированию РИС через приоритет региональных модулей создаются их конкретные параметры, определяющие принципы управления ими.

Подобные задачи требуют указания в документах планирования зон и точек экономического опережающего развития – элементов инновационной инфраструктуры региона, средств планирования процессов развития региональных систем. Их появление обусловлено усилением экономической значимости объектов регионального развития, способных влиять на строение инновационной инфраструктуры территории, элементы которой рассматриваются не изолированно, а в пространственной системе, становясь уже не только экономической, но и пространственной категорией. Происходит переориентация управленческих функций специальных государственных и муниципальных органов власти, конкретизируется их деятельность, благодаря возможности адекватной разработки инструментов реализации региональной политики новой направленности. В учете этих процессов, фиксируемых в документах планирования, последующей реализации состоит один из ключевых вопросов региональной экономики на современном этапе.

Таким образом, обоснована закономерность эволюционирования регионального планирования, выражающаяся в адаптационных проявлениях к императивам современного государственного управления [14]. Необходимость формирования адаптивных механизмов региональной экономики, повышающих адресность процессов развития региональных систем, их ресурсную обеспеченность и территориальную привязку на всех иерархических уровнях их организации – наиболее близкая по времени и актуальная задача. Уже в этой задан-

ности формируются требования к обеспечению функционирования единой системы разработки и реализации документов планирования, а также к их содержанию, определяющие конкретные действия соответствующих органов власти. Принцип преемственности распространится не только на формат, структуру и содержание документов, но и на процедуры их разработки и согласования, инструменты их реализации. В совокупности данные концептуальные предложения по формированию принципов пространственной интеграции в систему социально-экономического планирования развития региона способны стать эффективным направлением совершенствования методологии регионального планирования.

Библиографический список

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р. URL: <http://base.garant.ru/194365/>
2. Юшкова Н.Г. Территориальное планирование и государственная политика развития региона // Вестник ВолгГАСУ. Сер.: Строительство и архитектура. 2013. Вып. 30 (49). С. 365–387.
3. Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590/
4. Об основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации: проект Федер. закона от 20 нояб. 2002 г. № 18259-3. URL: http://www.lawmix.ru/law_project/18957/
5. О Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации» (2002–2010 годы и до 2015 года): постановление Правительства РФ от 11 окт. 2001 г. № 717 (в ред. от 22 июня 2006 г., с изм. от 20 окт. 2006 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации: Федер. закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ // Рос. газ. 1995. № 143, 26 июля.
7. Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике в Российской Федерации: проект федер. закона: одобрен Советом Федерации 23 дек. 1999 г. URL: http://www.invur.ru/index.php?page=npb&doc=inn_fed
8. Об основах стратегического планирования в Российской Федерации: Указ Президента РФ № 536 от 12 мая 2009 г. URL: <http://www.kasparov.ru/note.php?id=4AEEEC233AEAS>
9. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации: проект Министерства регионального развития РФ от 2005 г. URL: <http://www.gosbook.ru/node/48488>
10. О государственном стратегическом планировании в Российской Федерации: проект федер. закона от 12 мая 2009 г. № 536. URL: <http://www.kasparov.ru/note.php?id=4AEEEC233AEAS>
11. О государственном стратегическом планировании: проект федер. закона от 21 нояб. 2012 г. № 143912-6. URL: http://esco-ecosys.narod.ru/industry/2013_1/art296.pdf
12. Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации: проект Министерства регионального развития РФ от 2010 г. URL: http://www.komfed.ru/section_42/475.htm
13. Юшкова Н.Г. Определение вектора функционирования градостроительных систем регионов в современных условиях // Вестник ВолгГАСУ. Сер.: Строительство и архитектура. 2013. Вып. 34 (53). С. 165–186.
14. Юшкова Н.Г. Проблемы реорганизации градостроительных систем регионов в современных социально-экономических условиях // Вестник ВолгГАСУ. Сер.: Строительство и архитектура. 2013. Вып. 33 (52). С. 237–253.

**S.E. Zhura
Small Business
in Innovation Activity
of the Russian Federation:
Problems and Solutions**

Indicators characterizing innovation activities, including small businesses, in Russia and the regions at the present stage are revealed. The efficiency of scientific research activities in the Russian Federation in terms of scientific developments implementation is analyzed. Issues of the low level of innovative development in the regions are studied and solutions through state interference are proposed.

Key words and word-combinations: small business, innovation activities.

Раскрываются показатели, характеризующие инновационную деятельность малого бизнеса в России и ее регионах на современном этапе. Анализируется эффективность научно-исследовательской деятельности в Российской Федерации с точки зрения внедрения научных разработок. Рассматриваются проблемы низкого уровня развития инноваций в регионах и предлагаются пути их решения с помощью государственного вмешательства.

Ключевые слова и словосочетания: малый бизнес, инновационная деятельность.

УДК 338
ББК 65.290

С.Е. Жура

МАЛЫЙ БИЗНЕС В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ*

В настоящий момент убеждать в необходимости инновационного развития страны представляется излишним, поскольку только государство, применяющее в своей деятельности научные достижения, может обеспечить себе более качественный социально-экономический уровень развития. Россия взяла курс на разработку и использование инноваций. В декабре 2011 г. принята Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. [1]. В Стратегии не только определяются цели, приоритеты и инструменты развития инноваций, но и рассматриваются вопросы финансирования научных работ, а также поддержки внедрения (коммерциализации) разработок. С нашей точки зрения, особый интерес представляют анализ достигнутых показателей, выявление проблем развития инновационной деятельности и определение путей их решения.

Инновационный процесс можно разбить на несколько этапов, первым из которых является этап, связанный с научными разработками и конструированием. Он базируется на знаниях и идеях и направлен на получение нового инновационного продукта.

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-12-29003).

На основании официальных статистических данных [2, с. 495] проследим динамику числа организаций, выполнявших исследования и разработки в Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

**Число организаций России,
выполнявших исследования и разработки, по годам**

Показатель	2000	2005		2010		2011		2012	
	Единиц	Единиц	В % к 2000 г	Единиц	В % к 2000 г	Единиц	В % к 2000 г	Единиц	В % к 2000 г.
Число организаций – всего	4099	3566	86,99	3492	85,19	3682	89,82	3566	86,99
В том числе:									
научно-исследовательские организации	2686	2115	78,74	1840	68,50	1782	66,344	1725	64,22
конструкторские бюро	318	489	153,77	362	113,83	364	114,46	340	106,91
проектные и проектно-исследовательские организации	85	61	71,76	36	42,35	38	44,70	33	38,82
опытные заводы	33	30	90,90	47	142,42	49	148,48	60	181,81
образовательные учреждения высшего профессионального образования	390	406	104,1	517	132,56	581	148,974	560	143,58
промышленные организации, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения в организациях	284	231	81,33	238	83,80	280	98,59	274	96,47
прочие	303	234	77,22	452	149,17	588	194,05	574	189,43

По сравнению с 2000 г. число организаций, занимающихся научными исследованиями, к 2012 г. сократилось в среднем на 13%. Данное сокращение произошло за счет уменьшения числа научно-исследовательских организаций на 961 единицу (на 35%), а также за счет сокращения проектных и проектно-

изыскательных организаций на 52 единицы (на 61%). В то же время можно отметить, что наблюдается положительная динамика по увеличению научно-исследовательской деятельности в образовательных учреждениях высшего профессионального образования на 170 единиц (на 44%), а также на базе опытных заводов и прочих организаций практически в 2 раза. Данное изменение в структуре организаций, занимающихся научными разработками, обусловлено требованием времени. В настоящий момент усиливается тенденция по передаче научных исследований в университеты, которые если еще не стали, то скоро будут площадкой для научных разработок. Увеличение числа опытных предприятий, осуществляющих научно-практические разработки, можно только приветствовать, поскольку это несомненно создает условия для увеличения выпуска конкурентоспособной продукции и возможности выхода на мировой рынок.

По сравнению с 2000 г. также можно отметить сокращение численности персонала, занятого исследованиями и разработками (табл. 2) [2, с. 496].

Таблица 2

**Численность персонала, занятого исследованиями и разработками
в Российской Федерации**

Год	Человек	В % к 2000 г.
2000	887729	—
2005	813207	91,6
2010	736540	82,96
2011	735273	82,82
2012	726318	81,81

В целом сокращение численности произошло на 18%, что, несомненно, обусловлено уменьшением числа предприятий, занимающихся научными разработками, как было отмечено ранее. Анализ сокращения численности по секторам экономики показал, что сокращение произошло в основном в предпринимательском секторе. Если в 2000 г. в данном секторе участие в научных разработках принимали 590 646 человек, то в 2012 г. 394 182 человека [2, с. 497] (меньше на 34%). Следовательно, можно сделать вывод о необходимости создания стимулирующих мер со стороны государства для предпринимателей с целью формирования их мотивационного поведения для проведения и внедрения научных разработок в данном секторе, что позволит вывести предприятия на новые рынки сбыта продукции.

Анализ финансирования федеральным бюджетом научных разработок [2, с. 503] позволяет констатировать, что объем выделяемых средств в относительном выражении незначительно, но увеличивается.

Таблица 3

Финансирование науки из средств федерального бюджета, %, по годам

Объем финансирования	2000	2005	2010	2011	2012
К расходам федерального бюджета	1,69	2,19	2,35	2,87	2,76
К валовому внутреннему продукту	0,24	0,36	0,51	0,56	0,56

Сравним объемы финансирования НИОКР в % к ВВП в ведущих странах-лидерах: США – 2,7%, Китай – 1,7%, Япония – 3,3%, Германия – 2,8%, Корея – 3,4%, Франция – 2,1%, Великобритания – 1,9%, Канада – 1,9%, Италия – 1,3%, Австралия – 2,2% [3].

Таким образом, Российская Федерация отстает от ведущих зарубежных стран по финансированию научных разработок, хотя анализ внутренних затрат по источникам финансирования на исследовательские работы [2, с. 504] в Российской Федерации (табл. 4) позволяет отметить положительную динамику объема затрат, причем по сравнению с 2000 г. в 2012 г. он вырос практически в девять раз (в номинальном выражении).

Таблица 4

**Внутренние затраты на исследования и разработки
по источникам финансирования в Российской Федерации**

Затраты	2000	2005		2010		2011		2012	
	Млн руб.	Млн руб.	В % к 2000 г.	Млн руб.	В % к 2000 г.	Млн руб.	В % к 2000 г.	Млн руб.	В % к 2000 г.
Всего	76697,1	230785,2	300,9	523377,2	682,4	610426,7	795,9	699869,8	912,53
Средства бюджета	41190,9	140463,8	341,0	360334,2	874,8	400235,7	971,7	462203,2	1122,1
Собственные средства научных организаций	6947,2	20743,8	298,6	47407,6	682,4	73293,5	1055,0	78520,6	1130,3
Средства внебюджетных фондов	4969,7	4048,3	81,5	10140,0	204,0	8808,5	177,2	11675,6	234,9
Средства организаций предпринимательского сектора	14326,2	47759,8	333,4	85863,3	599,3	99408,1	693,9	118219,6	825,2
Средства образовательных учреждений высшего профессионального образования	58,1	181,2	311,9	508,2	874,7	1568,8	2700,2	891,8	1534,93
Средства частных некоммерческих организаций	32,6	60,4	185,9	556,5	1707,1	966,5	2964,7	608,4	1866,3
Средства иностранных источников	9172,4	17528,0	191,1	18567,5	202,4	26145,5	285,0	27750,7	302,6

Финансирование из бюджета возросло в 11 раз, практически во столько же выросло финансирование за счет собственных средств научных организаций, в 15 раз увеличились средства на НИОКР в образовательных учреждениях высше-

го профессионального образования, в 18 раз повысились собственные затраты частных коммерческих организаций. Тем не менее по объему большая часть затрат приходится на средства бюджета. Сумма средств из данного источника в 2012 г. составила 462 203,2 млн руб., что составляет 66% от общей суммы финансирования (в 2000 г. финансирование из бюджета составляло 54%).

Анализируя эффективность научно-исследовательской деятельности в Российской Федерации с учетом внедрения научных разработок [2, с. 506], можно отметить положительную динамику выдачи патентов (табл. 5). Только в 2012 г. количество выданных патентов на изобретения и на промышленные образцы возросло почти в 2 раза и составило 32 880 и 3381 единицы соответственно; количество патентов на полезные модели выросло почти в 3 раза и составило 11 671 единицу. В общем объеме выданных патентов больший объем финансирования традиционно приходится на изобретения. Тем не менее, несмотря на положительную динамику и достаточно неплохие показатели в данном направлении деятельности, Россия значительно уступает по количеству выданных патентов ведущим странам. Так, в 2011 г. в Корее было выдано 178 924 патентов, в США 503 582, в Японии 342 610, в Германии 59 444, во Франции показатель близок к Российской Федерации – 16 754 [4, с. 172].

Таблица 5

Выдача патентов в Российской Федерации, по годам

Выдано патентов	2000	2005		2010		2011		2012	
	Единиц	Единиц	В % к 2000 г.	Единиц	В % к 2000 г.	Единиц	В % к 2000 г.	Единиц	В % к 2000 г.
На изобретения	17592	23390	133,0	30322	172,4	29999	170,5	32880	186,9
На полезные модели	4098	7242	176,7	10581	258,2	11079	270,4	11671	284,8
На промышленные образцы	1626	2469	151,8	3566	219,3	3489	214,6	3381	207,98

Рассмотрим, насколько эффективно внедряются научные разработки в практическую деятельность (табл. 6) [2, с. 507]: если в 2000 г. использование результатов интеллектуальной собственности осуществлялось всего на 20%, то к 2012 г. уровень использования вырос и составил около 50%, что можно отметить как положительный фактор. Следует проводить политику по более полному внедрению в практику запатентованных объектов интеллектуальной собственности.

Таблица 6

Использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации, по годам

Показатель	2000	2005		2010		2011		2012	
	Единиц	Единиц	В % к 2000 г.	Единиц	В % к 2000 г.	Единиц	В % к 2000 г.	Единиц	В % к 2000 г.
Использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности	5157	13492	261,6	19783	383,6	20758	402,5	22660	439,4

В развитых странах малые предприятия активно участвуют в научных исследованиях. К сожалению, расширенной статистики по направлениям инновационной деятельности в малом бизнесе практически не ведется (по-видимому, малые предприятия еще не очень активны в данной деятельности). Воспользуемся имеющейся информацией из официальных статистических сборников. Анализ числа малых предприятий, осуществляющих научные разработки [5] в Российской Федерации, позволяет констатировать, что удельный вес таких предприятий очень низкий и составляет 0,7% от общего числа предприятий малого бизнеса (табл. 7). Отметим, что он не меняется на протяжении последних лет, и, на наш взгляд, без серьезной поддержки со стороны государства изменений в положительную сторону не произойдет. Необходимо использовать различные формы поддержки субъектов малого бизнеса: финансовую, организационную, правовую и т.д.

Таблица 7

Число малых предприятий, осуществляющих научные исследования и разработки в Российской Федерации

Предприятия	Малые предприятия						Микропредприятия					
	2010		2011		2012		2010		2011		2012	
	Единиц	%	Единиц	%	Единиц	%	Единиц	%	Единиц	%	Единиц	%
МП – всего	1 644 269	–	1 836 432	–	2 003 038	–	1 415 186	–	1 593 755	–	1 759 973	–
Из них осуществляют исследования и разработки	11 565	0,7	13 087	0,7	15 169	0,7	10 191	0,7	11 580	0,7	13 553	0,7

Анализ основных показателей инновационной деятельности малых предприятий в добывающей, обрабатывающей промышленности и в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (табл. 8) позволяет отметить, что большее количество предприятий, осуществляющих технические инновации и реализующих инновационные товары, зарегистрировано в обрабатывающем производстве. В 2011 г. удельный вес данной отрасли составил всего 5,37% от общего числа предприятий. В целом число инновационных малых предприятий в названных производствах также низкое.

Таблица 8

Основные показатели инновационной деятельности российских малых предприятий добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды в 2011 г.

Отрасли	Удельный вес предприятий, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных предприятий, %	Объем инновационных товаров, работ и услуг, млн руб.	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %
Добыча полезных ископаемых	3,37	507,7	0,99

Отрасли	Удельный вес предприятий, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных предприятий, %	Объем инновационных товаров, работ и услуг, млн руб.	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %
Обрабатывающие производства	5,37	15645,1	1,58
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,06	236,9	0,36

Интересно рассмотреть ситуацию с развитием инновационной деятельности в регионе Европейского Севера России, а также проанализировать вклад малого бизнеса в научные исследования и разработки. Данный регион включает две республики (Карелию и Коми), а также три области (Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую). Регион имеет общие характерные признаки: географическое положение, суровые природно-климатические условия, преимущественное развитие добывающих и перерабатывающих производств. Несмотря на достаточно специфические, можно даже сказать, тяжелые условия проживания и деятельности в перечисленных районах, нельзя забывать о стратегическом значении Севера в развитии России, а следовательно, не стоит недооценивать роль инноваций в данных регионах.

Можно констатировать низкую долю предприятий, занимающихся научными исследованиями в регионе Европейского Севера России: их удельный вес составляет 20% от организаций, выполняющих исследования в Северо-Западном федеральном округе [2, с. 496]. Внутри региона в 2012 г. только у Архангельской и Мурманской областей наблюдается несколько больший удельный вес по научным разработкам – 27,36 и 23,08% соответственно (табл. 9).

Таблица 9

**Число организаций, выполнявших исследования и разработки
в регионах Европейского Севера России**

Регион	2010		2011		2012	
	Единиц	Уд. вес, %	Единиц	Уд. вес, %	Единиц	Уд. вес, %
Республика Карелия	16	14,04	19	16,10	20	17,09
Республика Коми	23	20,18	21	17,80	21	17,95
Архангельская область	33	28,95	33	27,97	32	27,36
Вологодская область	17	14,91	18	15,26	17	14,53
Мурманская область	25	21,93	27	22,88	27	23,08
Итого	114	100	118	100	117	100

Анализируя численность сотрудников, занятых научными исследованиями в

рассматриваемом регионе [2, с. 498], можно отметить, что наибольший удельный вес по данному показателю занимают Мурманская область и Республика Коми: в 2012 г. – 36,32 и 26,82% соответственно (табл. 10).

Таблица 10

**Численность персонала, выполнявшего исследования и разработки
в регионах Европейского Севера России**

Регионы	2010		2011		2012	
	Человек	Уд. вес, %	Человек	Уд. вес, %	Человек	Уд. вес, %
Республика Карелия	934	14,44	978	15,52	986	14,62
Республика Коми	1806	27,93	1748	27,74	1809	26,82
Архангельская область	1148	17,75	1064	16,88	1143	16,94
Вологодская область	482	7,45	410	6,51	424	6,29
Мурманская область	2097	32,43	2102	33,35	2382	35,32
Итого	6467	100	6302	100	6744	100

К сожалению, статистических данных развития инновационного малого бизнеса в регионе Европейского Севера России не так много, что свидетельствует о недостаточном внимании к данной проблеме в субъектах РФ. В среднем по России в 2009 г. удельный вес малых технологических инновационных предприятий составлял 4,1%, а в 2011 г. 5,1%. По отдельным северным регионам он представлен в табл. 11 [6, с. 37]. Так, в 2009 г. в Республике Коми и Мурманской области показатели, характеризующие технологические инновации, ниже среднестатистических по России, а в 2011 г. этот показатель оказался ниже в Архангельской области, что дает основание сделать вывод не только о недостаточном развитии инноваций в малом бизнесе, но и о нестабильности такого развития.

Таблица 11

**Удельный вес субъектов малого бизнеса,
осуществляющих технологические инновации
в регионах Европейского Севера России, %**

Регионы	2009	2011
Республика Карелия	7,0	5,5
Республика Коми	–	4,9
Архангельская область	5,7	–
Вологодская область	4,4	5,5
Мурманская область	–	9,6

Таким образом, подводя общий итог, можно выделить следующие тенденции в развитии инновационной деятельности России и регионов.

За период с 2000 по 2012 г. незначительно (на 13%) сократилось число организаций, занимающихся научными исследованиями, а также уменьшилась численность персонала, занятого исследованиями и разработками, что связано с сокращением количества научно-исследовательских, проектных и проектно-изыскательных организаций. В то же время наблюдается положительная динамика по увеличению научно-исследовательской деятельности в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, а также на базе опытных заводов и прочих организаций. Данные структурные изменения вызваны политикой Российской Федерации по передаче научных исследований в университеты, которые должны стать инновационной площадкой для научных разработок, а также политикой по привлечению коммерческого сектора к инновационным исследованиям с целью их коммерциализации.

По отношению к ВВП финансирование увеличилось в 2012 г. по сравнению с 2000 г. почти в два раза, но пока составляет 0,56%. Россия несколько отстает от ведущих зарубежных стран по финансированию научных разработок и значительно уступает им по количеству выданных патентов, а также по внедрению (коммерциализации) исследований. На наш взгляд, следует решать проблему за счет повышения инновационной активности и восприимчивости хозяйственной среды, например за счет стимулирования инновационных процессов.

В настоящий момент наблюдается достаточно низкий уровень развития инноваций в субъектах РФ, в частности в регионах Европейского Севера России, а также очень низкий процент малых инновационных предприятий в регионах. Решение данной задачи, по нашему мнению, возможно только с помощью государственного вмешательства в данный процесс. На федеральном уровне следует более активно развивать конкурентную среду, производственную, научную, информационную и прочую инфраструктуру, мотивировать субъектов инновационной деятельности, а на уровне субъектов регионов осуществлять программы финансово-организационной поддержки с учетом специфики регионального развития.

Библиографический список

1. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 8 дек. 2011 г. № 2227-р // СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 216.
2. Российский ежегодный статистический сборник, 2013 г. / Росстат. М., 2013.
3. OECD estimates based on Research and Development Database, August 2011.
4. Source: WIPO Statistics Database, October 2012.
5. Малое и среднее предпринимательство, 2013 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2013.
6. Статистика инноваций в России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.pdf

**N.A. Nosenko
Developing a Business
Environment of a Region
in Conditions
of Socio-Economic Changes**

The tendencies of the development of business environment in terms of socio-economic change are considered. The emphasis is on the problems of administrative costs and business climate, and of the change in social roles and functions of business. The necessity of forming a new culture of interaction between business and government in the context of improving the level and quality of life is grounded.

Key words and word-combinations: business, institutionalization, business climate, administrative costs and barriers.

Рассматриваются тенденции развития предпринимательской среды в условиях социально-экономических изменений. Внимание акцентируется на проблемах административных издержек и предпринимательского климата, изменении социальной роли и функций предпринимательства. Обосновывается необходимость формирования новой культуры взаимодействия бизнеса и власти в контексте повышения уровня и качества жизни.

Ключевые слова и словосочетания: предпринимательство, институционализация, предпринимательский климат, административные издержки и барьеры.

УДК 338
ББК65.290

Н.А. Носенко

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Устойчивость социально-экономического развития и обеспечение инновационного прорыва неразрывно связаны не только с поиском, но и с формированием эффективных механизмов институционального развития предпринимательской среды, стимулированием предпринимательской активности. В условиях благоприятствования предпринимательство способно реализовывать важнейшие социальные функции, активизировать процессы формирования открытого гражданского общества. Предпринимательство является ключевым актором социально-экономических изменений, играет ключевую роль в реализации социальной ориентации процесса развития рыночной экономики, в обеспечении сбалансированности между экономической эффективностью и решением значимых социальных проблем.

На современном этапе социально-экономического развития в силу целого ряда объективных и субъективных причин инновационный потенциал предпринимательства остается невостребованным, что во многом связано с особенностями формирования и развития предпринимательской среды. Контекст институционального развития предпринимательства на современном этапе характеризуется рядом специфических условий и факторов, связанных с недостаточной эффективностью целенаправленного государствен-

ного воздействия на развитие предпринимательства, высоким уровнем административных барьеров, невысоким уровнем социальной активности. Развитие предпринимательства находится в границах сложившихся мифов и стереотипов о возможностях решения социальных и модернизационных проблем сугубо технократическими методами. Следовательно, связью актуализируется проблема преодоления существующих мифологем и формирования в обществе новых культурных моделей устойчивого социально-экономического развития, связанных с развитием предпринимательской среды.

Эффективное выполнение предпринимательством роли актора социально-экономических изменений в контексте инновационного развития невозможно без учета изменений в предпринимательской среде. Несмотря на то что в настоящее время в российском обществе имеются значительные ресурсы и огромный потенциал для осуществления предпринимательской деятельности, развитие предпринимательской среды протекает крайне неравномерно, осуществляется низкими темпами в межстрановом сравнении. Высокая предпринимательская активность преимущественно отмечается в крупных городах, что во многом связано с недостаточной эффективностью региональной политики, способствующей развитию предпринимательской инициативы, отсутствием стратегического видения перспектив социально-экономического развития, неразвитостью инфраструктуры. Отсутствие системного видения проблем приводит к распылению ресурсов. Вопросы развития предпринимательской среды и повышения инвестиционной привлекательности относятся к числу ключевых задач социально-экономической политики и обуславливают необходимость проведения комплексных исследований по оценке факторов, влияющих на развитие предпринимательства, а также по формированию условий, способствующих эффективному раскрытию социального потенциала предпринимательства.

Развитие предпринимательской среды неразрывно связано с формированием эффективных механизмов и инструментов, препятствующих коррупции и монополизации. По этой причине необходимо рассмотрение институционализации предпринимательской среды как процесса разрушения сложившихся стереотипов и формирования инновационных методов управленческого воздействия, основанных на партнерстве и диалоге. Значительная часть проблем развития предпринимательской среды во многом обусловлена несистемной политикой в этой сфере.

Для развития предпринимательской среды необходима система институтов и институционализированных структур, которые будут препятствовать использованию политических и силовых ресурсов в экономических отношениях, способствовать формированию эффективного коммуникативного дискурса. Развитие предпринимательской среды напрямую связано с преодолением сохраняющихся тенденций воспроизводства укоренившихся моделей традиционализма, патернализма, дальнейшим совершенствованием антикоррупционных механизмов и изменением социокультурных доминант предпринимательской деятельности, установок в общественном мнении, что обуславливает необходимость анализа ценностно-мотивационных регуляторов в развитии институциональ-

ной среды предпринимательства, определения социокультурных доминант формирования благоприятного предпринимательского климата.

В определенной мере, предпринимательство – это идеально-типическая конструкция, отражающая целерациональное поведение человека, направленное на преодоление традиционных, закрытых и локальных экономических отношений. В основе такого поведения лежат два процесса: рационализация мышления, развитие его утилитарности в сочетании с творческим, неординарным характером, с одной стороны; секуляризация общества, наличие в нем элементов рационализации социальной жизни, элементов «открытости» – с другой. В ряде исследований отмечается взаимообусловленность и взаимосвязь экономических изменений и возникновения качественно новых социальных отношений [1–3].

Целерациональные действия способствуют формированию таких институтов общества, которые побуждают индивидов к свободному принятию собственных решений на основе рациональной организации жизни общества [4]. В контексте исследования предпринимательской среды важно акцентировать внимание на соотношении управления и самоорганизации. Н. Луман отводил особую роль способности системы вырабатывать механизмы рефлексии, обеспечивающие его самоорганизацию, самосозидание («автопоэксис») [5]. С точки зрения эффективных механизмов развития предпринимательской среды важное значение имеют теория социальной солидарности (Ю. Хабермас, К. Боулдинг, Дж. Тайнтер) и теория неравновесности и самоорганизации, в которой исследовательское внимание сосредоточено на нелинейных процессах [6]. В связи с тем что изменение неразрывно связано с переходом системы в новое состояние, описание хода изменений, наступающих последовательно друг за другом, и взаимно обусловленных изменений (фаз, этапов) системы является описанием процесса, направленного или циклического (с возвратными состояниями) [7].

Роль региональных органов власти как ключевых субъектов предпринимательского процесса существенно различается в территориальном разрезе. Органы власти могут выступать как серьезным тормозом развития предпринимательства, создавая препятствия, повышая уровень административных издержек, то есть формируя неблагоприятную среду для развития предпринимательства, играя роль постороннего наблюдателя, не противодействующего развитию предпринимательства, но в то же время и не создающего условий благоприятствования для его развития, так и «стимулом», «создающим возможности» для предпринимательской деятельности на основе постоянного и активного поиска наиболее эффективных механизмов взаимодействия власти и бизнеса, системы мер по улучшению предпринимательского климата, условий ведения бизнеса, инвестиционной привлекательности и вовлечению в предпринимательский процесс все новых и новых экономических агентов в зависимости от стратегических приоритетов регионального развития.

Мировой опыт свидетельствует, что только при условии гибкого регулирования, внедрения механизмов «мягкого» управления возможно создать благоприятную почву для развития предпринимательской среды, сделать предпринима-

тельство социально эффективным. Развитие в России цивилизованных форм предпринимательства и повышение предпринимательской активности зависят от того, какое место в духовной системе общества займут ориентиры, которые определяют мотивы предпринимательской деятельности. В настоящее время отношение к свободному предпринимательству в обществе неоднородно, требуется переход на новый уровень смыслов и ценностей, осознание роли и социальных функций предпринимательства в социально-экономическом развитии.

Качество институциональной среды предпринимательства и предпринимательский климат оцениваются различными международными организациями. В частности, по данным Всемирного Банка, в 2010 г. Россия заняла 143-е место среди 179 стран и отнесена в рейтинге к странам категории «преимущественно несвободные». Низкие оценки получают условия создания и ликвидации бизнеса, такие позиции, как «свобода от коррупции» и «свобода прав собственности». В докладе «Ведение бизнеса – 2013: разумный подход к регулированию деятельности малых и средних предприятий», подготовленном Всемирным Банком и Международной финансовой корпорацией (IFC), приведена иная позиция Российской Федерации в международном рейтинге (112-е место из 185). Вместе с тем, несмотря на определенные изменения, российскими и иностранными предпринимателями по-прежнему отмечаются административные барьеры и сложность взаимодействия с органами власти [8]. Анализ результатов исследований позволяет выделить две группы рисков, непосредственно влияющих на сбалансированное и гармоничное развитие института предпринимательства: содержательные и организационно-управленческие.

Содержательные риски связаны, во-первых, с особенностями жестко административистского подхода к реализации мер государственного управления в сфере предпринимательства со стороны органов исполнительной власти, а во-вторых, со спецификой сложившихся форм и методов влияния представителей бизнес-сообщества на реализацию региональной экономической политики. Сохраняется и традиционная ориентация органов власти субъектов РФ на формальное привлечение, но не вовлечение бизнес-сообщества к участию в экономической политике и принятию решений. В условиях достаточно большой дистанции в пространстве «бизнес–власть» как среди служащих, так и в бизнес-среде сложились негативные установки в отношении способности к конструктивному диалогу.

Низкое качество институциональной среды во многом обусловливается высоким уровнем коррупции и административных издержек бизнеса. Естественным вариантом трансформации институциональной среды является эволюция институтов под влиянием природных, производственных, политических, культурных факторов. При этом замена существующих институтов или их изменение, формирование новых проводится не на основе императивных методов, то есть институты не внедряются «сверху», а строятся «снизу». Институционализация предпринимательства представляет собой процесс становления новых, преобразования уже существующих институтов и замены неэффективных, изживших себя правил и норм, регулирующих предпринимательскую деятель-

ность. В отличие от этого естественного механизма изменения, которые произошли за последние годы в институциональной среде предпринимательства, носили не эволюционный, а директивный характер. Властные структуры, основываясь на принятой концепции социально-экономического развития, создают условия для институционализации предпринимательской среды. Необходимо отметить, что при директивном варианте организационно-правовые изменения не подкрепляются соответствующим социокультурным базисом. В результате видимое развитие институциональной среды оказывается лишенным социальной основы.

Понимание субъектами сущности происходящих социально-экономических процессов и событий позволяет не только определить наиболее оптимальный вектор их развития с учетом сложившейся институциональной среды, но и сформировать модель управления, наиболее адекватно соответствующую сложившимся социально-экономическим условиям и предполагающую проактивный подход к преобразованию имеющегося потенциала. Необходимость утверждения интенсивного типа модернизации предполагает увеличение роли предпринимательства в контексте определения приоритетов и стратегического вектора социально-экономического развития. Существует непосредственная связь между предпринимательским климатом, инновационной активностью и уровнем коррупции, при этом особый интерес представляет оценка предпринимательского климата как совокупности факторов, условий, ограничений и возможностей, оказывающих влияние на развитие малого и среднего бизнеса.

Среди факторов, определяющих успех и жизнеспособность предпринимательской деятельности, традиционно особое внимание уделяется взаимодействию с властными структурами (качеству государственной политики, эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере предпринимательства, характеру взаимодействия). Среди основных рисков и угроз, наиболее актуальных для ведения бизнеса, предпринимателями выделялись изменение общей экономической ситуации, угроза повышения налогов, рост тарифов, арендных платежей, приход крупных инвесторов.

Развитие предпринимательства непосредственно зависит от позиций самих предпринимателей, в частности от того, как они оценивают собственные возможности и возможности влияния на проводимую политику. Так, 68,4% респондентов считают, что предпринимательство не влияет и скорее не влияет на решения, принимаемые органами власти, что свидетельствует о недостаточно высоком уровне субъектности предпринимательства, степени влияния представителей бизнес-сообщества на процессы формирования и реализации проводимой экономической политики. На вопрос о способах взаимодействия бизнеса с органами власти 10,5% респондентов ответили, что ориентированы на личные контакты, 63,2% – на публичное и коллективное взаимодействие, 15,8% отмечают в качестве наиболее эффективного способа работу в консультативных и совещательных органах [8].

В настоящее время существуют различные формы и способы развития инфраструктурной поддержки предпринимательства. К ним относятся бизнес-школы;

агентства поддержки малого предпринимательства; региональные фонды поддержки предпринимательства; научно-технические парки; центры, бизнес-инкубаторы, учебно-деловые центры; лизинговые компании, кредитные союзы, а также маркетинговые, технологические, информационно-аналитические центры развития бизнеса. Для предпринимательства в системе поддержки бизнеса по степени важности на первом месте находится информационная и консультационная поддержка. На втором – финансовая помощь, помощь в получении кредитов. Третье место по значимости занимает аренда на льготных условиях. Четвертое – помощь в продвижении товаров, организация ярмарок и выставок. Неоднозначную оценку получили такие меры, как государственный и муниципальный заказ, бизнес-инкубаторы и технопарки, а также обучение населения предпринимательству (мнения респондентов в равных частях распределились между оценкой «наиболее важно» и «наименее важно»). Предпринимателями осознаются проблемы информационного обмена, потребность именно в информационных и консультационных мерах поддержки. Результаты исследования свидетельствуют о недостатках инфраструктуры легитимного влияния предпринимательства на принимаемые управленческие решения наряду с актуализированной потребностью в развитии форм и методов публичного и коллективного взаимодействия.

Государственная политика в отношении предпринимательской деятельности может быть эффективной только при условии, что она учитывает побудительные мотивы развития предпринимательства. Со стороны государства требуется прежде всего поддержка саморазвития и самоорганизации бизнеса, предпринимательской активности населения. Предпринимательство и институциональная среда – взаимосвязанные понятия, поэтому важен комплексный подход к развитию предпринимательской среды, ориентированный на изменение культуры взаимодействия в системе «общество – бизнес – власть», совершенствование методов государственного регулирования и расширение практики наибольшего благоприятствования, что требует формирования и развития новых компетенций как в органах власти, так и в предпринимательской среде.

Библиографический список

1. *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003.
2. *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.
3. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
5. *Луман Н.* Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
6. Теория и история экономических и социальных институтов и систем: структуры и институты. М., 1993. Т. 1, вып. 2.
7. *Штомпка П.* Социология: анализ современного общества. М., 2005.
8. Оценка предпринимательского климата в России. Индекс ОПОРЫ-2012. URL: <http://орога.ru/>

I.G. Smirnova
The Analysis of Managerial
Decision-Making Mechanism
in Agroindustrial Sector
as an Economic System

The article deals with the productivity of management in the agroindustrial sector which largely depends on the efficiency of managerial decisions. The efficient decision-making mechanism formation is analyzed. A scheme of managerial decision-making in the agroindustrial sector is proposed.

Key words and word-combinations: mechanism, managerial decision-making, agroindustrial sector.

Рассматривается результативность управления в аграрном секторе экономики, во многом зависящая от эффективности принимаемых управленческих решений. Анализируется формирование механизма, позволяющего принимать эффективные решения. Предлагается схема механизма принятия управленческого решения в агропромышленном комплексе.

Ключевые слова и словосочетания: механизм, принятие управленческих решений, АПК.

УДК 338.43
ББК 65.32

И.Г. Смирнова

АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ*

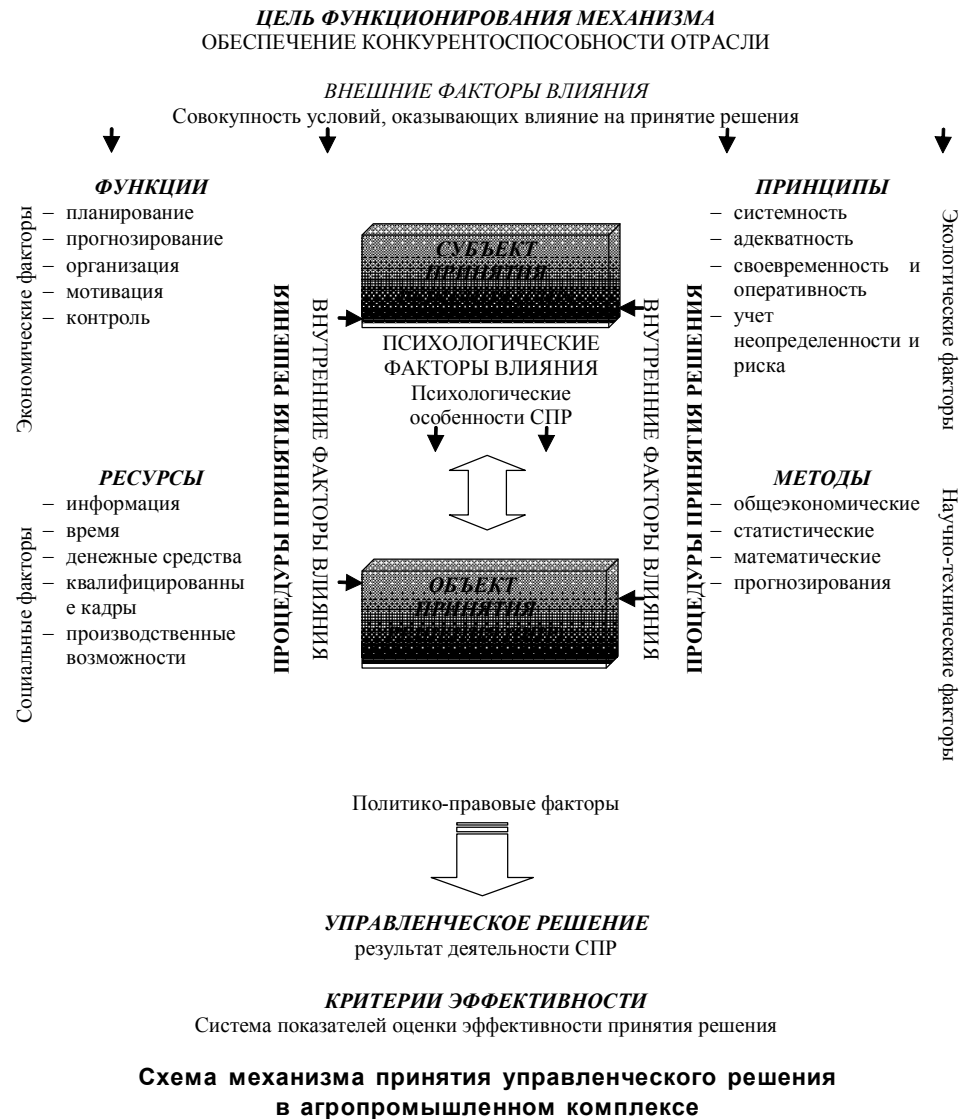
Результативность управления в аграрном секторе экономики во многом зависит от эффективности принимаемых управленческих решений. Совершенный механизм принятия управленческих решений способен обеспечить экономическую устойчивость агропромышленному комплексу.

Механизм принятия управленческих решений – это система элементов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой, которые создают условия для достижения поставленных целей посредством реализации заранее согласованных процедур принятия управленческих решений. Данный механизм учитывает целенаправленность действий субъекта, принимающего решения, совокупность принципов, определяет наиболее рациональные пути принятия управленческих решений, методы и средства, обеспечивающие достижение целей под влиянием факторов внешнего и внутреннего воздействия.

Структура механизма принятия управленческих решений в агропромышленном комплексе включает следующие элементы (рисунок).

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-12-29003).

Исходные элементы для формирования механизма принятия управленческого решения: цель, субъект принятия решений, объект принятия решений.

Цель функционирования механизма принятия управленческих решений в агропромышленном комплексе – обеспечение конкурентоспособности отрасли. Важнейшим фактором к достижению конкурентного преимущества предприятий и организаций АПК является оптимизация их деятельности посредством принятия эффективных управленческих решений.

Субъекты данного механизма – органы, имеющие полномочия принимать управленческие решения, с четко обозначенными местами в управленческой

иерархии и несущие ответственность за принятые решения. В России принята трехуровневая система управления агропромышленным комплексом, включающая федеральный, региональный и муниципальный уровни (перечисленные уровни относятся к государственному управлению АПК).

При принятии управленческого решения у субъекта возникают трудности по ряду причин:

– решения, принимаемые в АПК на разных уровнях управления, недостаточно согласовываются;

– в процессе принятия управленческого решения субъекту необходимо анализировать большое количество проблем, которые могут находиться в противоречии друг с другом;

– приоритеты непостоянны, поэтому важно отделять наиболее значимые проблемы от второстепенных;

– для сельскохозяйственного производства характерно возникновение непредвиденных, порой кризисных ситуаций.

Формирование механизма принятия управленческих решений предполагает реализацию управленческих функций, выделенных в рамках процедур процесса принятия решений: планирование, мотивация, организация, контроль. В ходе анализа проблемной ситуации выявляются факторы (и обосновывается их динамика), посредством которых становится возможным достижение желаемого результата, а также закономерности функционирования объекта управления. Важную роль при этом играет построение прогнозных моделей решения, расчет множества возможных вариантов решения для прогнозирования появления проблем в будущем и оценки возможных последствий принятия управленческих решений. Контроль за качеством принимаемых решений, их корректировка осуществляется на основе результатов оперативного прогнозирования.

Формирование эффективно функционирующего механизма принятия управленческих решений основывается на определенных принципах. Основопологающими принципами разработки и принятия управленческих решений в аграрной сфере являются: системность, адекватность, своевременность и оперативность, учет неопределенности и риска.

Принцип системности – принцип, согласно которому в процессе разработки и принятия управленческих решений в агропромышленном комплексе необходимо использовать системный подход: во-первых, рассматривая АПК как экономическую систему; во-вторых, учитывая такой фактор, как системность объектов, субъектов и критериев управления.

Принцип адекватности – принцип, в соответствии с которым необходимо обеспечить соответствие реализуемых процедур принятия управленческих решений особенностям современного этапа экономического развития страны и тем целям, которые поставлены на каждом уровне управления агропромышленным комплексом. Управленческие решения должны быть адекватны имеющимся возможностям их реализации, то есть учитывать реальные возможности экономики отрасли.

Принцип своевременности и оперативности предполагает своевременное доведение качественной информации до сельхозпроизводителей и потребите-

лей с целью оперативного принятия правильных управленческих решений в режиме реального времени.

Учет неопределенности и риска – еще один из основополагающих принципов принятия управленческих решений в агропромышленном комплексе. Понятие неопределенности трактуется как недостаток или неточность информации об условиях реализации решения [1, с. 186]. Разновидностью неопределенности является риск, который, в свою очередь, предполагает, что наступление событий вероятно и может быть определено [2, с. 189].

В неразрывной связи с принципами находится методическое обеспечение, выполняющее определяющую роль в работе механизма и состоящее в использовании методов принятия управленческих решений. Так как в рамках настоящего исследования нас интересуют методы, приемлемые для исследования аграрной сферы, являющейся сложной экономической системой, то целесообразно рассмотреть классификацию методов исследования сложных экономических систем, а именно методов системного анализа. Системный анализ, представляющий собой совокупность научных методов и практических приемов в процессе разработки и принятия управленческих решений в АПК, – весьма эффективный инструмент. При подготовке управленческого решения системный анализ может использоваться для решения всех актуальных проблем развития АПК и на любых уровнях управления.

Данная классификация включает три группы методов: общеэкономические, статистические, математические.

Общеэкономические методы используются на всех этапах разработки и принятия управленческих решений: постановки задачи, формирования и выбора решения, реализации выбранного решения – и позволяют выявить основные факторы и определить их влияние на изучаемые процессы и направления развития исследуемой системы. Экономический анализ дает возможность сопоставления преимуществ и недостатков того или иного варианта решения, оценки вклада каждого производственного элемента в общий результат и вследствие этого способен определить эффективность решения расчетными, количественными методами [3, с. 15]. Применение общеэкономических методов разработки и принятия управленческих решений позволяет обеспечить обоснованность, комплексность решения, с учетом всех факторов, влияющих на реализацию его выполнения. К общеэкономическим методам относятся: метод сравнения, индексный метод, балансовый метод, метод арифметических разниц, инструментальный метод и другие.

При исследовании развития аграрной сферы широкое распространение получили статистические методы, реализуемые путем сбора, обработки и анализа статистических данных, не только полученных в результате реальных действий, но и выработанных искусственно, путем статистического имитационного моделирования [4, с. 188]. К статистическим методам относятся методы статистического наблюдения, средних и относительных величин, обработки рядов динамики, имитационное моделирование экономических процессов и ситуаций принятия решений.

В практике управления агропромышленным комплексом в современных ус-

ловиях нашли отражение и математические методы, а именно методы оптимального программирования, методы исследования операций и принятия решений. Важную роль в группе математических методов играет экономико-математическое моделирование. Моделирование – это исследование процессов посредством создания моделей объектов (модель от лат. *modulus* – образец, изображение, образ). Математическая модель есть приближенное описание какого-либо процесса посредством математической символики. Спектр применяемых моделей весьма широк: оптимизационные и имитационные, линейные и нелинейные, динамические и статистические модели. Выбор конкретной математической модели определяется характером решаемой проблемы и целью исследования. Математические модели используются с целью проведения экспериментов, которые невозможны с самими изучаемыми объектами. Возможность использования моделей в процессе разработки и принятия управленческих решений объясняется тем, что практически все управленческие решения связаны с конкретным набором количественно измеримых величин, которые характеризуют объект управления, а также внешнюю среду объекта. Отметим, что результаты математического моделирования не всегда следует использовать как готовые управленческие решения, в большей степени их стоит рассматривать как «консультирующие» средства.

Изучение закономерностей развития агропромышленного комплекса и его управление нельзя произвести только одним методом. Нужна комплексная методика – совокупность методов и приемов, которые зависят от целей и аспектов исследования. Важно, чтобы используемые методы не входили в противоречие друг с другом, а являлись взаимодополняющими, тем самым обеспечивая обоснованность готовящегося решения. Гармоничное сочетание всех методов – важнейшее требование эффективного управления экономическими системами.

Любое управленческое решение разрабатывается и принимается в условиях одновременного влияния значительного числа факторов. Под факторами в исследовании следует понимать все то, что оказывает причинное воздействие на эффективность управленческого решения. Влияние факторов неоднозначно (как положительное, так и негативное), их учет, своевременный и достоверный анализ определяют качество решения.

Составить полный перечень факторов, которые необходимо учитывать в процессе принятия управленческих решений, практически невозможно. Условно их можно разделить на две группы: психологические факторы и факторы среды принятия управленческого решения.

К группе психологических факторов относят то, что вносит конкретный человек в процессе разработки и принятия управленческого решения в зависимости от личностных качеств, способностей, мотивации, опыта, культуры, социальной ответственности, компетентности и т.д.

Факторы среды принятия управленческого решения делят на внутренние и внешние. К внутренним факторам влияния относят ресурсы, т.е. совокупность средств, используемых в процессе принятия решения, а также систему управления. К ресурсам относятся: информация, денежные средства и время, необходимые для подготовки и принятия управленческого решения; производствен-

ные возможности (техническое оборудование и квалифицированные управленческие кадры для разработки и реализации решения). К внешним факторам, оказывающим непосредственное влияние на функционирование системы АПК, поведение субъекта, принимающего решение, и, соответственно, сами решения, относят: экономические, политико-правовые, социальные, экологические, научно-технические факторы.

В механизм принятия управленческого решения также включается само управленческое решение как результат действия механизма. Кроме того, при принятии любого решения должна проводиться оценка его эффективности, поэтому очень важно включить в механизм систему показателей оценки эффективности принятия решения.

Совершенный механизм обеспечивается только наличием всех элементов системы. Его создание позволит достичь намеченных целей и успешно решить основные задачи АПК.

Библиографический список

1. *Литвак Б.Г.* Разработка управленческого решения. М., 2001.
2. *Лифшиц А.С.* Управленческие решения: учеб. пособие. М., 2009.
3. *Соколов И.Д.* Совершенствование методов принятия решений в системе управления АПК: учеб. пособие. М., 1987.
4. *Смирнов Э.А.* Разработка управленческих решений: учебник для вузов. М., 2002.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

I.A. Doroshin
Civilizational “Rift”
of the Volga Region:
Conflict Prevention
and Dialogue Space

The current change of the level of integration and disintegration by ethnic and religious parameters topical for the Saratov Region is studied. The migration processes of a new level of complexity arising due to network technologies, as well as education problems are analyzed.

Key words and word-combinations: religion, civilization, extremism.

Рассматривается актуальное для Саратовской области изменение уровня интеграции и дезинтеграции по конфессиональным и этноконфессиональным параметрам. Анализируются миграционные процессы нового уровня сложности, возникшие благодаря сетевым технологиям, а также проблемы образования.

Ключевые слова и словосочетания: религия, цивилизация, экстремизм.

УДК 1:316(470.44)
ББК 60.033(235.54)

И.А. Дорошин

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ «РАЗЛОМ» ПОВОЛЖЬЯ: ПРОФИЛАКТИКА КОНФЛИКТА И ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА*

Исходя из анализа Концепции национальной безопасности РФ и Доктрины информационной безопасности РФ духовно-информационную безопасность можно определить (по аналогии с определением Доктрины) как состояние защищенности национальных интересов России в духовно-информационной сфере, совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства. Тем не менее влияние религиозного фактора на состояние духовно-информационной безопасности российской цивилизации по большей части недооценивается. Из угроз духовно-информационной безопасности России проистекают *задачи и методы ее обеспечения*, практически совпадающие в Концепции и Доктрине: за-

---

* Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01216.

щита и использование культурного, духовно-нравственного наследия народов России и защита и сохранение русского языка в качестве фактора духовного единения народов России и СНГ и т.п.

Но защита того, что воспроизводится на уровне базовых общностей, упирается в проблемы этих общностей. Большинство из них находятся в довольно плачевном состоянии: ослабляются связи, в упадке семейные и иные ценности, фиксируется демографический спад: «В современном мире действует правило, согласно которому благополучие одной страны с необходимостью достигается благодаря ресурсной базе других стран. Чаще всего эту тенденцию выражают отношения, которые складываются между развитыми и развивающимися странами» [1]. Конечно, обычно речь идет об ископаемых дарах природы, но не меньшим даром, обращенным в ресурс, оказываются социальные общности, сложившиеся в них отношения. При этом еще одна особенность разговора о ресурсах – это обращение к цивилизационным схемам. Интересно, что во многом базовые представления элит, в том числе и российской, малорелигиозной по сути, сформированы западными концепциями. Не в последнюю очередь – это идея «конфликта цивилизаций» С. Хантингтона. Он разделил мир на восемь борющихся и сталкивающихся цивилизаций. Россия определена как осевая страна православной цивилизации. И отношение к Русской Православной Церкви, и актуальная самооценка РПЦ в некоторой степени, как это ни странно, происходят тоже из философских идей Хантингтона [2, с. 25]. Протоиерей Всеволод Чаплин формулирует «Пять постулатов православной цивилизации» [3], кроме всего прочего, помогать традиционным религиям – это обязанность государства. Однако в России есть альтернативные взгляды, пример тому – работа В. Можегова «Почему Хантингтон ошибся с православной цивилизацией?» [4]. Но так или иначе, концепции взаимодействия цивилизаций задают определенный терминологический ряд, уводя к субъективному восприятию автора. При этом, конечно, делаем вид, что Хантингтона не принимается или принимается критически. Делаются попытки, используя магически действующие сочетания слов концепции, дать характеристику ситуации в конкретном регионе.

Положение Саратовской области на пересечении двух религиозных цивилизаций – православной и исламской – делает изменения в регионе прецедентными. Саратовская область также находится в зоне интересов западной цивилизации, в том числе из-за протяженной границы с Республикой Казахстан, солидной истории волжских немцев, да и просто как студенческий город. Показательны масштабные мероприятия с 18 по 20 июля 2013 г., посвященные 250-летию издания Манифеста Екатерины II «О приглашении иностранных поселенцев» и 90-летию Государственного исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе, на которые планировались приглашения в адрес В. Путина и А. Меркель.

История ситуации за последние три года показывает стабильность на фоне других регионов России. Е. Чекулаев, в прошлом начальник Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД по Саратовской области, утверждает, что «в основном саратовские экстремисты сидят в Интернете... один был недавно

осужден за высказывания, несколько дел расследуется в настоящее время» [5]. Уровень скрытой социальной напряженности, конечно, в области достаточно высок. В ряде районов отмечаются проявления мигрантофобии, косвенно связанной с религиозным фактором. Как показывают результаты постоянного мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений (вплоть до поселкового уровня) комитета общественных связей и национальной политики Правительства Саратовской области, основной причиной снижения терпимости является неэффективное регулирование рынка труда, формирование негативных ожиданий (угроза потери рабочих мест) у коренного населения, этнокультурные различия между иммигрантами и принимающей стороной (различные нормы поведения, совместного проживания [6]), более высокие темпы роста самосознания ряда этнических групп по сравнению с русскими, что само по себе является источником ксенофобских настроений среди населения. Также можно констатировать устойчивое формирование «разделенного рынка» и разделенного хозяйствования. Российская молодежь обладает низким иммунитетом к национализму, а откровенно националистические призывы и лозунги стали заметным атрибутом социального пространства [7, с. 22], профилактика экстремизма усложняется из-за необходимости присутствия в социальных сетях, твиттере, блогах и т.д. пропорционального активности экстремистски настроенных акторов.

Существуют два направления осложнения профилактики экстремизма в Саратовской области: миграция и радикализация. Последняя происходит, во-первых, за счет молодежи семей «этнических» верующих, которые не практикуют религию. Во-вторых, ряды фундаменталистов пополняют обитатели социальных сетей, например «кибермусульмане» [8]. Третья группа риска – новообращенная молодежь, как известно ригористически настроенная, не терпящая полумер и полутонов, легко становящаяся объектом рекрутинга через сеть в экстремистские группы. Невысокий уровень терпимости по отношению к мигрантом, является серьезным фактором риска. Например, первые переселенцы-дунгане появились в Ровенском районе в 2004 г., в количестве около 30 человек, в 2005 г. – 180 человек, в 2007 г. – 300, в 2008 г. – 900 дунган прибыли на заработки, 2009 г. – приехали 670 человек и т.д. Таким образом, это самая активная группа переселенцев. Перспектива напряженных отношений с дунганами объяснима различием культурного горизонта, например неготовностью российской школы и педагогов к обучению подрастающих дунган. Пока ситуацию сдерживает высокий уровень терпимости самих дунган.

Результатом миграционных процессов стало также ослабление в количественном соотношении ханафитского и шафиитского мазхабов относительно тех, кто не придерживается определенной школы. Традиционный ислам оказывается беззащитным перед практиками виртуализации религии. Виртуальное пространство и новые технологии плохо освоены старшим поколением лидеров мусульман России. Карт-бланш оказывается в руках последователей направления салафии в исламе. Единственным противовесом сегодня является достаточно проблемная виртуализация суфистских практик, распространение влияния кибершейхов. Практика совершается онлайн, в том числе через чтение пропо-

веди и совместную молитву в «кибермечети». Для сравнения – 3D-модели христианских церквей остаются лишь ознакомительными экскурсионными материалами в сети, поскольку практика таинств в традиционных церквях немислима онлайн и совершается только в реальном храме. Ислам в целом оказался беззащитным перед виртуализацией благодаря десакрализации практики и властных отношений. В группу риска попадают новообращенные (неофиты), максимально «заряженные» социальным протестом. Ситуация, как правило, осложняется разрывом с социальной общностью.

Из западных исследовательских проектов импортирован интересный концепт, призванный подчеркнуть социальный протест «мы / чужие» в среде распространения исламских представлений о социальной реальности – «исламизм». Сам термин якобы подчеркивает, что речь касается не ислама, а «исламизма» – фундаменталистских общностей, не укорененных в традиции. Употребление концепта в аналитических целях достаточно сомнительно и вызвано к жизни западными концепциями цивилизационного развития, порой не менее фундаменталистскими в истоке. Тем не менее, если и рассуждать о некотором цивилизационном «разломе», то, несомненно, концепт «намекает» на некоторые трещины в едином социальном пространстве. Но на территории области вся история вопроса ограничивается осуждением члена запрещенной в России организации «Хизб ут-Тахрир», жителя г. Балашова Вячеслава-Саида Панина в 2006 г. [9], ликвидацией в 2012 г. в с. Луговском Ровенского района А. Турдыева [10], активизацией в 2012 г. в сельских приграничных районах деятельности фундаменталистского движения «Джамаат Таблиг» (действующего по принципу «от двери к двери», отработанному в новых религиозных движениях), а также изъятием литературы. Впрочем, единичность случаев и видимое отсутствие всякой системы свидетельствует об обратном – в сравнении область вполне благополучна.

Кроме традиционных проблем с «нетрадиционными» религиями опасностью для Саратовской области в ближайшем будущем остаются «тренинги личностного роста» (психокульты), третья волна применения методов контроля сознания (наряду с «религиозными» и коммерческими культурами-пирамидами). Прогнозируется, что наращивание стихийных экстремистских выступлений возможно по принципу флэш-моба, опробованного в Тюменской («зомби-моб») и Пензенской (работа сетевой группы «Русский спецназ» и др.) областях, а также в Москве.

Основная проблематика экстремизма касается расширения масштабов деятельности экстремистски настроенных лиц, групп и объединений по разжиганию межрелигиозной и межнациональной вражды за счет новых технологий (социальные сети, флэш-моб, киберрелигиозность и т.д.). В Саратовской области эта тенденция осложняется протяженной границей и привлечением зарубежной рабочей силы, в том числе из регионов традиционного распространения ислама. Следствие этого – обострение межэтнических и межрелигиозных отношений – питательной среды для расширения деятельности экстремистов. Практика применения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» показывает, что наиболее слабым местом в его реализации

является организация взаимодействия заинтересованных федеральных органов. Так, в содержании Закона имеются недостатки, снижающие эффективность работы. Недостаточно четко разграничены понятия «экстремистская» и «террористическая» деятельность, не определен основной субъект борьбы с экстремистской деятельностью, не указан перечень сетей связи общего пользования, применение которых для осуществления экстремистской деятельности запрещено (например, сеть Интернет к средствам массовой информации не отнесена), существует конфликт с Законом о библиотечном деле.

Учитывая специфику Саратова как студенческого города, необходим акцент на сотрудничество с высшими учебными заведениями и молодежными объединениями. Научно-исследовательской темой Саратовского госуниверситета как национального исследовательского вуза стали «Риски социальных систем» – проблематика, сформулированная В.Б. Устьянцевым [11, с. 63]. Основная профилактическая задача – выявить и предупредить совершение преступлений экстремистского характера со стороны учащихся. В большинстве своем, уже будучи школьниками, они отрицательно относятся к таким явлениям, как экстремизм [12]. В основе такого отношения – отторжение жестокости, понимание недопустимости вторжения в личную жизнь человека, но такая позиция не является устойчивой. Ценностные ориентации студентов часто допускают силовые методы влияния. Толерантность саратовской молодежи по отношению к религиозным группам гораздо выше, нежели к национальным. Это может объясняться сравнительно низкой институциональной включенностью молодежи в религиозную жизнь и частыми повседневными контактами с мигрантами.

Направления работы по предотвращению конфликтов можно представить следующим образом: укрепление межнационального согласия, межрелигиозных и межконфессиональных отношений, достижение взаимопонимания и взаимного уважения в вопросах межэтнического и межкультурного сотрудничества, изучение экстремистских проявлений этнорелигиозного характера на территории области, повышение уровня межведомственного взаимодействия по профилактике экстремизма, привлечение учебных заведений, негосударственных структур, в том числе СМИ и общественных объединений, к обеспечению максимальной эффективности деятельности по профилактике экстремизма, проведение воспитательной, пропагандистской работы с населением области, направленной на предупреждение распространения экстремистских идей, а также инициирование научных исследований в указанной области.

Воспитательная работа также предполагает несколько направлений. Во-первых, наиболее остро, «по-уличному», проблема проявляется в учреждениях среднего специального образования. Именно здесь в первую очередь необходим минимум профилактики, который может позволить себе любая администрация учебного заведения – проведение дней национальных культур области. При этом все расходы на костюмы, угощение, знакомство с национальной кухней и т.д. представители национальных объединений часто готовы взять на себя. Показателен положительный опыт презентаций региональным отделением Всероссийского межнационального союза молодежи национальных культур на территории этнографического комплекса «Национальная деревня народов Сара-

товской области». Интересно, что национальные и конфессиональные особенности могут не только дополнять друг друга. Возможно, стоит опираться на взаимный контроль этих двух программ поведения.

На территории области также используются иные формы работы: организация и проведение дней национальных культур, областных конкурсов, программ и проектов в сфере профилактики экстремизма в подростковой среде, областных семинаров, круглых столов с участием представителей традиционных религий, национальных объединений, руководителей учебных заведений по проблемам укрепления духовного здоровья в обществе, организация обучающих семинаров для муниципальных служащих Саратовской области по профилактике экстремизма, совместно с кафедрой теологии и религиоведения, а также общественными консультантами из числа духовенства традиционных конфессий. Кроме того, проведение областного конкурса программ и проектов в сфере профилактики экстремизма в подростковой среде и их внедрение через деятельность детских и молодежных организаций, проведение в образовательных учреждениях области круглых столов по разъяснению основ законодательства в сфере межнациональных отношений и т.д.

Таким образом, «лекарством» от экстремизма оказывается образование. Однако следует помнить, что всякое лекарство – это жертва. Это хорошо понимали в Византии, где для того и другого использовали одно слово – «фармакос». Вопрос о том, чем готовы пожертвовать религиозные общности, пока остается открытым.

Качественный «разлом» пространства диалога наблюдается в виртуальном мире Поволжья. Это связано не только с яркими противостояниями и словесными баталиями в сети, где участники общения довольно странным образом преодолевают защищенность уютных персональных компьютеров, выходя в сеть с довольно агрессивными сообщениями. Речь идет и о специфических сетевых рисках религиозного поведения, виртуализации социальных угроз, география которых ограничена только языковыми практиками.

Итак, актуальным для Саратовской области стало изменение уровня интеграции и дезинтеграции по конфессиональным и этноконфессиональным параметрам. Это связано с миграционными процессами нового уровня сложности – информационного (вне рамок национальной экспансии, ризоматические направления которой не поддаются классическому анализу), возникшими благодаря сетевым технологиям, а также проблемами образования – противоречивыми нормативами «наследий» при ценностной дезадаптации в условиях постсовременности.

Библиографический список

1. Орлов М.О. Социально-политические факторы динамики глобальных процессов. Власть. 2008. № 8. С. 84–88.
2. Себенцов А.Е. Религиозные факторы в модернизации России // Социальные функции религии в условиях модернизации общества: XXI век. М., 2011.
3. Политический класс. 2007. № 2 (26). URL: www.blagovest-info.ru
4. Можегов В. Почему Хангтингтон ошибся с православной цивилизацией? URL: www.russ.ru

5. Евгений Чекулаев дал правовую оценку лозунгу «Россия – для русских». URL: http://www.vzsar.ru/print/news/evgeniy_chekulaev_dal_pravovuyu_ocenku_lozungu_rossiya_-_dlya_russkikh
6. Лиценбергер О.А. Межнациональная ситуация в Саратовской области в восприятии молодежи // Вестник ПАГС. 2013. № 1. С. 65–68.
7. Романов М., Степанов В. Беспорядки на Манежной площади в восприятии молодежи // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга, 2010 г. / под ред. В. Тишкова, В. Степанова. М., 2011.
8. Сибгатуллин А. Исламский Интернет. Москва; Н. Новгород, 2010.
9. URL: <http://i-r.ru>
10. В Ровенском районе ликвидирован потенциальный боевик. URL: <http://www.om-saratov.ru>
11. Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А. Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2010.
12. Профилактика экстремизма. URL: <http://yalschool3.ru/pages/profilaktikaekstrimizma.html>

M.V. Demidova
Measurement Units and the
Liquidity of Symbolic Capital:
Socio-Philosophical Approach

The socio-philosophical analysis of measurement and liquidity units of symbolic capital is presented. The analysis is based on dialectical, axiological, functional, targeted, and civilizational approaches, and the method of ascension from the abstract to the specific. New characteristics of functioning, advantages of existence, and perspectives of development of symbolic capital are identified.

Key words and word-combinations: symbolic capital, measurement unit, liquidity, social stratification.

Представлен социально-философский анализ единиц измерения и ликвидности символического капитала. Анализ проведен на основе диалектического, аксиологического, функционального, целевого и цивилизационного подходов, метода восхождения от абстрактного к конкретному. Выявляются новые характеристики функционирования, преимуществ существования и перспектив развития символического капитала.

Ключевые слова и словосочетания: символический капитал, единица измерения, ликвидность, социальная стратификация.

УДК 1:316
ББК 60.00

М.В. Демидова

ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ
И ЛИКВИДНОСТЬ
СИМВОЛИЧЕСКОГО
КАПИТАЛА:
СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Автор понятия «символический капитал» французский философ и социолог конца XX в. Пьер Бурдьё определил его как «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы в той же мере, в какой сам производится ей» [1, с. 231]. Через некоторое время американский исследователь Э. Тоффлер назвал «символическим капиталом» капитал информационный; в широком смысле – это знания, отождествляемые с богатством [2, с. 87–89]. Возникновение новой символической формы капитала связано с изменением характера труда в период с конца XX в. по настоящее время. Сегодня

труд все более интеллектуализируется, в его основе лежит в большей степени культурно-знаниевая деятельность, а не физическая, ставшая основой для объяснения закономерностей функционирования капитала К. Марксом. Единицы измерения и ликвидность (способность обращаться в деньги) капитала в интерпретации К. Маркса обусловлены физическим трудом и материально-имущественным накоплением.

В настоящее время научный интерес представляют вопросы: каковы единицы измерения и ликвидность капитала символического и как он функционирует? В чем состоят преимущества его существования и перспективы развития?

Прежде чем приступить к изучению единиц измерения символического капитала, следует обратиться к традиционной единице измерения капитала – **деньгам**, а также их роли в его функционировании.

Исторически деньги возникли на ранних стадиях развития общества в качестве материального посредника в отношениях товарного обмена. Деньгами выступали металл, скот, зерно в соответствии с их количеством, измерившимся в определенных единицах величины веса, объема [3]. Впоследствии вместо реального материально-имущественного обеспечения торговых сделок стали использоваться их обозначения, зафиксированные сначала на монетах, а потом на бумаге. Символические бумажные, то есть фиатные деньги, не имеют самостоятельной стоимости, а лишь выполняют функции первоначальных материальных денег [4]. Сегодня все большее распространение получают символические цифровые, или электронные, безналичные деньги, имеющие ту же функцию, считываемые терминалами с электронных карт.

Также в 2010 г. появился совершенно новый вид денег – виртуальная криптовалюта, ценность которой информационная, не имеет отношения к реальным товарам и появляется в результате ее обмена на другие валюты. Особенность криптовалюты – полная анонимность продавцов и покупателей, а соответственно, невозможность контроля участников товарно-денежного процесса [5].

Причина трансформации материальных денег в их символические эквиваленты – в большей ликвидности последних, то есть в мобильности и подвижности денежных преобразований. Деньги, которые приносят дополнительные деньги, согласно К. Марксу, есть **капитал**. Капитал – это «стоимость, приносящая прибавочную стоимость» [6, с. 206]. Увеличение первоначальной стоимости денег и делает их капиталом. Согласно К. Марксу деньги – это «товар, который стихийно выделился из всей массы товаров и стал играть роль всеобщего эквивалента, выразителя стоимости всех других товаров; стоимость же денег – количество труда для создания этого товара» [6, с. 44]. Понятие «капитал», по К. Марксу, обусловлено социальными отношениями, которые вместе с движением вещей приводят к самовозрастанию капитала: «Капитал как самовозрастающая стоимость включает в себе не только классовые отношения, не только определенный характер общества, покоящийся на том, что труд существует как наемный труд. Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии <...> Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое» [7, с. 121].

Таким образом, главная функция капитала – преобразование. Материальное преобразование – основа капитала в интерпретации К. Маркса. Исследованию этого вопроса была посвящена его известная книга «Капитал», изданная в четырех томах в период с 1867 по 1910 г. В случае капитала в интерпретации К. Маркса происходит преобразование одного вида материально произведенного продукта в другой посредством денег.

Исходя из приведенных рассуждений можно выявить следующие особенности существования капитала и денег. *Специфика функционирования* материального капитала по К. Марксу строится на отношении «товар – деньги – товар». *Единица измерения* такого капитала – деньги, выступающие в качестве эквивалента стоимости товара. *Ликвидность* выражена в его возможности принесения прибыли в виде денег или имущества, имеющегося у его владельца. *Преимуществом существования* капитала, основанного на физическом труде, является материальное обеспечение денег в форме имущества: «капитал – это не вещь, а... производственное отношение, которое представлено в вещи... Капитал – это превращенные в капитал средства производства, которые сами по себе столь же являются капиталом, как золото или серебро сами по себе – деньгами» [8, с. 886–887]. *Перспектива развития* такого капитала – имущественно-материальное накопление и экономическое богатство.

Определившись с характеристиками функционирования **материального капитала** (как имеющего имущественно-материальную основу, или заработанного не интеллектуальным, а физическим трудом), в дальнейшем можно более четко отделить их от характеристик функционирования **символического капитала**.

Понятие «символический капитал» было сформулировано П. Бурдьё, который апеллировал к социальной природе этой формы капитала. Французский исследователь считал символический капитал основой существования архаического общества. В таком обществе человек обожествлял природу, а поэтому не относился к ней, как к объекту эксплуатации, корысти, расчета, конкуренции, что мешало развитию экономики. Социальное взаимодействие в таком обществе основывалось на **отношениях доверия**. Здесь даже отсутствовали деньги в современном понимании. Их заменяли взаимные услуги. Также отсутствовало разделение труда на прибыльный и неприбыльный, так как не было отношения между трудом и его продуктом. Капитал в экономическом смысле здесь присутствовал только как благодарность за хороший поступок, услугу. Отношения людей строились на взаимопомощи, что позволяло приобретать союзников и знакомых, за которых держались с помощью обязательств, долгов чести, прав, накапливаемых во времени с тем, чтобы реализовать их в нужный момент. Такие отношения П. Бурдьё назвал «экономика добросовестности», а стратегию накопления капитала чести и престижа – «символический капитал».

Но с точки зрения П. Бурдьё, символический капитал присущ не только архаическим, а также и другим, более современным, обществам, в которых есть

деньги, что означает и наличие товарно-денежных отношений. Наша современность – это время, когда экономический и символический капиталы неразрывно связаны: «добрая слава и демонстрация символической силы в виде солидных союзников... способна приносить материальные выгоды... Зная, что символический капитал – это кредит... легко понять, что демонстрация символического капитала... составляет... один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу» [1, с. 233–234].

Наряду с символическим капиталом П. Бурдьё выделяет еще три вида капитала: экономический, культурный и социальный. Но если какой-либо из этих капиталов имеет особое признание в обществе, он автоматически становится символическим.

В отличие от экономического символический капитал сложно измерить. Если стоимость земельного участка экономически может быть выражена в денежной форме, то его символическую стоимость сложно определить, если участок принадлежит знатной династии.

Социальная структура, по мнению П. Бурдьё, основана на характеристиках господства и подчинения. Он выделяет два социальных класса. Но это не капиталисты и рабочие в интерпретации К. Маркса, бравшего в качестве критерия общественного разделения количество денег у членов социума, а бизнесмены и интеллектуалы. Бизнесмены – те, у кого много экономического капитала, но мало культурного. Интеллектуалы – те, у кого много культурного, но мало экономического капитала. Между ними возможна борьба за господство. Она осуществляется на стыке полей разных видов капитала. В этой борьбе именно символический капитал является ключевым, так как только он имеет способность быть всеми видами капитала, если они имеют особое признание в обществе. Эту борьбу П. Бурдьё называет «полем власти», а власть этого поля – символической [10, с. 95]. «Символическая власть» – невидимая власть. Она позволяет конструировать реальность посредством символов как инструментов социальной интеграции, поэтому все идеологические системы П. Бурдьё относит к средствам господства. Систему социальных отношений он называет структурой поля, определяя ее в качестве образа жизни, происходящего из того или иного жизненного опыта конкретной социальной группы, что выражено в понятии «габитус».

Специфика функционирования символического капитала, с точки зрения П. Бурдьё, определяется отношением «услуга – доверие – услуга». **Единицей измерения** такого капитала является услуга как эквивалент доверия, стоимость доверия (или символическая выгода) зависит от количества и, главное, качества оказанной услуги. Услуга фиксируется участниками отношений на информационном уровне, то есть как знание об услуге. Результатом функционирования данного капитала становится доверие, выраженное в последующих услугах. **Преимущество существования** символического капитала – это его мобильность (по причине информационной природы его существования). В качестве **перспективы развития** символического капитала выступает информационное накопление, ведущее к символическому могуществу конкретного общества.

Не проясненной для нас остается тема **ликвидности** символического капитала. Если отталкиваться от экономического понимания ликвидности как способности превращаться в деньги, то в случае с символическим капиталом этот вопрос может быть сформулирован так: **как осуществляется процесс преобразования услуги в доверие?**

С позиций **цивилизационного подхода** к данной проблеме необходимо обратиться к современной социальной стратификации – контексту, в котором происходит преобразование символического капитала. Концепт таковой уже был представлен в предшествующей работе [11, с. 15–25]. Здесь стратификация общества осуществлена по принципу функционирования в нем символического капитала. Это дает возможность изучить основные принципы функционирования общества в условиях **символического капитализма** – «современного общественного устройства, осуществляемого на основе функционирования символического капитала. В **символической стратификации** такого общества выделяются **два базовых класса – символические капиталисты** (те, кто уже имеет символический капитал) и **символические рабочие** (те, кто его только начинают зарабатывать)» [11, с. 18]. Остальные классы – прекариат [12], когнитариат [13, с. 45], креативный класс [14], известные люди [15] – производные от двух первых. Эти новые классы возникли по причине все большей интеллектуализации труда, отличаются степенью адаптированности к современной социальной ситуации, очень подвижны, имеют свои закономерности социального взаимодействия и, главное, новую среду взаимодействия – информационную, сложившуюся на основе развития информационных технологий. В итоге складывается новое функциональное пространство – глобальное, а соответственно, и глобальное общество. Происходит переустройство социального порядка, принципов его организации и функционирования.

Одна из причин смены социальной структурированности современного цивилизационного пространства, по мнению современного философа В.Б. Устьянцева, – смена типов рациональности: «В классической рациональности... структурированность цивилизационного пространства ассоциируется с наличием географических, политических, культурных границ, образующих жизненное пространство отдельных народов. В постнеклассической рациональности при осмыслении пространства цивилизаций... применяется термин *жизнеспособные пространственные структуры*. <...> Жизненное пространство цивилизации мыслится как особый вид пространственных структур, объединяющий техногенные, социально-политические и ценностные элементы, способные к сохранению и развитию цивилизации» [16].

В контексте глобального цивилизационного развития социума формируется единое структурно-функциональное поле – информационное. Это ведет к размыванию в сознании людей физических географических границ. Вслед за изменением пространственных границ в сознании современных людей изменилось понимание социального взаимодействия и устройства. В нем приоритетными становятся символично-капиталистические характерис-

тики социального взаимодействия, способствующие сохранению и развитию цивилизации.

При рассмотрении **ликвидности** символического капитала с позиций **целевого и аксиологического подходов** на первый план выходят такие понятия, как «репутация» и «имидж», в качестве составляющих символического капитала. Репутация – это реальная ценностная характеристика субъекта, имидж – идеальная. Цель намеренного имиджирования субъекта – получение денежных и символических выгод. К ним относятся выгоды политического, социального, психологического, эстетического, религиозного и аксиологического характера. Иными словами, ликвидность символического капитала зависит от репутации и имиджа субъекта; чем большее доверие они вызывают, тем большими будут символические выгоды.

Выгоды могут быть **культурные и цивилизационные**. **Культурные** «воспитываются в этносе, включают в себя совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [17, с. 67]. К ним относятся выгоды аксиологические, эстетические, религиозные и психологические. **Цивилизационные** «складываются в результате социальной организации общественной жизни и культуры и характеризуются всеобщей связью индивидов или базисных социальных оснований в целях производства общественного богатства, обеспечивающего ее существование и прогрессивное развитие» [17]. К ним относятся профессиональные, социальные, политические и экономические выгоды.

Исследование ликвидности символического капитала в рамках **диалектического подхода определяет** следующие особенности:

1. На основе **закона перехода количественных изменений в качественные** увеличение количества доверия ведет к увеличению возможностей его применения.

2. **Закон о борьбе противоположностей** предопределяет переход владельцев символического капитала из одного класса в другой в связи с конкурентной борьбой символических капиталистов и рабочих как «борьбой кредитов доверия и недоверия, что является источником развития и самодвижения капитала и его владельцев» [11, с. 21–22].

3. **Закон отрицания отрицания** показывает взаимоизменяемость положительного и отрицательного символических капиталов. «Отрицательный символический капитал есть первое отрицание, или переход в свою противоположность. Второе отрицание, будучи отрицанием отрицания (например, отрицание неправды, ставшей причиной формирования отрицательного символического капитала), воспроизводит исходное состояние объекта (положительного символического капитала) на новой высшей основе. Происходит прогрессивное развитие символического капитала» [11, с. 21–22].

Применение диалектического подхода к исследованию ликвидности символического капитала позволило выявить качественные и количественные особенности его преобразования.

С методологической позиции **восхождения от абстрактного к конкрет-**

ному следует обобщить приведенный анализ и наиболее полно отобразить особенность преобразования символического капитала, то есть его ликвидность.

Ликвидность символического капитала зависит от его социального контекста, который основывается на символической социальной стратификации, осуществляемой в информационном структурно-функциональном поле, а также от репутации и имиджа субъектов социума. Чем большее доверие они вызывают, тем большими будут символические выгоды. Ликвидность имеет качественные и количественные особенности его преобразования.

Специфика функционирования символического капитала определяется отношением «услуга – доверие – услуга». **Единицей измерения** такого капитала является услуга как эквивалент доверия, его стоимость (или символическая выгода), определяется количеством и качеством оказанной услуги. **Преимущество существования** символического капитала – его мобильность. В качестве **перспективы развития** символического капитала выступает информационное накопление, ведущее к символическому могуществу конкретного общества.

Ликвидность символического капитала базируется на его социальном контексте; репутации и имидже субъектов социума; качественных и количественных особенностях его преобразования.

Любой капитал – это подвижная единица. Он дает прибыль, если участвует в экономическом процессе. Сущность капитала – функционирование, а главная функция – преобразование. В случае преобразования символического капитала возможности его владельцев увеличиваются, так как функциональные возможности капитала символического больше. Он может «приносить прибыль как денежную, так и символическую» [17, с. 69].

Однако, символический капитал не может существовать отдельно от материального, поскольку символический капитал без референтов, то есть его носителей, в качестве которых выступают социальные и производственные единицы, был бы равносителен существованию знака без референта, симулякра. В понятиях капитала – деньги без их обеспечения. Значит, такое общество – полная симуляция. Было бы правильнее рассуждать о формировании двух уровней общества: реального и символического (информационного). На каждом уровне есть свои закономерности функционирования, происходящие из физических или интеллектуальных характеристик трудового участия в жизни общества. Здесь деньги есть информационное выражение материально-имущественной и интеллектуальной сфер общества.

Обращение к выявленным здесь новым характеристикам функционирования символического капитала может способствовать оптимизации социальных, экономических, политических и культурных процессов и на локальном, и на глобальном уровнях, в частности, совершенствованию демократических институтов и процессов. Например, нивелированию информационных войн, основывающихся «на мифических конструкциях воздействия на массовое сознание» [18, с. 13]. Это возможно при апеллировании к вопросам доверия к источникам информации и осуществления деятельности.

Кроме того, обозначенные в ходе исследования характеристики символи-

ческого капитала могут быть применены при реализации программ российской национальной социокультурной политики. Например, посредством транслирования средствами массовой информации основных государственных социальных и культурных ценностей Российской Федерации возможно в перспективе активизировать национальное самосознание граждан в условиях символического капитализма. Большого эффекта возможно достичь, если данные ценности получают положительную оценку символическими капиталистами, то есть людьми, вызывающими доверие у населения. Результатом может стать общее социальное и культурное оздоровление нации, а также развитие демократически организованного общества.

Библиографический список

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2003.
3. Остальский А. Краткая история денег. М., 2008.
4. Менгер К. Основания политической экономии. [Гл.] 8. Учение о деньгах // Менгер К. Избранные работы. М., 2005.
5. Власов А.В. Электронные деньги и эволюционная теория происхождения денег // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 12 (31). С. 13–23.
6. Маркс К. Капитал. [Т.] I. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23.
7. Маркс К. Капитал. [Т.] II. Процесс обращения капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 24.
8. Маркс К. Капитал. [Т.] III. Процесс капиталистического производства, взятый вместе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25, ч. I.
9. Маркс К. Капитал. [Т.] III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25, ч. II.
10. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.
11. Демидова М.В. Социально-философские аспекты управления символическим капиталом // Инновации в науке: мат-лы XVI Междунар. заочной науч.-практ. конф. Ч. II. Новосибирск, 2013.
12. Голенкова З.Т., Голицева Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.
13. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2003.
14. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.
15. Гринин Л.Е. «Люди известности» – новый социальный слой? // Социс. 2004. № 12. С. 46–54.
16. Устьянцев В.Б. Пространство цивилизаций в контексте смены типов рациональности // Философия и общество. 2007. № 3. С. 81–98.
17. Демидова М.В. Символический капитал: социально-философский анализ // Социология, политология, философия и история в современном мире. Новосибирск, 2012.
18. Демидова М.В. Символическая власть и правящая элита: социально-философский анализ // Инновации в науке: мат-лы XIV Межд. заочной науч.-практ. конф. Ч. II. Новосибирск, 2012.

M.V. Usova
Network as a Marker
of Modern Society:
Socio-Philosophical Aspect

The polyphony of markers of modern society as a manifestation of its complexity and diversity of methodological approaches is considered. The author identifies major markers used in modern social and philosophical research practices. Particular attention is paid to the “network society” as a configuration of markers.

Key words and word-combinations: openness, marker, network society, networking crowd.

Рассматривается множественность маркеров современного общества как выражение его сложности и плюрализма методологических подходов. Выделены основные маркеры, используемые в социально-философских исследовательских практиках. Особое внимание уделено «сетевому обществу» как специфической конфигурации маркеров

Ключевые слова и словосочетания: открытость, маркер, сетевое общество, сетевая толпа.

УДК 1:316
ББК 60.02

М.В. Усова

СЕТЬ КАК МАРКЕР СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Термин «маркировка» имеет многообразные интерпретации и применения в современных социокультурных и исследовательских практиках. Маркировка (от нем. *markiere*, фр. *marquer*, англ. *marking* – отмечать, ставить знак) – нанесение условных знаков, букв, цифр, графических знаков или надписей на объект с целью его дальнейшей идентификации (узнавания), указания его свойств и характеристик. В нашем случае таким маркированным объектом выступает **современное общество**. Некоторое узнавание того, что имеется в виду, когда говорят «современное (нам) общество», действительно происходит, но оно сразу проблематизируется, поскольку не всякое существующее общество удостоивается этого знака, да к тому же на всяком ныне существующем обществе «стоит» несколько маркеров.

«Двусоставный» кластер понятия «современное общество» обязательно требует конкретизации, указания свойств и характеристик этого общества, дальнейшей маркировки, чтобы мы его «узнали» и поняли, о чем идет речь (а иногда и где мы живем). Эти маркеры общества представляют собой не только углубление исследования того, что «есть», но и фиксация многообразия, изменчивости, принципиальной открытости и незавершенности мира. «...Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди» [1, с. 223].

Ничего окончательного по законам рекурсивности систем не сказано и об обществе. Разговор продолжается. «Многоголосие» маркировки общества становится все более оживленным. Цель статьи: проанализировать это многоголосие, высказать обоснованные предположения о его составе, сущности и месте в нем такого маркера современного общества, как «сеть».

На наш взгляд, это связано с изменениями в области методологии анализа общества в гуманитарном и социально-философском знании, в частности с возникновением принципов полифонии и полиморфизма в понимании общества. Эти принципы имеют самое разнообразное воплощение в целом ряде доктрин и теорий, важнейшие из которых рассмотрим далее.

В 1930 г. вышла в свет знаменитая работа испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» [2]. По сути дела, именно с нее начинается маркировка современного общества как **массового общества**. В противовес формуле Р. Декарта «Я мыслю...» Ортега выдвинул формулу «Я есть Я и мои обстоятельства». Идея «жизненного проекта» привела его к необходимости понять «свои обстоятельства» именно как **массовое общество**, характеристику которого, не утратившую своего значения до настоящего времени, он дал.

Годом позже появилась еще одна важная для нас работа О. Хюсси-Розенштока «Прощание с Декартом». В ней он писал: «Мы, мыслители, существующие в ситуации после Великой войны (post-Wai thinkers), озабочены не столько вопросом о теоретически мыслимой сущности Бога или столь же отвлеченно понятыми законами природы, сколько вопросами сохранения и обновления **подлинно человеческого общества**, способного обеспечить выживание человека и человечности в будущем».

В отличие от маркера «**массовое общество**» Х. Ортеги-и-Гассета «**подлинно человеческое общество**» у О. Хюсси-Розенштока – желаемое, чаемое. Новый метод понимания и устройства общества он связывал с феноменом речи. «Общество живет речью, умирает в отсутствии речи» – такова формула этого мыслителя. «Сейчас и здесь мы живем в двойственном времени и двойственном пространстве. Мы говорим, чтобы не растерять себя в напряжении этого четырехугольника... Говорить – значит соединять жизнь в членораздельное единство, интегрировать ее и делать проще» [4, с. 72]. Эту интеграцию О. Хюсси-Розеншток выразил в метафоре «Крест реальности». Это позволило К. Гарднеру в предисловии к книге «Речь и действительность» назвать метод своего учителя «крестообразно-фундаментальным». Сам мыслитель называл свой метод «грамматическим», полагая, что современное общество держится на речевой **коммуникации**.

Еще в 1993 г. в журнале «Вопросы философии» вышла, а затем повторена в 1998 г. в книге, изданной под редакцией В.Л. Лекторского, статья В.Н. Махлина «Прощание с Декартом, или Крест реальности». В ней автор пишет, что О. Розенштоком-Хюсси предложена «радикальная перспектива преодоления – и вместе с тем обновления – картезианской “когитальной” самодетерминации, “аутизма” (А.А. Ухтомский), “за-смысленности” (М.М. Пришвин), самоотчуждения современного и постсовременного “Я” с его культом безличной и бесчеловечной истины, “подкупленной бытием” (Бахтин)» [5, с. 597].

Это преодоление предполагает переkreщение индивидуально-личной и социокультурно-исторической линий, что и образует «Крест реальности». Метафора «Креста реальности» важна для нового диалога в перспективе третьего тысячелетия в широких границах: «мир – система», «пост-книжный мир», «пост-экономическое общество», «пост-метафизическое общество» и многих других «пост-», а также «прото-» [6].

Мы остановились на этих двух заявленных еще в 1930-е годы социально-философских доктринах (Хосе Ортеги-и-Гассета и Ойгена Розенштока-Хюсси) потому, что в них ясно выражена общая для этого времени интенция – «прощание» с Р. Декартом и с проектом **модерна**. Это – указание (хотя и предварительное) на становление нового общества **постмодерна**, таких его маркеров, как **«коммуникация и массовость»**, слившихся позже в понятие **«средства массовой коммуникации»**.

Маркер **«общество коммуникации»** получил далее основательную разработку в трудах М. Маклюэна и Н. Лумана. Формула М. Маклюэна такова: «The medium is the message» (1964). Формула Н. Лумана звучит еще более радикально: «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» (1994) [7, 8].

Исследователи отмечают: когда вышедшая в 1967 г. книга М. Маклюэна «The Medium is the Message: An Inventory of Effects» появилась в продаже, многим показалось, что в последнем слове названия сделана ошибка. Однако, за счет смены одной буквы в слове «massage» появилось, как минимум, два новых смысла: «средство коммуникации как массаж» и «средство коммуникации **как век масс**» (mass age). Это важное наблюдение отсылает нас к анализу работы Ортеги-и-Гассета и позволяет высказать мысль о том, что маркер **«массовое общество»** достаточно фундаментален по своим последствиям.

Что касается **постмодерна**, то это весьма заметный маркер современного общества, споры вокруг которого не утихают, переходя в область культуры, журналистики, политики. Даже говорят об эпохе постмодерна, которая, начавшись, никак не завершается. Кроме того, «постмодерн» употребляется в самых разных контекстах, подходах, методологиях и модальностях.

Один из важных контекстов связан с различием и противопоставлением классической и неклассической рациональности, современной и постсовременной, критической и коммуникативной рациональности [9]. В рамках критической рациональности Карл Поппер написал труд (1945), посвященный маркеру **«открытое общество»**. Его основная формула: открытыми являются общества, делающие «пробы» в форме различных проектов, где есть риск ошибки. Невозможно заранее знать, что такое **хорошее общество**, поэтому необходимо выдвигать проекты его усовершенствования. Проекты могут оказаться неприемлемыми, но главное состоит в том, чтобы сохранялась сама возможность их пересмотра [10].

Еще один фундаментальный контекст маркера **«постмодерн»** связан с пониманием современного общества как **«модернизирующегося»**, **«транзитивного»** и, наконец, **глобального общества** [11, 12].

В нашей стране постмодерн имеет «негативную» репутацию, однако в роли маркера (или даже диагноза) используется широко, поскольку сейчас все более заметны тенденции к разрушению и деструктуризации коммуникативных связей, которые основаны на культурной идентичности [13]. Левая критика постмодерна, представленная, в частности, Ги-Эрнестом Дебором, добавила в социально-философское знание такой маркер, как **«общество спектакля»**. В 1967 г. Ги-Эрнест Дебор издал свой фундаментальный труд «Общество спектакля», в котором подверг критике современный капитализм, усиление роли СМИ и индустрии развлечений в современном обществе. Первый тезис его книги гласил: «Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение **спектаклей**. Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представлении» [14, с. 13].

Социально-философский труд Жана Бодрийяра «Общество потребления» (1970) вводит в число маркеров свой диагноз: современное общество – это **общество потребления**. Бодрийяр рассматривает потребление как цепную психологическую реакцию, направляемую современной магией, природа которой бессознательна. Потребление больше не связано с сущностью предметов, речь идет скорее об их отчужденных знаках, которые существуют лишь в связи друг с другом [15].

В кластер понятий маркера **«постмодернизм»** входит и понятие **постиндустриального общества**. Исследования в этом направлении неисчислимы и в известной мере результативны: в историческом, типологическом и социально-философском модусе. Одна из формул этого общества: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Поэтому такое общество маркируют и как **информационное общество** [16].

«Постиндустриальное общество – это поточное производство информации и услуг. Это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни. В нем класс технических специалистов стал основной профессиональной группой, и внедрение нововведений во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания» [17, с. 102].

Сравнивая доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное состояния как преимущественно естественную, технологическую и социальную формы человеческих сообществ, сторонники теории постиндустриального общества выделяют как ведущий фактор систему межличностных взаимоотношений, комплексные интерперсональные взаимодействия. Иначе говоря, это социальные **коммуникации**, как маркер, о котором речь шла ранее.

Следующий шаг в маркировке современного общества таков: это есть **«общество знания»**. Теории постиндустриального общества, информационного общества и общества знания представляют собой «родственные», в значительной мере междисциплинарные построения, основанные на уверенности в том, что качественные социальные трансформации в современ-

ном мире неразрывно связаны с новой ролью **информации, коммуникации и знания** [18].

Своеобразным маркером современного общества в рамках этой новой роли становится **«smart-общество»**, то есть общество умное и технологичное. Концепция этого общества в трудах его основателей (Ф. Махлуп, Т. Умесаро, М. Кастельс) весьма привлекательна, так что иногда используют парафраз: скромное обаяние «smart-общества» [19].

В ряде публикаций показано, что общество знания трансформируется в **общество риска**. Они даже противопоставляются: **общество знания vs общество риска**. Эти маркеры современного общества сейчас на пике тренда и основательно исследуются социально-философской теорией. Отметим, к примеру, что основной научной темой кафедры теоретической и социальной философии СГУ в рамках научной школы «Концепция и парадигмы социума в XXI веке» является «Методология рисковенных систем» [20].

В литературе и реальной социальной жизни фиксируется появление еще одного маркера информационного общества – **«виртуальное общество»**. В его структуру вплетены новейшие технологии, которые сегодня изменяют способы осуществления привычных социальных практик. «Эти компьютерно опосредованные способы не переносят общество и социальность в виртуальное (в смысле параллельного «реальному») пространство не-сущего, а инкорпорируются в систему общества, становясь в один ряд с привычными способами осуществления практик» [21, с. 50].

Однако это инкорпорирование учитывает, что виртуальная реальность является «порожденной» (продуцируется внешней активностью); «актуальной» (существующей здесь и сейчас); «автономной» (имеет свое пространство, время, законы) и «интерактивной» (взаимодействует с другими реальностями) [22].

Остановимся, наконец, на маркере **«сетевое общество»**. Сети являются очень старой формой социальной организации, переживающей свое второе рождение, поскольку они, по нашему мнению, претендуют на возможность объединения в связанное целое маркеров современного общества. Вместе с тем, сетевое общество – это «не модель успеха современности, скорее это *крайне общая характеристика* возникающей социальной структуры» [23, с. 558]. Поэтому вопрос о характере этого целого и природе его связности остается открытым для социально-философской рефлексии. «Исследование социального объекта дополняется изучением его сетевых эффектов. В то же время изучение сетевого общества оказывается привязанным к широкоформатному комплексному социальному исследованию, затрагивающему все значимые сферы и регионы социального бытия» [24, с. 70].

Сетевое общество создается сетями *производства, власти, опыта и коммуникации*. Они формируют новую *культуру виртуальности* в глобальных потоках современности. Особенно важно, с нашей точки зрения, указать на то, что сетевое общество имеет социомедийную конфигурацию, в которую вовлечены не только «господствующие» группы, но и массы.

Следовательно, можно говорить о маркере «социо-медийное массовое общество». Работа Х. Ортеги-и-Гассета, о которой уже упоминалось, должна быть снова оценена как весьма актуальная. Общество не перестало быть массовым, напротив, его «массовость» возросла [25]. Обычная толпа стала «сетевой толпой». Наступила новая фаза «восстания» масс, которая требует изучения, поскольку массы иначе, чем во времена Ортеги, структурированы, что несет с собой новые конфигурации рисков. На некоторые из них обратили внимание Ю. Хабермас в концепции новой информационной стратификации [26] и А. Шюц, который сконструировал в своем исследовании повседневности три идеальных типа: «эксперт», «человек с улицы» и «хорошо информированный гражданин» [27].

Подытоживая наши размышления, отметим, во-первых, что в области социально-философского знания об обществе и статусе тех или иных его «маркеров» нет позиции, из которой их можно было бы описать *обязательным для других* образом.

Во-вторых, эти маркеры-описания сосуществуют, причем в одном когнитивном пространстве социально-философского и социологического знания, но в разном когнитивном статусе: теория, концепция, подход, модель, идеально-типический конструкт, конфигурация. Каждое описание имеет свою историю, объяснительную силу, основателей, сторонников, научный и репутационный ресурс, риски абсолютизации или недооценки, представленность в научной сети и т.д.

В-третьих, различные описания современного общества в известном смысле конкурируют между собой. Однако конкуренция (и ее знак VS) все чаще сменяется кооперацией (и ее знаком & – амперсанд). Еще Р. Арон отмечал, что «легко дать абстрактное определение каждой формы социума, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является ли то или иное общество, например, архаическим или индустриальным» [28, с. 97]. Они часто сосуществуют и пересекаются, углубляя если не системность, то комплексность понимания общества. Такое комплексное описание само приобретает маркер «сетевое», «конфигуративное», а знание об обществе – статус сетевого знания.

В-четвертых, потеряв в «прощании с Декартом» своего традиционного и суверенного Субъекта, социальная философия имеет теперь дело с *координацией* различных методов и аналитических результатов (маркеров), которые обретают смысл благодаря нашему усилию понимания. Однако теория «сетевого общества» не получила пока особого статуса как системообразующая и существует наряду с другими теориями и во взаимодействии с ними.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
2. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевич. М., 2000.
3. Розениток-Хюсси О. Прощание с Декартом / вступит. ст. и пер. А.И. Пигалева // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 139–146.

4. *Розениток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 2008.
5. *Махлин В.Н.* Прощание с Декартом, или Крест реальности // *Философия не кончается...* Из истории отечественной философии, XX век: в 2 кн. кн. I: 20–50-е годы. М., 1998.
6. *Эпштейн М.Н.* От пост – к прото – Манифест протеизма. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/mikhail-yepshtejn/11285-ot-post-k-pto-manifest-proteizma.html>
7. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М., 2003.
8. *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2005.
9. *Фокина Т.П.* Размышления о современной методологии (три столба и два промежутка) // *Ученые записки: Профессорский выпуск: сб. науч. тр. Саратов, 2008. С. 95–117.*
10. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М., 1992.
11. *Гидденс Э.* «Ускользающий мир»: как глобализация меняет всю нашу жизнь М., 2004.
12. *Орлов М.О., Данилов С.А., Иванов А.В., Аникин Д.А.* Модернизация в глобальном мире: ценности и институты. Саратов, 2011.
13. *Орлов М.О.* Социально-политические факторы динамики глобальных процессов // *Власть. 2008. № 8. С. 84–88.*
14. *Дебор Г.* Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М., 1999.
15. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления / пер. А. Самарской. М., 2006.
16. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
17. *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // *The Public Interest. 1967. № 7.*
18. *Ефременко Д.В.* Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // *Вопросы философии. 2010. № 1. С. 49–61.*
19. *Месьяков В.С., Мамченко А.А.* Цикл трансформации когнитивного субъекта: Субъект, среда, контент // *Вопросы философии. 2010. № 10. С. 67–80.*
20. *Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А.* Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. проф. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2010.
21. *Грибов И.А.* Информационное общество: от виртуальной реальности к реальной виртуальности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 9 (23): в 2 ч. Ч II. С. 47–51.*
22. *Афанасьева В.В.* Тотальность виртуального. Саратов, 2005.
23. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
24. *Назарчук А.В.* Сетевое общество и его философское осмысление // *Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.*
25. *Фридман Т.* Плоский мир: краткая история XXI века. М., 2007.
26. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: очерки политической теории / пер. с нем. Ю.С. Медведева под ред. Д.А. Складнева. М., 2001.
27. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М., 2004.
28. *Aron R.* The Industrial Society: Three Lectures on Ideology and Development. N.Y.; Wash., 1967.

M.V. Feller
Stoicism: Philosophy as a Craft

The article aims to consider the stoicism's historical-philosophical analysis as one of the outstanding Greek thought manifestations. Certain aspects of stoic thought, such as subjectivism, the overall ethical orientation as well as simplicity expressing the idea of general availability of the doctrine are considered. Due to the three components as a whole stoicism appears to be a new philosophical doctrine focused on sensible identification of the main human priorities.

Key words and word-combinations:
 Λόγος, τέχνη, ethical philosophy.

Проводится историко-философский анализ стоического учения как одного из ярчайших проявлений эллинистической мысли. Рассматриваются такие аспекты стоической мысли, как субъективизм, общая этическая ориентация, а также простота, выражающая идею всеобщей доступности учения. В совокупности трех названных компонентов стоицизм предстает новой философской доктриной, задача которой состоит в разумном определении основных жизненных приоритетов человека.

Ключевые слова и словосочетания:
 Λόγος, τέχνη, этическая философия.

УДК 1(1-87)
 ББК 87.3(4/8)

М.В. Феллер

**СТОИЦИЗМ: ФИЛОСОФИЯ
 КАК ИСКУСНОСТЬ**

К концу IV столетия до н.э. раздробленная олигархическая Греция была собрана воедино Александром Македонским, что привело к созданию монархии. Само появление единого греческого государства имело фундаментальное значение как в политической, так и в социальной жизни греков, если не создав, то, по крайней мере, упрочив понимание единства греческого мира. В связи с этим исторический факт, что эта империя просуществовала всего несколько лет, не имеет определяющего значения, поскольку, по верному замечанию А.Ф. Лосева, «дух эллинистического монархизма, однако, не распался, а в дальнейшем только прогрессировал» [1, с. 9].

Согласно меткому выражению Хайдеггера «язык есть дом бытия» [2, с. 192], а потому любое существенное изменение в социально-политической жизни человека неминуемо ведет к изменению самого человеческого мышления. Так, во времена расцвета полисной Греции житель отдельного полиса, хоть и находился в среде значительного единообразия, языкового и мыслительного, все же достаточно четко осознавал свою особенность. И данная «особенность» весьма ярко проявила себя в так называемом аристократизме греческого духа. В его основании лежит признание идеи избранничества (отделенности), постулирующей в общем смысле истину, что не каждому дано иметь то, что дано иметь лучшим представителям.

Объединение всего множества греческих полисов в единое государство означало приведение всего единообразного к единоначальному, единому по духу и по закону. В

это время как раз и возникает учение Зенона Китийского, родоначальника стоической школы, чья мысль всецело занята поиском внутреннего единства всего сущего. И он находит это единство во всем: в природе всего существующего, целях всего разумно сущего, в соединении причин и следствий, слагающих судьбу мирового целого. Именно поэтому для стоицизма и оказалось настолько близко гераклитово учение о Λόγος, утверждающее принцип всеединства бытия. Однако в отличие от того же Гераклита само постижение сути всеобщего Λόγος дается стоику не за счет некоего над-человеческого откровения, но целиком исходит из внутренне присущей человеку способности разумения. И эта способность присуща всем и каждому, кто прилагает достаточно усилий для ее первоначального раскрытия и последующего активного пользования.

Провозглашение, с одной стороны, невмешательства божественного в «дела разума», а с другой – сущностного равенства (или подобия по сути) всех человеческих разумов сводит на нет саму идею избранничества. Всеобщее транснациональное равенство всех людей имело принципиальное значение для стоицизма, поскольку среди представителей школы всегда было большое множество уроженцев варварских (негреческих) народов [3, с. 537]. Философия классического эллинизма представлялась им чем-то индивидуально греческим, излишне усложненным и весьма далеким от понимания большинства людей. Собственно, стоическое учение теперь должно как раз отвечать всем этим требованиям, где простоту передачи смысла необходимо сочетать с точностью и непротиворечивостью формулируемой идеи. «Стоическая школа, – указывает Дильтей в «Науках о духе», – связывает упрощенную теологическую метафизику с идеей естественного права» [3, с. 537]. Во многом благодаря именно данной ориентации на всеобщее и все-доступное, учение стоиков смогло весьма успешно влиться в римское мышление, равно как и в само римское понимание государственности.

Римская государственность строилась на принципе *imperium* – принципе власти и подчинения. «Повеление, – отмечал Хайдеггер, – есть сущностная основа господства по-римски понятого “быть правым” и “иметь право”» [4, с. 94]. Господство, выраженное в «иметь право», создает понятия о правоте и правде, которые в своем основании имеют сущностное сходство с тем пониманием истины как правильности, которое появилось в философии периода высокой классики. Подмена «истины» «правильностью», произошедшая в античной философии, дает начало субъективизации (не в новоевропейском смысле «субъективности») мышления, которое, подчинившись методологии, становится порождающим.

Субъективная философия стоицизма оказалась для римского понимания сколь доступной, настолько же и полезной. Ее полезность исходила главным образом из того ее содержания, в сущности которого находилась система различных норм и предписаний, чье исполнение вело человека к достижению самых высоких жизненных целей. Вместе с тем знание о правильном целеполагании, то есть главным образом этическая часть стоицизма, подразумевало его не-вырванность из общего контекста учения. Высокая степень структурного единства учения отмечалась Сенекой: «Каждая черта в произведении так сплетена с другою, что невозможно что-либо изъять, не разрушив целого» [5, с. 61].

Большинство авторов стоической литературы ставили этику во главу триады «логика – физика – этика». К ним относятся и Зенон, основатель школы, и Хрисипп – второй учитель Стои. Именно такое расположение было принято в качестве школьной догмы, определявшей физику лишь как естественное проявление всеобщих законов. Ведь в их познании и открывается возможность прийти к правильному человеческому целеполаганию. Однако в то же время были и те, кто следовал в рассматриваемом вопросе Клеанфу из Асса и Диогену из Птолемаиды, видевшим в этике лишь пропедевтику физического знания. Возможно, в этом проявляется следование еще классической традиции находить в теологии высшее знание, касающееся целей всего космического существования. В дальнейшем же сторонников подобного взгляда на суть философского знания становилось все меньше.

С точки зрения стоика, основанием для правильного целеполагания является следование естественным (природным) законам. При этом все естественное изначально подчинено некоей внутренней космической логике, то есть причинно-следственным связям, а потому вполне понятно, что этику, основанную на физическом фундаменте, стоики полагали начинать с познания логических связей всего происходящего.

Во времена классической Греции истоком истинного знания признавалось нечто вне-человеческое (платоновская $\Gamma\delta\epsilon\alpha$) и над-человеческое (божественное). Само человеческое, и это касается в первую очередь всего чувственного, считалось некоей помехой в познании чистой истины. Разумеется, подобного рода приобщение ко всему вне- и над-человеческому было прерогативой исключительного меньшинства и носило характер закрытых групп, таких, как пифагорейский союз, академия (ориентировавшийся в значительной степени на тот же пифагореизм) и школа перипатетиков. Философ той эпохи больше напоминал жреца, обладающего мистериальным знанием.

Появление стоицизма стало определенной реакцией на существующее положение дел в философии. В результате происходил намеренный отход от всего вне- и над-человеческого с тем, чтобы утвердить самостоятельно человеческое, способное собственными силами породить истинное знание. Исходя из этого необходимо было принять в качестве основания гносеологии не-обманчивость чувственных данных. При этом не-обманчивость не имеет значения истинности, но в большей степени означает некую нейтральность (без-различие по отношению к истине) этих данных.

Онтология «вида» ($\epsilon\ \Gamma\delta\omicron\varsigma$) классического эллинского мышления выражала собой суть бытия, и потому довольно мало говорила о субъективности смотрящего, если вообще что-то говорила. Так $\epsilon\ \Gamma\delta\omicron\varsigma$ раскрывает присутствующее в его присутствии, а образованная от него $\Gamma\delta\epsilon\alpha$ означает не «смотреть» (как «я смотрю»), но «иметь (нечто) усмотренным». Человек предстает в роли исключительно принимающего некие внешние образы, а не производящего их.

Стоик же понимает зрение по аналогии с другим основным чувством – осязанием. Этот процесс устроен таким образом, что из глаз исходит поток пневмы в виде конусообразных лучей, с помощью которых исследуемый предмет как бы «освещается» и «ощупывается». После этого поток с данными возвраща-

ется и обрабатывается. По схожему принципу работают и остальные человеческие ощущения. В этом стоики видели первое, или даже изначальное, проявление активного начала – λόγος. Более того, любое ощущение есть «исход из» и «возвращение в» так называемое ведущее начало (τὸ ἄγεμονικόν [μέροσ τῆς ψυχῆς]) [6, с. 138]. Это ведущее начало представляет собой нечто такое, что, по выражению Хрисиппа, напоминает паука, сидящего в центре сплетенной им паутины. Оно призвано исполнять обязанность собирания, сверки и вообще исполнения всяческого рода контроля над всеми чувственными данными.

Понятие ведущего начала имело большую значимость для стоического учения в виду того, что лишь в нем определялась информативность всякого полученного «впечатления». Не-ложность, а с ней и не-истинность чувственных данных относилась в таком случае категориальное определение истинного и ложного лишь к уже обработанным данным, то есть к тем, о которых можно было высказать истинное или ложное суждение (ἐξιώματα). Суждение, в свою очередь, должно быть осмысленно, то есть содержать в себе определенный смысл (λεκτόν). Смысл определяется «впечатлением» и находит себя в суждении о нем. Суждение, таким образом, исходит из впечатления и является его смыслом, который заключен в символической словесной форме.

Осмысленное суждение формируется за счет акта «согласия» (συγκατάθεσις) ведущего начала с той смысловой данностью, которая содержится во впечатлении. Это наделяет ведущее начало столь необходимым ему материалом для построения силлогизмов. Следовательно, «согласие» есть то, что способствует построению силлогизмов, тогда как идущее за ним следом «схватывание» [смысла] (κατάληψις) обеспечивает выводы для этих силлогизмов.

Учение о «согласии» представляет собой, без преувеличения, центральную часть стоической диалектики. В отличие от «схватывания» «согласие» не подчинено всецело необходимости, но именно в нем выражает себя свободная воля человека. Его функционирование отвечает за принятие или отторжение того или иного «впечатления». Но не само «согласие» как функция, а его правильное применение ведет к познанию «истинного» как такового, что влечет за собой развитие представлений о благе как истинной цели всего познания. Напротив, злом считается всякое не-согласие с истиной (или согласие с не-истиной) без учета причины такого несогласия. «Властвовать над собой, – говорится в стоическом предписании, – значит властвовать над своими представлениями» [6, с. 148]. Именно здесь, в принятии истинного и отторжении не-истинного, содержится высшее проявление разумного начала (λόγος), ведущее человека от познания физических (естественных) законов к правильному целеполаганию.

Учение о правильном целеполагании представляет собой основу этики стоицизма. Рассуждая об этике, необходимо понимать ту смысловую нагрузку, которую несет сам греческий термин. Термин ἦθος несколько не исчерпывается одним только понятием о нравах или привычках людей, но изначально свидетельствует о человеке «в его отношении к сущему в целом и сущего в целом к нему» [7, с. 266]. Следовательно, этика есть учение о действительности как место-пребывании человека, или (в том же онтологическом смысле)

ле слова) о его жилище. Гносеология выполняет функцию предварительного обустройства этого жилища, где все, что окружает человека, должно быть дано в своей ясности и доступности. В этом смысле познание служит фундаментом или ориентиром правильного целеполагания как основы этического учения стоицизма.

Стремление к мудрости представляется естественным проявлением изначально присущей каждому первичной «склонности», поэтому стоики ведут речь об этой «склонности» как о некоем «узнавании» (что весьма схоже с платоновским «припоминанием») естественно полезного и естественно вредного – центральных ориентирах необходимого человеческого стремления. Изначально такая «склонность» дана в своей неразумной форме в качестве некоего слепого влечения. Но с развитием представлений влечение превращается уже в разумное движение к цели, ведь, по выражению стоиков, мудреца в первую очередь отличает не «что» он делает, а «как». В конечном итоге мудрецу становится доступна жизнь в полном согласии с природными установлениями.

Однако картина будет неполной, если не определить само понятие природы. Первоначальное понимание φύσις, существовавшее вплоть до Аристотеля, не определялось одним только проявлением порождающей способности, из которой, например, следуют русская природа и латинская natura. Изначальному пониманию цэуйт присуща диалектика. Диалектика же подразумевает движение, движение от одного к другому, от первого ко второму, от второго к первому.

Само слово φύσις может быть понято из его тесной связанности со «светом» (φάος, φῶς) как некое «приближение к свету» или «освещение». Освещение проявляется в раскрытии сокровенного, когда проясняется темное и становится доступным неизвестное. В связи с этим φύσις определяется главным образом как восхождение, в котором мыслится движение к источнику естественного света – солнцу. Вместе с тем сущность греческого цэуйт не исчерпывается одним только понятием восхождения. Указание этому находим в 123 фрагменте Гераклита «φύσις κρύπτεσθαι φιλεῖ» – φύσις благосклонно к сокрытию. Таким образом, сокрытие так же, как и раскрытие, является определяющим само изначальное понимание φύσις. В этом смысле φύσις не ограничивается понятием рождения, но необходимым образом включает его в себя как неотъемлемую часть. Перемена в понимании произошла за счет того, что φύσις у стоиков стал мыслиться через τέχνη: «природа [φύσις] в их представлении есть искусственный огонь [πῦρ τεχνικόν], движущийся по пути к порождению» [8, с. 292].

Это воззрение стоиков восходит, видимо, к аристотелевскому разграничению между φύσει ἔντα и τέχνη ἔντα определяющему некий род сущего, производимого из чего-то, условно, его производящего, а не от самого себя. Аристотелевское τέχνη является тем, что производится человеком и человеком же поставляется в «вид» (εἶδος). Посредством τέχνη производится единично сущее в отличие от φύσις, имеющего характер более композиционный. В различении φύσις и τέχνη таится фундаментальное отличие гераклитовского понимания огня от стоического, не творящего, но лишь позволяющегося раскрыться сущему в его присут-

ствии. Подтверждение тому можно отыскать в 64 фрагменте Гераклита, который, несмотря на всю свою краткость, дает весьма полное понимание того различия, которое присутствовало в изначальном эллинском и эллинистическом понимании. «Сущим в его целом правит молния» [7, с. 205] (*τα δε πάντα οἰακίζει Κεραυνός*).

В этом изречении Гераклит указывает именно молнию (*Κεραυνός*), а не огонь (*πῦρ*) в качестве начала (*ἀρχή*) бытия. Указание подобного рода подразумевает внимательное обращение к сути определяемого понятия. Так, молния, во-первых, есть вспышка, озарение – момент предельной ясности и видимости. При этом видимость обретает не какая-либо часть, но целое в его слаженности и единстве всех частей. Значит, молния есть схватывание именно слаженности целого – его *λέγειν*. В противоположность постоянное (продолжительное) освещение наделяет зрение способностью сосредотачиваться на части. Во-вторых, длительность молнии есть момент, то есть нечто по смыслу почти противоположное продолжительности. Момент относится к продолжительности примерно так же, как наличность к приготовлению, или, более точно, ставшее к становящемуся. Таким образом, учение Гераклита не исчерпывается одной только мыслью о непрестанном становлении. Напротив, он размышляет о молнии, одномоментно озаряющей и небо, и землю, о вспышке, как бы фиксирующей присутствие здесь и сейчас в непрекращающемся потоке изменчивых явлений. В этом смысле молния суть истина, то есть не-сокрытость, возникающая из сокровенного (ночи), и даже требующая эту сокровенность для самого своего появления.

Общее место всего рассуждения о сущности гераклитовского огня состоит в том, что молния не творит сущее ни в его целом, ни какой-либо его части. Мир как бы замирает в своей открытости и целостности, давая запечатлеть себя в понимании, а потому огонь Гераклита не есть творческий (*τεχνικόν*). Он но необходимо исходит из тождественности понимания *φύσις* и *ἀλήθεια*. Некогда созданное представление о *τέχνη*, состоящее в подражании изначальному *φύσις*, со временем подменяет то изначальное понимание своим собственным содержанием, тем самым низводя все самостоятельно бытийствующее до уровня человеческого произведения.

Философская мысль стоицизма представляет собой синтетическое единство предшествующих ему эллинских представлений, но данных уже в их эллинизированном виде. Здесь космоонтология классической Греции уже не носит самодовлеющего характера, а является тем основанием, которое должно поддерживать этические интересы человека. Стоицизм дал самую «человеческую» интерпретацию *λόγος* как некоего начала, призванного собирать (*λέγειν*) смыслы (*λεκτόν*) и в этом собирании как бы «очищать» естество человека, приводя его к определенному совершенству. Это совершенное состояние «спасает» человека от подвластного положения, делая его существом деятельным (производящим), а саму его деятельность цельной и разумной.

Прежние онтологические теории были направлены на то, чтобы схватить сущность бытия вне человека, его побуждений и страстей, чувств и переживаний. Стоическая же мысль, напротив, отбрасывает всякое абстрактное и вне-человеческое из «бытия» и тем самым максимально сближает его с понятием

«жизнь», в своей конкретности значительно более человеческим. Важно понимать, что стоицизм не отрицает бытия, как не отрицает и необходимости, но, утверждая их в качестве фундаментального условия жизни, рассматривает саму жизнь в качестве частного проявления этого всеобщего условия. Другими словами, стоицизм исследует «бытийствующее» не в рамках «что оно есть», но, признав изначально что оно действительно «есть», заявляет о том «как оно есть». Стоик рассуждает уже не о некоем «раскрытии вида», но указывает «я вижу», для него нет «должного быть помысленным», но есть только «я мыслю».

Божественное откровение, будучи главной целью мышления в древности, понималось как нечто само по себе несомненное, а значит, не требующее доказательства. «Если человек, – как справедливо замечает Лео Штраус, – знает посредством божественного откровения, что есть правильный путь, ему не приходится открывать этот путь посредством своих самостоятельных усилий» [9, с. 84]. Но и сомнение – новый базовый принцип философии также необходимым образом подразумевает наличие самого по себе несомненного. Однако теперь оно должно исходить уже из человеческого разума и им же подкрепляться.

При всей своей новизне стоическая мысль все же не могла чересчур радикально отходить от сути классического мышления. Стоики необходимым образом признавали существование несомненного не в одном только человеке, но и в окружающем его мире, космосе. Выстраивается представление о природности «разума», с одной стороны, а с другой – разумности «природы». В разум невозможно уместить вещь, но в нем присутствует мысль об этой вещи, а потому и сама мысль также должна присутствовать в вещи. Вещь и мысль, а точнее, вещь с мыслью, есть смысл вещи, или смысловая предметность вещи. Смысл – это собственно и есть то, что распознается разумом как разумность вещи. Следовательно, присутствующая в части, должна присутствовать и в целом. А потому и сам космос разумен, что и составляет центральное основание несомненного стоической рефлексии. Так, *λόγος* периода досократики – это слово-откровение, *λόγος* классической Греции – это слово-определение, в то время как *λόγος* стоицизма – слово-произведение.

Стоицизм намеренно отбрасывает в сторону всяческое выяснение начал бытия. Для стоика наибольшую значимость имеет вопрос: что я могу познать силой одного лишь своего разума? И в этом случае ответом будет: решительно все, ибо как в целом (космосе) содержится единый смысл, так и в каждой части его содержится частный смысл, распознаваемый разумом. Любое послабление этой позиции естественным образом привело бы стоика к скепсису и тем самым разрушило бы всю его теорию. Философию стоика можно назвать не построением жилища, а его внутренним обустройством, наведением в нем определенного порядка. Так, жилищем стоицизм избрал учение Гераклита об огненном *Λόγος*, в то время как порядок наводился, скорее, в духе Аристотеля.

Центральное отличие гераклитовского учения от стоического как раз и заключается в человеческом *λόγος*. Согласно Гераклиту изначально *λόγος* не принадлежит человеку, возможность обладать им появляется из чуткого вслушивания (*Πολογεῖν*) в божественный *Λόγος*. Сам Гераклит говорит следующее: «Хотя и есть общий Логос, но живет большинство, словно собственное разумение име-

ет»[10, с. 3]. Стоикам же, исходящим исключительно из сил своего разума, ничего не оставалось, кроме как изначально поместить λόγος внутрь человека, тем самым отождествив его с богом.

Кроме того, признав все разумным, то есть таким, которое может быть понято разумом, стоицизм впервые представил философию как собственно научное знание. По мысли стоика, необъяснимого самого по себе не существует, но есть лишь сейчас необъяснимое, объяснение которого появляется с развитием разума. Философия здесь представляет собой методологию добычи и обработки чувственных данных, исходя из которых появляется научное знание (τέχνη).

Библиографический список

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Харьков; М., 2000.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М., 1993.
3. Дильтей В. Введение в науки о духе / под ред. В.С. Малахова, Н.С. Плотникова. М., 2000.
4. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб., 2009.
5. Сенека Луций Анней Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
6. Столяров А.А. Стоя и Стоицизм. М., 1995.
7. Хайдеггер М. Гераклит / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб., 2011.
8. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; пер. М.Л. Гаспарова. М., 1986.
9. Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007.
10. Гераклит. Фрагменты. М., 1910.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

E.V. Chekmarev
**The Components of the New
Statehood in the Interpretation
of Young Political Leaders**
(based on the scientific and
educational seminar of the
International Academy for
Leadership, Germany,
October 20 – November 1, 2013)

УДК 354:342.5(430)
ББК66.3(0),123(4Гем)

Э.В. Чекмарев

**КОМПОНЕНТЫ НОВОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ПОНИМАНИИ МОЛОДЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ**
(по материалам научно-
образовательного семинара
Международной академии
руководящих кадров,
Германия, 20 октября –
1 ноября 2013 г.)

Современные реалии общественно-политического развития демонстрируют выстраивание определенного вектора в мировоззренческих представлениях молодежи. Наибольший интерес у молодых людей вызывает проблема новой государственности в трансформирующемся мире. На проходившем с 20 октября по 1 ноября 2013 г. научно-образовательном семинаре был обозначен целый ряд проблем, отражающих отношение молодого поколения к государству, гражданскому обществу, личности, политическим процессам. 26 молодых политических лидеров, представителей науки, общественных организаций из 19 стран мира собрались, чтобы на лекциях, семинарах, практических заня-

тиях, встречах попытаться осмыслить либеральный подход к формированию новой государственности. Мир меняется стремительно, многие политические и общественные силы предлагают разные методы и средства этих изменений. Разобраться, что происходит в мире, познакомиться с одним из возможных подходов к этим изменениям позволила сама атмосфера академии и ее активисты, наиболее подготовленные кадры в области политологии.

Ведущими семинара стали профессор Рольф Фрайер и ассистент профессора Катя Мануэла Еггер. Среди выступающих экспертов были директор Академии руководящих кадров Фонда Фридриха Науманна Беттина Солингер, представитель Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии доктор Моника Баллин, проектные менеджеры Фонда Бертельсманна Клаудиа Прауга, Сабина Доннер, сотрудник Института либерализма доктор Саша Тамм и другие.

В рамках семинара прошел обмен мнениями участников относительно современных концепций демократического развития, специфики формирования индексов демократической стабильности Freedom House и индекса трансформации Бертельсманна. Наиболее яркими были выступления, характеризовавшие политическую систему Швейцарии, становление гражданского общества в Германии, особенности демократического развития в Аргентине, Колумбии, Бразилии, на Украине, положение Тибета.

Значительная часть сообщений была посвящена новым подходам к моделям управления обществом. Особой критике подверглась либеральная модель. Докладчики пытались ответить на ряд злободневных вопросов: почему либеральные партии в Германии, да и во всем мире сегодня терпят существенные поражения на выборах? Например, поддержка Свободной демократической партии (СВДП) населением на выборах в ФРГ опустилась с 14% в 2009 г. до 4% в 2013 г. Почему либеральные идеи и ценности сегодня терпят крах как в теории (нет серьезных публикаций во время разворачивающегося мирового кризиса, в частности на русском языке, развивающих идеи свободы, индивидуализма, прав и свобод человека и гражданина, защищающих частную собственность), так и на практике, в быту.

Политологи утверждали, что политическая партия СВДП не смогла преодолеть заградительный барьер, поскольку множество предвыборных обещаний не было выполнено, прежде всего относительно систем налогообложения и здравоохранения. Многие представители либеральной организации, рассуждая о крахе либеральных идей, отмечали, что сами идеи и ценности не потеряли своей актуальности, они остаются неприкосновенными, речь идет о принципах и методах их реализации конкретными людьми, которые далеко не всегда понимают их суть, не имеют навыков политической работы.

В контексте новой государственности особое внимание было уделено роли политических партий. Докладчики отмечали, что во многих странах мира люди разочаровались в деятельности политических партий, но при этом не разочаровались в политике в целом. Обмен мнениями по вопросу о демократии, ее сути и специфике показал разброс мнений о складывающихся моделях демократии. Интересными представились итоги голосования по вопросам: «Участники се-

минара живут в демократических режимах или нет?» и «Какова при этом самая острая проблема, недостаток политической системы в стране?». Из 26 участников семинара только 12 человек ответили, что они живут в демократических странах, а среди основных недостатков отметили отсутствие ответственности, конкуренции, популизм, коррупцию. Подчеркивалось также, что люди привыкли жить в тоталитарных странах, разочарованы в политике и политических партиях, кроме того, исполнительная власть доминирует над всеми другими ветвями власти, существуют искажения в политических институтах, проблема с менталитетом, народ мобилизуется элитой в нужный ей момент, не хватает постоянного, системного политического участия.

Серьезный теоретический анализ состояния современного демократического развития в мире был сделан в докладе американского профессора Л. Даймонда. Большой интерес участников вызвала концепция укорененной демократии и неполноценной демократии В. Меркеля, который предложил более четко определять параметры укорененной демократии, выделяя при этом следующие:

- наличие базовых социально-экономических условий,
- присутствие в обществе государственной состоятельности и развитости политических институтов,
- соотношение новых прав граждан с обязанностью их реализации со стороны государства,
- эффективность управления,
- выборы и отчетность власти,
- вопросы социального неравенства,
- организация общественного контроля.

Наряду с осмыслением проблем современной демократии подробно рассматривались исторические условия и модели становления и развития демократии в европейских странах. Многие участники обратили внимание на революционные предпосылки перехода к демократическим режимам. Так, представители Египта детально докладывали о демократической революции в этом государстве, ее последствиях и уже 12-ом варианте конституции за несколько последних лет.

Становление новой государственности, подчеркивало большинство выступающих, невозможно без глубоко научной и действенной молодежной политики политических партий. В Германии, как и во многих других странах мира, молодежь не принимает активного участия в политической жизни, выбирая в качестве альтернативы общественную деятельность. При этом в молодежных кругах часто меняются политические пристрастия. Особенно сильны среди молодежи позиции экологических движений. Немецких специалистов волнуют вопросы о том, как выйти из этой ситуации, сделать политическую партию привлекательной для молодежи. Одной из мер решения данной проблемы может стать временное членство в партии для молодых людей. Такой подход во многом способствовал бы политическому взрослению молодых людей, а также оградил бы их от общения с лицами, разрушающими политическую систему изнутри.

Дискуссионный характер носило обсуждение так называемых «прививок

демократичности». Пример событий на Украине свидетельствует о столкновении сил либерализма и авторитаризма, о сложности удержания власти. Молодежь на семинаре пыталась найти возможные пределы на пути тоталитаризма. По мере развертывания диспута становилось все более очевидным, что молодежь недостаточно подготовлена с точки зрения не только теории, но и практики. Тем не менее в фокусе проблем трансформации либерализма участники семинара продемонстрировали способность к поиску новых идей, в частности они настаивали на отказе от термина неолиберализм: сегодня стоит рассуждать о неосоциализме. Социал-демократические идеи преобладают в общественном сознании. Отмечая конкуренцию между либерализмом и неосоциализмом, участники семинара подчеркивали, что рыночная экономика, простое государственное управление – это базис развития либеральных принципов. Необходимо просто реализовывать указанные принципы и стандарты.

Обсуждение становления новой государственности выявило целый ряд проблем, так или иначе влияющих на формирование ее параметров. Серьезную методологическую значимость приобрела тема роли миграции в современном общественном развитии. В частности, предлагалось феномен миграции рассматривать с двух позиций: с одной стороны, как положительное явление – привлечение средств в регионы, изменение цен на недвижимость, с другой стороны, негативное – социальная адаптация, безопасность, торможение экономического развития. Либеральный подход, по мнению участников, состоит в том, чтобы не ограничивать права человека, в том числе в свободе передвижения. Что же касается государства, то оно должно создавать условия для человеческой мобильности и обеспечить минимальные социальные гарантии для всех. Однако участники семинара рассмотрели данную проблему усечено: исходя из либо приоритетов личности, либо государства. На наш взгляд, здесь требуется более глубокий анализ и с точки зрения взаимодействия мигрантов с обществом, а также государственной безопасности.

Особый резонанс вызвала лекция доктора С. Тамма, который выстроил парадигму качественного либерального управления. По его мнению, правительство, принимая решения, должно гарантировать личную свободу человека, позволить гражданам быть информированными и приспособляться к меняющимся условиям. «Правительство, – считает С. Тамм, – должно помогать создавать богатство для граждан и общества, а не отбирать последнее». При этом следует реализовывать принципы либерального качественного управления: верховенство закона, эффективно функционирующие институты, четко регламентирующие личную ответственность представителей власти, активное политическое участие в демократических процессах, субсидиарность (многое в политике должно быть децентрализовано, перераспределено на более низкий уровень, тем самым усиливается ответственность), политическая конкуренция (за наилучшие политическое решение, политическую договоренность), отлаженная прогностическая функция политических решений, прозрачность государственного управления.

Участие в подобных семинарах очень важно для научных сотрудников, практиков. Такие мероприятия дают возможность познакомиться с людьми разных стран, культур и религий, узнать новые теоретические подходы к рассматриваем-

мой проблеме, в ходе дискуссий попытаться понять и осмыслить происходящие в обществе изменения.

На состоявшемся научно-образовательном семинаре проведен весьма глубокий анализ демократичности обществ, обсуждались концепции либерализма в новых исторических условиях, путей вовлечения молодых людей в политику. Вместе с тем не все вопросы были освещены в полном объеме, это касается прежде всего форм и методов политического участия молодежи, ее активности в низовом звене управления – муниципалитетах, а также односторонне рассмотрена проблема миграции. Желательно, чтобы последующие семинары были посвящены названным вопросам.

E.Yu. Strigankova, V.S. Ufaeva
The XII International Scientific
and Practical Conference
for Students, Master Students
and Post-Graduate Students
“Communicative Challenges
of the 21st Century”
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
April 17, 2014)

Е.Ю. Стриганкова, В.С. Уфаева

**XII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ,
МАГИСТРАНТОВ
И АСПИРАНТОВ
«COMMUNICATIVE
CHALLENGES
OF THE XXI CENTURY»**

(г. Саратов,
Поволжский институт
управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
17 апреля 2014 г.)

Феномен коммуникации, ее проявление в современном социальном знании, социальных практиках и многообразных взаимодействиях, отношениях стран и народов, культурах и языках привлекают внимание

мирового научного сообщества всех уровней (глобального, регионального, локального). Отсутствие эффективного управления коммуникативными процессами приводит к повышению рисковости социального и коммуникативного пространств.

Изучение представленных процессов приобретает в этой ситуации особую актуальность: выделить, познать, найти оптимальные пути научного решения названных проблем – теоретическая задача, а эффективное использование научных данных – практическая задача социально-коммуникативного сообщества в сферах экономической, управленческой, политической и бизнес-коммуникации.

Именно решению указанных задач была посвящена XII Международная научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Communicative Challenges of the XXI Century» («Коммуникативные вызовы XXI века»). Конференция состоялась 17 апреля 2014 г. в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина в рамках Международного форума «Мы – управленцы!». Ее организаторами выступили Центр межкультурной управленческой коммуникации и кафедра английского языка института.

Конференция направлена на развитие научных коммуникаций международного академического сообщества и призвана актуализировать теоретические и научно-прикладные исследования студентов, магистрантов и аспирантов по современной коммуникативной проблематике. В рамках конференции работали четыре секции, мастер-класс с участием IT-эксперта, круглый стол для аспирантов. Основными рассматриваемыми явились вопросы современной политической, межкультурной, управленческой, профессиональной и бизнес-коммуникации; лингво-культурный аспект коммуникации и социального взаимодействия; компьютерно-опосредованная коммуникация (мастер-класс) и коммуникативные аспекты научного исследования (круглый стол).

В обсуждении актуальных проблем коммуникации приняли участие студенты, магистранты и аспиранты саратовских вузов: Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; Саратовского государственного технического университета имени Гагарина А.Ю.; Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова; ведущих российских вузов: Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Самарского государственного университета и других.

Международный статус конференции был поддержан представителями научно-образовательного и академического сообщества ближнего и дальнего зарубежья: Экономического университета г. Братиславы (Словацкая республика); общественного колледжа Северной Вирджинии, (г. Вашингтон, США). Заочно в конференции участвовали представители: Cardiff Sixth Form College (г. Кардиф, Великобритания) и Государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

На открытии конференции участников приветствовали представители принимающей стороны: руководитель Центра межкультурной управленческой ком-

муникации, заведующий кафедрой английского языка кандидат философских наук, профессор Е.Ю. Стриганкова; начальник научно-организационного отдела кандидат юридических наук О.Ю. Абакумов; председатель комиссии по информатизации и популяризации науки Совета молодых ученых и специалистов института доцент В.С. Уфаева.

Пленарное заседание своим выступлением открыл профессор Общественного колледжа Северной Вирджинии Мигель Корриган по теме «Marketing, Culture and Digital Media in the New Global Economy». В докладе профессор М. Корриган подчеркнул значимость проводимого мероприятия для установления международных научных контактов и разработки совместных научно-образовательных и бизнес-проектов. Развитие современной глобальной экономики не представляется возможным, по мнению докладчика, без выстраивания эффективных межкультурных и деловых билингвальных коммуникаций. Именно поэтому изучение коммуникативных и коммуникационных практик в современном обществе является особенно актуальными.

Профессор Экономического университета г. Братиславы Татьяна Гривикова пленарное выступление посвятила теме «Intercultural Competence and Cultural Literacy as Prerequisites of Success in Cross-Cultural Communication», что стало логическим продолжением постановки проблемы исследований межкультурных коммуникативных практик. Т. Гривикова обратила внимание аудитории на актуальные вопросы межкультурного взаимодействия и выделила ряд коммуникативных аспектов поликультурной грамотности. Формирование межкультурной компетенции современного человека, по ее словам, имеет определяющее значение в современной социокультурной ситуации глобализации и глокализации и, бесспорно, способствует развитию эффективного межкультурного взаимодействия, становлению добрососедских отношений в социально-экономической, политической сферах и бизнес-деятельности.

Работа секции «Политическая коммуникация» проводилась под руководством доцента кафедры английского языка В.С. Уфаевой. Обсуждались теоретические и практические аспекты коммуникативной политики миграционных европейских процессов, коммуникативные особенности речи политиков, акцентировалось внимание на роли современных коммуникационных технологий в политических практиках. Особый интерес и научную дискуссию вызвала проблема невербальной коммуникации современных политиков Германии и России, а также коммуникативных рисков в политической сфере, в том числе тема информационных войн на постсоветском пространстве. Участники продемонстрировали достаточно высокий уровень владения английским языком, умение выражать, аргументировать и отстаивать авторскую позицию.

По содержанию и качеству выступлений выделялись студенты Поволжского института управления Абдурахманов Руслан («Communicative Policy in European Migration Policies»), Колесникова Варвара («Informal Political Communication in the Internet»), Калинин Дмитрий и Яфасова Аделия («Media Ecology in the Modern Society»), Толмач Анатолий («"Information War" in Terms of Political Communication in the Post-Soviet Space»), студенты Саратовского государственного технического университета Курышов Андрей и Яшенко Илья

(«Communicative Peculiarities of Political Speeches»). Большой интерес вызвал доклад магистра Международной российско-германской программы двойных дипломов «Публичный менеджмент в России и Германии» («Political Communication in Russia and Germany: the Importance of Non-Verbal Communicative Techniques»).

Работа секции «Межкультурная коммуникация» проводилась под руководством старшего преподавателя кафедры английского языка Е.А. Гришиной при активном участии Т. Гривиковой (Экономический университет г. Братиславы). Секция была творчески организована и прошла продуктивно в активной дискуссионной форме. Научный и доброжелательный интерес, проявленный профессором Гривиковой, особенным образом стимулировал обсуждение, в ходе которого были сделаны содержательные теоретические выводы и практические рекомендации. Среди лучших были выступления студентов Поволжского института управления Осокиной Татьяны («Communication Styles across Cultures»), Орлова Степана («Intercultural Aspects of Corruption in Russia»), Озеровой Валерии и Цветковой Александры («Intercultural Communication on the Example of Relationships between Russia and the USA»); студентки аграрного университета имени Н.И. Вавилова Куриловой Анастасии («Cross-Cultural Communication Assisting the Process of Education»); студентов технического университета Пуговкина Олега и Межуновой Ольги («Adaptation of Foreign Students in an Alien Country»), Судиной Виктории («Culture and Communication Culture Shock»). Доклады были логично выстроены, содержали качественно и самостоятельно подготовленные презентационные материалы: видеоролики, включающие интервью с зарубежными студентами и демонстрирующие организацию и проведение обучающих вебинаров. Выступления отличались артистизмом и интерактивной манерой подачи материала. Особую дискуссию вызвали вопросы преодоления и смягчения культурного шока, коммуникативного анализа особенностей коррупции в России.

Руководство секцией «Управленческая, профессиональная и бизнес-коммуникация» осуществлялось старшим преподавателем кафедры английского языка А.А. Ревинной и профессором Общественного колледжа Северной Вирджинии М. Корриганом.

В работе секции очно приняли участие 11 студентов, заочно участвовал студент Cardiff Sixth Form College, UK Никита Ходков («Should the Policy of “Trade Not Aid” Be Adopted for Developing Countries?»). Среди лучших – доклады студентов Поволжского института управления Камневой Элины («Effectiveness of Production Placement in Business Communication»), Луневой Ренаты и Лункиной Татьяны («Educational Communicative Practices of the XXI Century»), Намова Андрея («Internal Social Media Network»), Кукленковой Екатерины («Women in Business Communication»); студентов экономического института Комкова Ивана («Online Shopping in Russia»), Елизарова Михаила и Парфенова Александра («From Colonization to Globalization. Economic Hit Men – the Communication Weapon»). В ходе выступлений обсуждались многообразные аспекты организационной, профессиональной и бизнес-коммуникации, были рассмотрены вопросы взаимоотношений бизнеса и потребителей, эффективных маркетинговых технологий, Интернет-продаж, гендерные особенности ведения международного бизнеса, роль социальных сетей, проблемы адаптации сотрудников в меж-

дународных компаниях. Участие профессора М. Корригана способствовало активной дискуссии, его научные комментарии вызвали живой интерес со стороны аудитории.

Работа секции «Лингво-культурный аспект коммуникации и социальное взаимодействие» прошла под руководством старшего преподавателя кафедры английского языка Е.С. Арефьевой. Лучшими стали выступления студентов Поволжского института управления Луканиной Елены («Learning National Mentality through Reading Folk Tales»), Базыровой Гиланы и Очергоряевой Джиргал («The Influence of the English Language on Russian Youth Slang»), студентки Саратовского государственного университета Тычковой Анастасии («Social Networks as the Way of Overcoming Language and Cultural Barriers»). Выступления были подготовлены на хорошем языковом и научном уровне, содержали интересный и качественный исследовательский материал, включающий компаративный анализ русских, английских и немецких сказок, большое количество примеров английских сленговых заимствований. В обсуждении активно участвовали все присутствовавшие студенты.

Мастер-класс «Компьютерно-опосредованная коммуникация» и круглый стол «Коммуникативные аспекты научного исследования» прошли в новационных научно-методических форматах. Их отличали практическая направленность, обмен опытом, конкретность ситуации, равноправное демократическое обсуждение и особая свобода дискуссии. Мастер-класс «Компьютерно-опосредованная коммуникация» проводился под руководством доцента кафедры английского языка Л.П. Салеевой совместно с директором Центра дистанционного образования М.В. Кобловой при активном участии IT-эксперта М.А. Иванова. Презентации студентов полностью соответствовали теме мастер-класса, отражали актуальные вопросы компьютерно-опосредованной коммуникации, особенностей применения современных коммуникационных технологий в различных сферах коммуникативных взаимодействий. Особо выделялись грамотное и эмоциональное выступление студента Саратовского социально-экономического института Алексея Копылова («Internet Communication: Positive or Negative Aspects»), а также доклады студентов Саратовского государственного технического университета Евгения Ушакова («E-Crime: IT Security in Business Communication») и Георгия Курочкина («Communication Technology Today»).

Круглый стол «Коммуникативные аспекты научного исследования» работал под руководством заведующего кафедрой английского языка и руководителя Центра межкультурной управленческой коммуникации кандидат философских наук, профессора Е.Ю. Стриганковой и старшего преподавателя кафедры английского языка Е.Э. Кудрявцевой. В обсуждении приняли активное участие аспиранты Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Отмечены доклады Дарины Черепановой («"Soft Power" Approach for the Improvement of Russia Political Image»), Дмитрия Норцева («Youth Political Movements in the EU Countries: Positive and Negative Aspects») и Осипова Вадима («Concept of Core Competencies as an Effective Management Tool»). Заслуживает одобрения высокий уровень выступлений и презентаций, показавший глубину содержания исследования и дискуссии, соответствующий им уровень сформирован-

---

ности коммуникативной иноязычной компетенции, партнерский дух сложившегося временного коммуникативного академического сообщества. Креативность работы круглого стола проявилась также в том, что его участники продемонстрировали творческие результаты самостоятельных диссертационных исследований, владение методологией научного исследования, использование возможностей коммуникативных практик ряда американских университетов в организации результативной и успешной научной деятельности.

В целом конференция прошла на высоком научно-теоретическом, методическом и организационном уровне, что было отмечено участниками, ее руководителями, представителями администрации Поволжского института управления имени П.А.Столыпина. Профессор Экономического университета (г. Братислава) Татьяна Гривикова и профессор Общественного колледжа Северной Вирджинии (г. Вашингтон) Мигель Корриган выразили признательность за приглашение к участию в конференции, оценив ее как важный вклад в развитие международного академического сотрудничества, а также отметив значимость для повышения уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции студентов. Организационный комитет конференции и кафедра английского языка благодарят зарубежных и отечественных участников и выражают надежду на дальнейшее творческое сотрудничество.

По итогам работы конференции будет издан сборник научных работ «Communicative Challenges of the XXI Century» (ISSN 2304-9901).

We Present the German and French Languages Chair of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
НЕМЕЦКОГО
И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ
Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ**

С подписанием Болонской декларации в Российской Федерации был дан старт реформированию высшей школы. Болонские реформы предусматривают перестройку систе-

---

мы высшего образования в России с целью включения нашей страны в единое европейское образовательное и научное пространство. Инновации требуют более качественного и эффективного изучения иностранного языка, активных методов его преподавания в вузе, использования новых технологий и совершенствования организации учебного процесса при помощи рейтинговой системы оценки знаний в сочетании с принципами педагогического менеджмента.

Кафедра иностранных языков была организована в 1991 г. и возглавлялась профессором, кандидатом филологических наук Поляковой Ларисой Викторовной. В 2002 г. в результате реорганизации была создана кафедра немецкого и французского языков. С 2006 г. до настоящего времени кафедрой руководит кандидат филологических наук, доцент Даштоян Егише Норикович. В этот период реализуется новая концепция развития кафедры, основными задачами которой являются развитие кадрового потенциала, повышение качества преподавания, активация научно-исследовательской работы студентов и международного сотрудничества, а также усиление информационно-просветительской работы среди абитуриентов и школьников.

Кафедра осуществляет формирование коммуникативной компетенции будущего специалиста, позволяющей практически пользоваться немецким и французским языками в научной, информационно-аналитической, профессиональной деятельности, непосредственном общении с зарубежными партнерами, для повышения квалификации и самообразования. Профессиональные знания, полученные в процессе обучения, дают возможность выпускникам кафедры читать и переводить иностранные тексты по широкому и узкому профилю специальности, владеть основами публичной речи, правилами речевого этикета устного и письменного делового общения, знать культуру и традиции стран изучаемого языка.

Основное направление научно-исследовательской деятельности кафедры – «Иностранный язык в системе подготовки управленческих кадров. Современные технологии обучения». Актуальность проводимых на кафедре исследований состоит в выработке эффективной методики преподавания иностранных языков, отвечающей наиболее адекватным образом требованиям по подготовке специалистов в области управления, владеющих иностранным языком. Приоритетными являются методы, направленные на развитие коммуникативной компетенции. Для построения высказываний, которые были бы понятны адресату, необходимо усвоить «ситуативную грамматику», которая предписывает использовать язык не только в соответствии со смыслом лексических единиц и правилами их сочетания в предложении, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, цели общения и ряда других факторов, знание которых в совокупности с собственно языковыми знаниями составляет коммуникативную компетенцию носителей языка.

Приоритетным направлением научно-исследовательской работы преподавателей кафедры являются исследования в области неолингвистики, в которой на первый план выступают задачи всестороннего изучения языковой личности, то есть человека в его способности совершать речевые поступки. Комплексное исследование языковой личности в процессе эволюции иноязычной коммуни-

---

кативной компетенции в психо-, когнито-, прагмалингвистическом аспектах наиболее актуально. Если ранее в науке господствовали представления об исключительной и достаточной роли контрастивного анализа систем родного и изучаемого языков для решения частных вопросов методики обучения иностранному языку, то сегодня на кафедре проводится теоретическое и экспериментальное изучение развития языковой личности в ее коммуникативной компетенции в условиях учебного двуязычия. Одним из недостаточно рассмотренных вопросов в теории овладения вторым языком является вопрос дискурсивного мышления, связанного со скрытыми процессами языкового сознания личности. Языковая личность реализует себя прежде всего в создании речевых произведений – дискурсов. При этом структура дискурса выступает отражением особенностей языковой личности, и в том числе ее коммуникативной компетенции. Одна из важных целей проводимых на кафедре исследований – создание многоаспектной модели становления дискурсивной компетенции языковой личности при овладении иностранным языком. Это является определенным научным достижением кафедры, так как комплексное и всестороннее изучение эволюции языковой личности в условиях учебного двуязычия в науке о языке практически не осуществлялось.

Особый интерес представляют исследования кафедры, посвященные изучению внутренней организации ментального лексикона в процессе овладения иностранным языком. Разработанная методика смешанного ассоциативного эксперимента получила много положительных отзывов в научных кругах. Детально рассмотрен механизм формирования вербально-ассоциативных связей элементов родного и иностранного языков в ментальном лексиконе с последующим развитием автономных семантических субсистем.

В настоящее время проводится работа по исследованию становления психолингвистических (когнитивных) механизмов порождения устных спонтанных дискурсов при овладении иностранным языком, а именно процесса овладения базовыми для порождения дискурса латентными речемыслительными операциями по разворачиванию темы в текст и, наоборот, компрессии речевого сообщения к ядерному смыслу. Кроме того, сопоставительный анализ устных спонтанных рассказов студентов на разных этапах овладения иностранным языком позволил изучить закономерности овладения способами передачи чужой речи.

Полученные результаты имеют не только теоретическую, но и, безусловно, практическую ценность. В обучении немецкому и французскому языкам преподавателями кафедры активно применяются результаты научной работы. Выявленные закономерности речевого развития языковой личности при овладении вторым языком служат базой для осознанного использования и совершенствования современных коммуникативных методов преподавания иностранного языка, а также разработки новых методов, способствующих развитию дискурсивного мышления и совершенствованию структуры устного спонтанного дискурса. Результаты исследования используются при создании специальных заданий по многосторонней оценке коммуникативной компетенции языковой личности в области изучаемого языка. Психолингвистические и прагмалингвистические исследования иноязычного дискурса позволяют более детально

моделировать процесс обучения в системном и последовательном развитии всех видов иноязычной речевой деятельности, основанных как на рецептивных (чтение, аудирование), так и на продуктивных (говорение, письмо) способностях обучаемых.

Созданная многоаспектная модель эволюции коммуникативной компетенции языковой личности дает возможность ускорить овладение синтаксической структурой текста (грамматический аспект изучения дискурса), улучшить степень выраженности прагмалингвистического потенциала дискурса, выработать модели жанрово-ролевого поведения, совершенствовать механизм разворачивания темы в текст и компрессии речевого сообщения. Механизм развития ментального лексикона свидетельствует в пользу прямого коммуникативного метода преподавания, особенно на начальных стадиях овладения иностранным языком, путем усиления ассоциативных связей между иноязычными элементами, а также концептами и фреймами с целью формирования автономной «иноязычной» системы в ментальном лексиконе. В связи с этим столь распространенный и поныне грамматико-переводной метод недопустим.

Важным направлением научно-исследовательской работы кафедры является рассмотрение языка в более широком контексте, в изучении диахронических изменений структуры языка как отражения особенностей картины мира в целом. Такой философско-лингвистический, эпистемологический подход в преподавании иностранного языка открывает широкие возможности изучения студентами проблем его происхождения, связи с мышлением, а также национальной картины мира носителей изучаемого языка.

В рамках основного направления научно-исследовательской деятельности действует организуемый кафедрой научно-методический семинар «Иностранный язык в системе подготовки управленческих кадров. Современные технологии обучения». На семинаре обсуждаются наиболее актуальные вопросы преподавания иностранных языков, результаты взаимопосещений преподавателей кафедры, происходит обмен опытом, методическими приемами и разработками. Кроме того, для участия в семинаре приглашаются коллеги из других вузов, немецкие коллеги, работающие в образовательных учреждениях г. Саратова.

Обобщением и распространением собственного опыта исследовательской и практической работы для преподавателей кафедры является руководство научно-исследовательской работой студентов.

«Человек в контексте культуры», «Роль культуры в социальном статусе индивида», а также «Человек в условиях реформ и социальных изменений» – направления деятельности научного кружка «Россия и Германия: место в мировой культуре», действующего при кафедре с 2006 г. Студентами изучается место России и Германии в мировой культуре, межкультурные связи двух стран, что отвечает основным целям преподавания иностранного языка в вузе – формированию как языковой, так и коммуникативной, социально-культурной компетенции будущего специалиста. С 2009 г. при кафедре успешно функционирует и второй научный кружок «Социально-экономические аспекты современной жизни в Германии».

Результатом активации научно-исследовательской деятельности студентов

явились публикации студенческих и аспирантских работ на немецком языке в научных сборниках. Студенты и аспиранты активно участвуют в многочисленных семинарах, круглых столах и конференциях различного уровня, организуемых кафедрой по актуальным вопросам страноведения Германии, Франции и России. Начиная с 2006 г., ежегодно проводится конкурс студенческих научных работ по экономическим и социально-политическим аспектам современной жизни Германии, Франции и России. Кафедра поддерживает партнерские связи с Немецким культурно-информационным центром в Саратове и Культурно-просветительской общественной организацией «Альянс Франсез – Саратов». Проводятся совместные мероприятия различного уровня с коллегами из Германии и Франции (конференции, круглые столы, дискуссионные вечера).

Важнейшим направлением научно-образовательной деятельности кафедры является проектирование и реализация зарубежных программ стажировок, в которых участвуют студенты и преподаватели всех кафедр института, что позволяет развивать межкафедральные связи при решении определенных исследовательских задач. Целевые программы повышения квалификации, включающие семинары, круглые столы, тренинги, профессиональные и страноведческие информационные мероприятия, способствуют повышению профессионализма, а также созданию международных сетей связей, совмещению интересов и концепций развития.

Участие в зарубежных стажировках по профилю научно-исследовательской работы института дает возможность улучшать подготовку преподавателей, студентов, слушателей института, качество оказания образовательных услуг. Кроме того, страноведческая информация и языковая практика являются особенно ценным опытом для преподавателей иностранных языков.

Программы научных стажировок, организуемых кафедрой совместно с зарубежными партнерами, по которым с 2010 г. прошли обучение около 200 преподавателей, аспирантов, студентов и слушателей:

1. «Государственная политика в области образования в современном гражданском обществе – роль региональных законов и практические мероприятия на примере Федеративной Республики Германия». Место проведения: г. Берлин (ФРГ). Партнеры: Университет г. Потсдам, Немецко-русский обмен (г. Берлин).

2. «Экономика предприятия: инвестиционный маркетинг и менеджмент в сфере логистики». Место проведения: г. Штутгарт (ФРГ). Партнеры: Университет г. Штутгарт, администрации г. Констанц и Штутгарт.

3. «Социокультурные и экономические аспекты добровольческой деятельности в Германии». Место проведения: г. Берлин (ФРГ). Партнеры: Немецко-русский обмен (г. Берлин).

4. «Социальные, экономические и культурные аспекты миграции и интеграции в Федеративной Республике Германия». Место проведения: г. Берлин (ФРГ). Партнеры: Немецко-русский обмен (г. Берлин).

5. «Структурная организация государственного и муниципального управления в Германии». Место проведения: г. Мюнхен (ФРГ). Партнеры: администрация г. Мюнхен, государственная канцелярия Баварии, Высшая школа государственного управления и права Баварии, Администрация г. Гармиш-Партенкирхен, Немецко-русский обмен (г. Берлин).

---

6. «Государственное управление в сфере экономики». Место проведения: г. Мюнхен (ФРГ). Партнеры: государственная канцелярия Баварии, Высшая школа государственного управления и права Баварии, ландратсамт (окружной совет) округа Гармиш-Партенкирхен, Немецко-русский обмен (г. Берлин).

7. «Структура и организация городского управления на примере столицы Германии, г. Берлин». Место проведения: г. Берлин (ФРГ). Партнеры: Немецко-русский обмен (г. Берлин), Общественная организация «Немецкое общество» (г. Берлин), правительство федеральной земли Берлин, администрация г. Берлин.

8. «Правовые, социальные и межкультурные практики в деятельности органов государственного и муниципального управления стран Евросоюза». Место проведения: г. Кельн (ФРГ). Партнеры: Высшая школа государственного управления земли Северный Рейн – Вестфалия, Европейский парламент в г. Брюссель, Немецко-русский обмен (г. Берлин).

9. «Правовые, социально-политические, экономические и межкультурные аспекты деятельности институтов Европейского Союза». Место проведения: г. Кельн (ФРГ). Партнеры: Высшая школа государственного управления земли Северный Рейн – Вестфалия, Европейская комиссия в г. Брюссель, Европейский парламент в г. Люксембург, администрация г. Брюль, Немецко-русский обмен (г. Берлин).

10. «Политико-правовые основы европейской интеграции: деятельность органов государственной власти в контексте европейского права». Место проведения: г. Берлин (ФРГ). Партнеры: Общественная организация «Немецкое общество» (г. Берлин), правительство федеральной земли Берлин, администрация г. Берлин, парламент федеральной земли Берлин, Бундесрат, Информационный центр Европейского Союза в г. Берлин.

Перспективным в работе кафедры в ближайшие годы является дальнейшее расширение сотрудничества с европейскими вузами и организациями, активное привлечение студентов для участия в международных конкурсных и стипендиальных программах, развитие дистанционных форм обучения и научно-исследовательского взаимодействия с российскими и зарубежными партнерами в единой системе научно-образовательного пространства.

Е.Н. Даштоян,
*кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой немецкого и французского языков*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышная Наталия Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и права Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: socis64@gmail.com

Богорубова Татьяна Александровна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-процессуальных дисциплин Поволжского (Саратов) юридического института – филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ

e-mail: tabogorubova@mail.ru

Вершицкая Галина Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: vershickaya@yandex.ru

Ганага Виктория Васильевна – соискатель кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии

e-mail: vganaga@yandex.ru

Гусева Александра Владимировна – магистрант кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

e-mail: alguse@mail.ru

Даштоян Егише Норикович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой немецкого и французского языков Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: dashten.d@yandex.ru

Демидова Марина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: demidovamv@rambler.ru

Дорошин Иван Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: ivansar@mail.ru

Жура Светлана Егоровна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического института Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Института управления (Архангельск)
e-mail: sgura@rambler.ru

Зотов Виталий Владимирович – проректор по научной работе, доктор социологических наук, Курская академия государственной и муниципальной службы
e-mail: indinst@mail.ru

Колесова Елена Львовна – глава управы района Северный г. Москвы, аспирант кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kolesova-elena@mail.ru

Коростылева Наталья Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: beek@rambler.ru

Кузнецова Марина Владимировна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Индустриальный институт (Курск)
e-mail: kmw121276@mail.ru

Малый Вадим Игоревич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой антикризисного управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: sreda@email.ru

Малькевич Мария Сергеевна – аспирант кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: malkev@mail.ru

Носенко Наталья Александровна – аспирант кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: unesco@migsu.ranepa.ru

Розеватов Георгий Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: zhora25@mail.ru

156   2014 ● ВЕСТНИК ПАГС

Саенко Людмила Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры гражданского права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (Москва)
e-mail: saenko7@yandex.ru

Смирнова Ирина Георгиевна – доцент кафедры информационных технологий и прикладной математики Института управления (Архангельск)
e-mail: iringeo@mail.ru

Стриганкова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: English@pags.ru

Сулимин Александр Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Kratos84@yandex.ru

Усова Мария Викторовна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: mashyliapags@mail.ru

Уфаева Виктория Сергеевна – аспирант кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: victoria-ufaeva@yandex.ru

Феллер Максим Викторович – аспирант кафедры теологии и религиоведения философского факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: maksfell@mail.ru

Чекмарев Эдуард Владимирович – директор научно-методического центра по работе с молодежью, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: chekmarev@nm.ru

Юшкова Наталия Геннадиевна – кандидат архитектуры, доцент, соискатель Волгоградского государственного университета
e-mail: ymanul@gmail.com

Ягудин Ильдар Рушанович – аспирант кафедры гуманитарных наук Энгельсского технологического института – филиала Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: business-assistant@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia Aleksandrovna Baryshnaya – Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Public Administration and Law Chair, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: socis64@gmail.com

Tatiana Aleksandrovna Bogorubova – Candidate of Sciences (Sociology), Docent, Head of the Civil Procedure Disciplines Chair, Volga Region (Saratov) Institute of Law – Branch of the Russian Academy of Law of the Ministry of Justice of the Russian Federation
e-mail: tabogorubova@mail.ru

Galina Valentinovna Vershitskaya – Candidate of Sciences (Law), Docent of the Administrative and Criminal Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: vershickaya@yandex.ru

Viktoriya Vasilievna Ganaga – competitor of the History of State and Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: vganaga@yandex.ru

Aleksandra Vladimirovna Guseva – Master student of the World Economics and Management of Foreign Economic Activity Chair, Saratov Socio-Economic Institute of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov
e-mail: alguse@mail.ru

Egishe Norikovich Dashtoyan – Candidate of Science (Philology), Head of the German and French Languages Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: dashten.d@yandex.ru

Marina Vladimirovna Demidova – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: demidovamv@rambler.ru

Ivan Aleksandrovich Doroshin – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Theology and Religious Studies Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: ivansar@mail.ru

Svetlana Egorovna Zhura – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Head of the Administrative and Financial Law Chair, Institute of Law of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, research associate of the Institute of Management (Arkhangelsk)
e-mail: sgura@rambler.ru

Vitaly Vladimirovich Zotov – Vice-Rector on Scientific Work, Doctor of Sciences (Sociology), Kursk Academy of State and Municipal Service
e-mail: indinst@mail.ru

Elena Lvovna Kolesova – Head of the District Council of the Severny District of Moscow, post-graduate student of the Civil Service and Personnel Policy Chair, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kolesova-elena@mail.ru

Natalia Nikolaevna Korostyleva – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Civil Service and Personnel Policy Chair, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration
e-mail: beek@rambler.ru

Marina Vladimirovna Kuznetsova – lecturer of the Social-Humanitarian Disciplines Chair, Industrial Institute (Kursk)
e-mail: kmw121276@mail.ru

Vadim Igorevich Maly – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: sreda@email.ru

Maria Sergeevna Malkevich – post-graduate student of the Civil and Family Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: malkev@mail.ru

Natalia Aleksandrovna Nosenko – post-graduate student of the UNESCO Chair, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: unesco@migsu.ranepa.ru

Georgy Aleksandrovich Rozevatov – Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: zhora25@mail.ru

Lyudmila Vladimirovna Saenko – Candidate of Sciences (Law), Docent, doctoral student of the Civil Law Chair, Russian Academy of Law of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow)
e-mail: saenko7@yandex.ru

Irina Georgievna Smirnova – Docent of the Information Technology and Applied Mathematics Chair, Institute of Management (Arkhangelsk)
e-mail: iringeo@mail.ru

Elena Yurevna Strigankova – Candidate of Sciences (Philosophy), Head of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: English@pags.ru

Aleksandr Nikolaevich Sulimin – Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Public Administration Chair, Astrakhan Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Kratos84@yandex.ru

Maria Viktorovna Usova – post-graduate student of the Theoretical and Social Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: mashyliapags@mail.ru

Victoria Sergeevna Ufaeva – post-graduate student of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: victoria-ufaeva@yandex.ru

Maksim Viktorovich Feller – post-graduate student of the Theology and Religion Studies Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: maksfell@mail.ru

Eduard Vladimirovich Chekmarev – Director of the Scientific and Methodological Center for Youth Work, Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: chekmarev@nm.ru

Natalia Gennadievna Yushkova – Candidate of Science (Architecture), Docent, competitor of the Volgograd State University
e-mail: ymanul@gmail.com

Ildar Rushanovich Yagudin – post-graduate student of the Humanities Chair, Engels Institute of Technology – branch of Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: business-assistant@bk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Зотов В.В., Кузнецова М.В.

Диагностика процедуры аттестации для профессиональной самореализации
на государственной гражданской службе 4

Барышная Н.А.

Механизмы совершенствования региональной миграционной
и этнокультурной политики (на примере Саратовской области) 9

Колесова Е.Л.

Кадровый потенциал органов местного самоуправления:
состояние и тенденции 16

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

21

Сулмин А.Н.

Риски вступления России в глобальное информационное сообщество 21

Богорубова Т.А., Саенко Л.В.

Современные проблемы модернизации правового регулирования семейных
отношений на постсоветском пространстве 26

Ганага В.В.

Брак (партнерство) как средство экономии бюджетных средств
в социальном государстве: опыт Германии 33

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

41

Вершицкая Г.В.

Правовые особенности осуществления
негосударственной экспертной деятельности 41

Малькевич М.С.

Реализация принципа равенства родительских прав
на содержание ребенка 46

Ягудин И.Р.

Феномен гражданства
в векторах измерения прав и свобод личности 51

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

58

Коростылева Н.Н.

Профессиональное развитие государственных гражданских служащих:
результаты социологического мониторинга 58

Малый В.И., Гусева А.В.

Влияние университетской среды на инновационную систему региона
(развитие теории «Тройной спирали» на примере Саратовской области) 67

Розеватов Г.А.

Флексибилизация рынка труда
как основа появления нестандартной занятости 75

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

81

Юшкова Н.Г.

Перспективы регионального планирования 81

Жура С.Е.

Малый бизнес в инновационной деятельности Российской Федерации:
проблемы и пути их решения 90

Носенко Н.А.

Формирование предпринимательской среды региона
в условиях социально-экономических изменений 99

Смирнова И.Г.

Анализ механизма принятия управленческих решений
в агропромышленном комплексе как экономической системе 105

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

111

Дорошин И.А.

Цивилизационный «разлом» Поволжья:
профилактика конфликта и пространство диалога 111

Демидова М.В.

Единицы измерения и ликвидность символического капитала:
социально-философский подход 117

Усова М.В.

Сеть как маркер современного общества: социально-философский аспект 125

Феллер М.В.

Стоицизм: философия как искусство 132

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

140

Чекмарев Э.В.

Компоненты новой государственности
в понимании молодых политических лидеров
(по материалам научно-образовательного семинара Международной академии
руководящих кадров, Германия, 20 октября – 1 ноября 2013 г.) 140

162   2014   ●   ВЕСТНИК ПАГС

Стриганкова Е.Ю., Уфаева В.С.

XII Международная научно-практическая конференция
студентов, магистрантов и аспирантов
«Communicative Challenges of the XXI Century»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
17 апреля 2014 г.) 144

Представляем кафедру немецкого и французского языков

**Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ** 149

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

155

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Zotov V.V., Kuznetsova M.V. Diagnostics of Attestation Procedures for Professional Fulfillment at Civil Service	4
Baryshnaya N.A. Tools of Improvement of Regional Migration and Ethno-Cultural Policy (case study of the Saratov Region).....	9
Kolesova E.L. Personnel Potential of Local Government Bodies: Status and Trends	16

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

21

Sulimin A.N. The Risks of Russia's Joining the Global Information Community	21
Bogorubova T.A., Saenko L.V. Modern Problems of Modernization of the Legal Regulation of Family Relations in the Post-Soviet Space	26
Ganaga V.V. Marriage (Partnership) as a Means of Budgetary Savings in a Social State: the German Experience	33

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

41

Vershitskaya G.V. Legal Features of Non-Governmental Expert Activity	41
Malkevich M.S. Implementation of the Principle of Equality of Parental Rights for the Child Maintenance	46
Yagudin I.R. The Phenomenon of Citizenship in Vectors Measuring Individual Rights and Freedoms	51

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

58

Korostyleva N.N.

Professional Development of Civil Servants:
the Results of Sociological Monitoring 58

Maly V.I., Guseva A.V.

The Influence of the University Environment
on an Innovative System in the Region
(the Development of the “Triple Helix” Theory
in the Case of the Saratov Region) 67

Rozevatov G.A.

Flexibilization of Labor Market as a Basis of the Emergence
of Nonstandard Employment 75

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

81

Yushkova N.G.

The Prospects of Regional Planning 81

Zhura S.E.

Small Business in Innovation Activity of the Russian Federation:
Problems and Solutions 90

Nosenko N.V.

Developing a Business Environment of a Region
in Conditions of Socio-Economic Changes 99

Smirnova I.G.

The Analysis of Managerial Decision-Making Mechanism
in Agroindustrial Sector as an Economic System 105

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

111

Doroshin I.A.

Civilizational “Rift” of the Volga Region:
Conflict Prevention and Dialogue Space 111

Demidova M.V.

Measurement Units and the Liquidity of Symbolic Capital:
Socio-Philosophical Approach 117

Usova M.V.

Network as a Marker of Modern Society: Socio-Philosophical Aspect 125

Feller M.V.

Stoicism: Philosophy as a Craft 132

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

140

Chekmarev E.V.

The Components of the “New Statehood” in the Interpretation of Young Political
Leaders (based on the scientific and educational seminar of the International
Academy for Leadership, Germany, October 20 – November 1, 2013) 140

Strigankova E.Yu., Ufaeva V.S.

The XII International Scientific and Practical Conference for Students,
Master Students and Post-Graduate Students “Communicative Challenges
of the 21st Century” (Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, April 17, 2014) 144

***We Present the German and French Languages Chair
of Stolypin Volga Region Institute
of Administration of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration 149***

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

158

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 2 (41)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2014 г., п. № 873

Подписано к печати 20.05.2014 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 13,54. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500. Заказ 511.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителе, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>